

**Университет
Мировых
Цивилизаций**
ИМЕНИ В.В. ЖИРИНОВСКОГО

ISSN 2949-4788

ВЕСТНИК

УНИВЕРСИТЕТА

МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Том 17 № 2 (51) 2026

Москва
2026

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Том 17 № 2 (51) 2026

Научный журнал

Председатель редакционного совета

Слуцкий Леонид Эдуардович,

доктор экономических наук, Председатель Либерально-демократической партии России,
глава фракции ЛДПР в Государственной Думе, председатель Комитета по международным делам
Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации,
Председатель Правления Международного общественного фонда «Российский фонд мира»

Заместитель председателя редакционного совета

Слоботчиков Олег Николаевич,

кандидат политических наук, профессор,
ректор Университета мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Редакционный совет

Агеев Александр Иванович,

доктор экономических наук, профессор,
гендиректор Института экономических стратегий
РАН, гендиректор МНИИ проблем управления

Алиев Тигран Тигранович,

доктор юридических наук, профессор,
почетный адвокат России, Университет мировых
цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Артеменков Михаил Николаевич,

кандидат исторических наук, доцент, ректор
Смоленского государственного университета,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права

Бахмет Ольга Николаевна,

член-корреспондент РАН, генеральный директор
Карельского научного центра РАН

Бобков Владимир Андреевич,

доктор исторических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Республики Беларусь,
член-корреспондент НАН Беларуси, председатель
Белорусской ассоциации политических наук,
профессор БНТУ

Быков Алексей Александрович,

доктор экономических наук, профессор,
проректор по научной работе Белорусского
государственного экономического университета

Ван Ци,

доктор социологических наук, профессор, испол-
нительный директор Института стратегического
сотрудничества между Китаем и Россией
при Университете Цинхуа

Волох Владимир Александрович,

доктор политических наук, профессор,
Государственный университет управления,
г. Москва

Глушко Алексей Николаевич,

доктор психологических наук, профессор,
Заслуженный врач РФ, Университет мировых
цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Ильина Ирина Евгеньевна,

доктор экономических наук, доцент,
директор Российского научно-исследовательского
института экономики, политики и права
в научно-технической сфере

Кирсанов Константин Александрович,

доктор экономических наук, профессор,
Университет мировых цивилизаций
имени В.В. Жириновского, г. Москва

Костина Анна Владимировна,

доктор философских наук, доктор культурологии,
профессор, проректор по научной работе,
директор Института фундаментальных
и прикладных исследований,
Московский гуманитарный университет

Кузнецов Вадим Федорович,

доктор политических наук, профессор,
Университет мировых цивилизаций
имени В.В. Жириновского, г. Москва

Курдюмов Александр Борисович,

кандидат экономических наук, доцент,
член Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Манучарян Мери Гагиковна,

кандидат экономических наук, доцент,
директор Института экономики НАН РА

Тулохонов Арнольд Кириллович,

доктор географических наук, академик РАН,
гл.н.с., Байкальский институт природопользова-
ния СО РАН

Чичулин Николай Александрович,

доктор политических наук, профессор,
Университет мировых цивилизаций
имени В.В. Жириновского, г. Москва

Шатохин Михаил Викторович,

доктор экономических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Том 17 № 2 (51) 2026

Научный журнал

Редакционная коллегия

Главный редактор

Слоботчиков Олег Николаевич,

кандидат политических наук, профессор,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Заместитель главного редактора

Чичулин Николай Александрович,

доктор политических наук, профессор,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Брега Александр Васильевич,

доктор политических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ

Векленко Василий Иванович

доктор экономических наук, доцент,
Курский государственный аграрный университет
имени И.И. Иванова, г. Курск

Вертинская Татьяна Сергеевна, доктор экономиче-
ских наук, доцент, руководитель Центра мировой
экономики Института экономики
Национальной академии наук Беларуси

Волох Владимир Александрович,

доктор политических наук, профессор,
Государственный университет управления,
г. Москва

Герасимов Владимир Иванович,

кандидат филологических наук,
Университет мировых цивилизаций
имени В.В. Жириновского, г. Москва

Датченко Ирина Валентиновна,

доктор экономических наук, доцент,
Российский новый университет

Жахов Николай Владимирович,

доктор экономических наук, доцент,
Юго-Западный государственный университет,
г. Курск

Жияков Дмитрий Иванович,

доктор экономических наук, доцент, профессор,
Курский государственный аграрный университет
имени И.И. Иванова, г. Курск

Кирсанов Константин Александрович,

доктор экономических наук, профессор,
Университет мировых цивилизаций
имени В.В. Жириновского, г. Москва

Лексин Владимир Николаевич,

доктор экономических наук, профессор,
гл.н.с. Института системного анализа
ФИЦ «Управление и информатика» РАН

Михайленко Александр Николаевич,

доктор политических наук, профессор, РАНХиГС

Нижегородцев Роберт Михайлович,

доктор экономических наук, профессор,
зав. лабораторией Института проблем управления
РАН

Расторгуев Сергей Викторович,

доктор политических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ

Семедов Семед Абакаевич,

доктор философских наук, профессор, зав. кафе-
дрой «Международное сотрудничество» РАНХиГС

Сидоренко Ольга Викторовна,

доктор экономических наук, доцент,
Орловский государственный аграрный
университет имени Н.В. Парахина, г. Орел

Слатинов Владимир Борисович,

доктор политических наук, доцент,
Курский государственный университет, г. Курск

Толстых Татьяна Олеговна,

доктор экономических наук, профессор,
Национальный исследовательский технологиче-
ский университет «Московский институт стали
и сплавов»

Ярыгина Ирина Зотовна,

доктор экономических наук, профессор,
директор по научной работе Национального коми-
тета по исследованию БРИКС, зав. сектором Экс-
пертного совета БРИКС при ВШЭ, зав. кафедрой
МГИМО МИД России

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Том 17 № 2 (51) 2026

Научный журнал

Периодичность выхода — 4 номера в год.

Издается с 2010 года.

Научный периодический журнал «Вестник Университета мировых цивилизаций» публикует статьи по следующим научным специальностям:

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения

Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России. Учредитель и издатель журнала — Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского». Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-85803 от 04 сентября 2023 г.

Подписку на журнал «Вестник Университета мировых цивилизаций» можно оформить:

- в любом почтовом отделении Российской Федерации, в электронном каталоге «Почта России» или на сайте: <https://podpiska.pochta.ru/>. Подписной индекс — PM973;
- на сайте «Объединенного каталога «Пресса России»: www.pressa-rf.ru. Подписной индекс — 10591.

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования)
www.elibrary.ru

Научные статьи, публикуемые в журнале, подлежат обязательному рецензированию.

Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, собственных имен, цитат, статистических данных и иных сведений.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При перепечатке материалов и использовании их в любой форме, в том числе и в электронных СМИ, ссылка на журнал «Вестник Университета мировых цивилизаций» обязательна.

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, политических процессов и технологий, экономики и управления народным хозяйством, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой, экономическими науками.

Адрес редакции:

119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 1/2, корп. 1.

Контактный телефон: +7 (495) 632-17-60

E-mail: izdimc@mail.ru <http://imc-j.ru/>

© АНО ВО «УМЦ», 2026

Frequency of publication: 4 issues per year.

Has been published since 2010.

The scientific periodical journal «Herald of the University of World Civilizations» publishes articles in the following fields of science:

5.2.3. Regional and sectoral economics

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations

It is on the list of peer-reviewed scientific journals that, according to the Higher Attestation Commission (HAC) of the Russian Ministry of Education and Science, must publish the primary scientific findings of dissertations for academic degrees of Doctor of Science and Candidate of Science.

The Autonomous Non-Commercial Organisation of Higher Education «Zhirinovskiy University of World Civilisations» is the journal's founder and publisher.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications.

Mass media registration certificate, PI number FS77-85803, issued September 4, 2023.

The journal «Herald of the University of World Civilizations» is available for subscription at any post office in the Russian Federation, online under the «Russian Post» electronic catalogue, or on the website: <https://podpiska.pochta.ru/>.

The subscription index is PM973; available at www.pressa-rf.ru, the website of the United Catalogue of the Press of Russia. The subscription index is 10591.

The journal is included in the RINTS
(Russian Science Citation Index) database.
www.elibrary.ru

Peer review is required for scientific articles published in the journal.

The accuracy of the facts, proper names, quotes, statistical data and other information provided are entirely the responsibility of the authors of published materials.

The opinion of the editors may not coincide with the opinion of the authors of the articles.

A link to the journal «Herald of the University of World Civilisations» must be included if materials are reprinted and used in any way, including electronic media.

In addition to a broad readership interested in Russian and foreign economic sciences and foreign policy, the journal is meant for professional researchers, analysts, and practitioners in the fields of international relations, political processes and technologies, economics, and national economy management.

Address of the editorial office

119049, Moscow, Leninsky Avenue, 1/2, bldg. 1.

Contact phone: +7 (495) 632-17-60

E-mail: izdimc@mail.ru <http://imc-j.ru/>

© University of World Civilizations, 2026

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бешляга Б.Э., Чичулин Н.А. Волонтерство как элемент негосударственной составляющей системы обеспечения национальной безопасности.....	7
Левчик Д.А., Слепокуров В.М. Игра на понижение. влияние мировых инновационных кризисов начала XXI века на российский политический рынок	13
Легошин А.И., Болгов Н.В. Социально-политическая активность молодежи как фактор становления цивилизационного политического сознания	22
Лихоносов А.Г., Чичулин Н.А., Бурчаков Д.Ю. Система обеспечения этнополитической безопасности России: отечественный опыт и современность	30
Мельников Г.Н. Коммуникативные позиции России в сфере внешнеполитических событий первой четверти XXI в.	37
Николаев А.А. Экспансионизм НАТО как вызов национальным интересам Российской Федерации	50
Палкин А.Д. Влияние демографической политики Таиланда и Камбоджи на лингвистическую экологию в Юго-Восточной Азии	56

POLITICAL SCIENCE

Beshlyaga B.E., Chichulin N.A. Volunteering as an element of the non-state component of the national security system.....	7
Levchik D.A., Slepokurov V.M. A short game. The impact of the global innovation crises of the early 21 st century on the russian political market	13
Legoshin A.I., Bolgov N.V. Socio-political activity of youth as a factor in the formation of civilizational political consciousness	22
Likhonosov A.G., Chichulin N.A., Burchakov D.Y. The system of ensuring Russia's ethnopolitical security: domestic experience and modernity	30
Melnikov G.N. Russia's communicative positions in the sphere of foreign policy events of the first quarter of the 21 st century	37
Nikolaev A.A. NATO's expansionism as a challenge to the national interests of the Russian Federation	50
Palkin A.D. The impact of demographic policies of Thailand and Cambodia on linguistic ecology in Southeast Asia	56

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Акиева П.Х. Методологические подходы к проблеме импортозамещения	65
Игнатова М.Н., Квач Н.М., Сукманов Э.В., Богачева Т.В. Совершенствование механизма управления финансовыми результатами корпоративных структур.....	73
Кузьмина В.М., Саитова Ф.Н., Тимакина Ю.А., С.О. Новосельский Аграрный экспорт развивающихся стран: актуальные тенденции и прогноз.....	87
Новосельский С.О., Шлеенко А.В., Ищенко М.М., Брикетова О.В. Кадровый менеджмент в бюджетных дошкольных образовательных организациях.....	103
Шилов Г.В. Объектно ориентированный анализ в управленческой деятельности: преодоление семантического разрыва между специалистами по ИТ и менеджерами	117

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Лебедева О.П. Уроки интеллектуальной истории для партийного строительства (социальные утопии и проекты Александра Богданова-Малиновского)	124
К сведению авторов	133

ECONOMIC SCIENCES

Akieva P.Kh. Methodological approaches to the problem of import substitution ..	65
Ignatova M.N., Kvach N.M., Sukmanov E.V., Bogacheva T.V. Improving the mechanism of financial performance management in corporate structures	73
Kuzmina V.M., Saitova F.N., Timakina Y.A., Novoselsky S.O. Agricultural exports of developing countries: current trends and forecast	87
Novoselsky S.O., Shleenko A.V., Ishchenko M.M., Briketova O.V. HR management in publicly funded preschool educational organizations	103
Shilov G.V. Object oriented analysis in management: bridging the semantic gap between it specialists and managers ..	117

REVIEW ARTICLES

Lebedeva O.P. Lessons in intellectual history for party building (social utopias and projects by Alexander Bogdanov-Malinovsky).....	124
Notice to the authors	133

Б.З. Бешляга

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

E-mail: beshlyaga1313@gmail.com

Н.А. Чичулин

доктор политических наук, профессор,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

E-mail: nikolay.chichulin@yandex.ru

ВОЛОНТЕРСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ НЕГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

B.E. Beshlyaga

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

E-mail: beshlyaga1313@gmail.com

N.A. Chichulin

Doctor in Political Science, PhD in Political Sciences,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

E-mail: nikolay.chichulin@yandex.ru

VOLUNTEERING AS AN ELEMENT OF THE NON-STATE COMPONENT OF THE NATIONAL SECURITY SYSTEM

Аннотация. В современных условиях возрастания угроз, исходящих в том числе от негосударственных акторов (таких как терроризм, киберпреступность, деятельность частных военных компаний, транснациональных преступных группировок), все более актуальной становится роль негосударственной составляющей системы обеспечения национальной безопасности. В настоящей статье на примерах отечественной и зарубежной практики рассматривается роль волонтерства как одного из элементов негосударственной составляющей системы обеспечения национальной безопасности. В работе рассмотрены основные сферы участия добровольцев в области обеспечения национальной безопасности. Среди этих сфер: охрана общественного порядка и помощь правоохранительным органам; ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций; здравоохранение; кибербезопасность; поддержка военнослужащих и жителей, пострадавших от боевых действий. Сделан вывод о составе функций волонтерства как одного из элементов негосударственной составляющей системы обеспечения национальной безопасности. К этим функциям относятся расширение мобилизационного потенциала общества, повышение социальной стабильности общества и укрепление взаимосвязей между обществом и государством. Дальнейшие перспективы исследований волонтерства как одного из элементов негосударственной системы обеспечения национальной безопасности заключаются в проведении тщательных эмпирических исследований вклада добровольчества в упомянутые выше сферы деятельности.

Ключевые слова: волонтерство, безопасность, национальная безопасность, система обеспечения национальной безопасности, негосударственная составляющая системы обеспечения национальной безопасности.

Abstract. In the contemporary context of increasing threats, including those emanating from non-state actors (such as terrorism, cybercrime, the activities of private military companies and transnational criminal organizations), the role of the non-state component of the national security system is becoming more relevant. Using the examples of Russian and foreign practice, the present study examines the volunteering's role as one of the elements of the non-state component of the national security system. This study examines the main areas of the activity of volunteers in enhancing national security.

These include the policing and assistance to law enforcement agencies; disaster response; healthcare; cybersecurity; support for military personnel and civilians affected by armed conflict. On the basis of the analysis the conclusion is made about the structure of the functions of volunteerism as one of the elements of the non-state component of the national security system. These functions include the expansion of society's mobilization potential, the enhancement of social stability, and the strengthening of linkages between society and the state. Further prospects for research on volunteerism as one of the elements of the non-state component of the national security system lie in conducting detailed empirical researches on the contribution of volunteering in various spheres.

Key words: volunteering, security, national security, system, national security system, non-state components, non-state components of the national security system.

Прежде чем рассмотреть негосударственную составляющую национальной безопасности, необходимо обратиться к ключевым понятиям и нормативным основаниям, используемым в этой области.

В настоящее время Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» определяет национальную безопасность России как «состояние защищенности национальных интересов [2] Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»¹. Стоит отметить, что в России в понятии «национальная безопасность» с 2009 г. используется триединство «личность-общество-государство»², которая прослеживается и в действующей Стратегии в определении понятия «национальные интересы».

В свою очередь, обеспечение национальной безопасности — это «реализация органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности».

Одним из центральных понятий при исследованиях в области национальной без-

опасности является система национальной безопасности. Стратегия национальной безопасности РФ определяет ее как «совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов публичной власти и находящихся в их распоряжении инструментов».

Системы обеспечения национальной безопасности в различных государствах сталкиваются с многочисленными вызовами, среди которых особое место занимают угрозы, исходящие от негосударственных акторов, — терроризм и экстремизм, кибератаки, транснациональные преступные группировки, частные военные компании. Одновременно с этим, и со стороны государств наблюдается тенденция к использованию частных военных компаний и аффилированных хакерских сообществ [2; 9; 10]. Как следствие, требуется более широкий взгляд на роль негосударственных акторов, в котором к функциям субъектов, участвующих в обеспечении национальной безопасности, относят не только помощь правоохранительным органам и охрану общественного порядка, но и предотвращение угроз социальной напряженности, участие в выработке и реализации государственной политики, повышение мобилизационного потенциала общества [1; 4].

Таким образом, данная статья ставит своей целью исследовать функции и сферы участия волонтерства как элемента негосударственной системы обеспечения национальной безопасности в российском контексте.

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

² Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»

Для понимания роли волонтерства как элемента негосударственной системы обеспечения национальной безопасности подробно рассмотрим сферы участия волонтеров в обеспечении национальной безопасности, к которым относятся:

- охрана общественного порядка и помощь правоохранительным органам;
- ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций;
- здравоохранение;
- кибербезопасность;
- поддержка военнослужащих и жителей, пострадавших от боевых действий.

Охрана общественного порядка и помощь правоохранительным органам является одной из традиционных сфер участия добровольцев. В ранних отечественных исследованиях негосударственной составляющей системы обеспечения национальной безопасности именно негосударственных акторов охраны правопорядка относили к элементам этой составляющей. Так, в диссертационном исследовании С.Н. Кашурникова «Негосударственная система обеспечения национальной безопасности на современном этапе: политологический анализ» отмечается, что негосударственные структуры обладают субъектностью и играют роль в обеспечении защиты личности, общества и государства от социальных, политических и экономических угроз [3], при этом под структурными элементами негосударственной системы обеспечения национальной безопасности понимаются частные охранные предприятия, службы безопасности, детективы.

В отечественной практике примерами волонтерских негосударственных организаций охраны правопорядка являются добровольные народные дружины: они участвуют в предупреждении и пресечении правонарушений, обеспечении безопасности на массовых мероприятиях, в совместном с полицией патрулировании улиц³. За рубежом исследователи подчеркивают, что добровольцы оказываются эффектив-

ны не только при прямом участии в охране правопорядка в узком смысле, но и при выполнении других обязанностей: примером может служить участие граждан в сообществе волонтеров по контролю скоростного режима в Англии (Community Speedwatch Volunteers), где добровольцы регистрировали правонарушения и участвовали в просвещении нарушителей [5]. Таким образом, в этой сфере волонтерские организации представляют собой вспомогательную структуру, находящуюся в контакте с правоохранительными органами, способную оказывать прямое влияние на безопасность личности и общества как на компоненты национальной безопасности.

Еще одной сферой участия добровольцев в обеспечении национальной безопасности является ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций. Примерами такой деятельности волонтеров только за 2024 год являются: помощь в эвакуации населения и доставке гуманитарной помощи пострадавшим от наводнения на реке Урал, помощь пострадавшим от ландшафтных пожаров в ЛНР, очистка побережья Краснодарского края от последствий разлива мазута в Керченском проливе и др. Добровольцы этой сферы участвуют в эвакуации населения, предоставлении убежищ, сборе и доставке гуманитарной помощи, информировании граждан, улучшении экологической обстановки. Так, волонтеры, участвующие в ликвидации последствий ЧС, расширяют возможности государства по реагированию на кризисы и являются одним из элементов системы обеспечения национальной безопасности.

Сфера здравоохранения в настоящее время все чаще рассматривается как один из компонентов национальной безопасности. Исследователи отмечают, что хотя и не все проблемы здравоохранения следует рассматривать как угрозы безопасности, часто проблемы этой сферы могут подрывать национальные интересы, дестабилизировать общество и наносить ущерб экономическому развитию государств [7].

Добровольцы этой сферы не только оказывают прямую медицинскую помощь населению, но и занимаются уходом

³ См.: Федерал Пресс. Полиция без погон: чем занимаются нижегородские народные дружины и как туда вступить // URL: <https://fedpress.ru/article/3122307>.

за пациентами, логистической поддержкой, оказанием психологической помощи населению, проведением просветительских и спортивно-оздоровительных мероприятий. Одной из масштабных волонтерских программ этой сферы являлся общероссийский проект взаимопомощи #МыВместе, появившийся в период пандемии COVID-19 для помощи уязвимым группам населения, в рамках которого более 252 тысяч волонтеров оказали помощь 6,5 миллионам благополучателей⁴.

Исходя из сказанного, стоит отметить, что поскольку волонтерство способствует укреплению систем здравоохранения и снижает риски, угрожающие национальной стабильности, в том числе в периоды эпидемий и пандемий, здравоохранение также можно отнести к одной из сфер участия добровольцев в обеспечении национальной безопасности.

Одной из наиболее специфичных сфер участия волонтеров в обеспечении национальной безопасности является кибербезопасность. В связи с необходимостью высокопрофессиональных навыков, востребованных на рынке труда, и наличием юридических и репутационных рисков добровольцы в этой области достаточно малочисленны. При том, что США являются одной из стран, в которых сфера кибербезопасности наиболее развита, количество волонтеров в этой области в этой стране на май 2025 года не превышало нескольких тысяч. Тем не менее существующие организации, такие как «Корпус Киберустойчивости» (The Cyber Resilience Corps), ресурсный центр Агентства по кибербезопасности и защите инфраструктуры (CISA Cyber Volunteer Resource Center), находят способы повышения устойчивости общества и государства к киберугрозам. Одним из них является привлечение студентов соответствующих программ к безвозмездной (или практически безвозмездной) помощи организациям с ограниченным финансированием (образовательные и медицинские учреждения, муниципалитеты и др.): в результате первые получают практический опыт работы, а вторые — бесплатные или сниженной стоимости услуги по внедре-

нию защитных мер, аудиту уязвимостей и обучению персонала в этой области [11].

Деятельность волонтеров в области кибербезопасности является одной из перспективных сфер участия в обеспечении национальной безопасности в эпоху цифровизации, однако она требует разработки и/или адаптации существующих моделей привлечения добровольцев.

В настоящее время одной из наиболее актуальных сфер деятельности волонтеров в области обеспечения национальной безопасности является помощь военнослужащим и гражданам, пострадавшим от вооруженных конфликтов. Добровольцы собирают и доставляют гуманитарную и специальную (снаряжение, транспортные средства, БПЛА и пр.) помощь военнослужащим, участвуют в эвакуации, обеспечении убежищем и гуманитарной помощью населения, восстановлении инфраструктуры, оказывают помощь в юридической и социальной адаптации ветеранов боевых действий и вынужденных переселенцев.

Так, деятельность упомянутого выше проекта #МыВместе в настоящее время перешла в русло помощи военнослужащим и беженцам: одним из последних примеров является акция по сбору гуманитарной помощи, обеспечению временным жильем и логистической поддержкой жителей Курской области, пострадавших от вторжения ВСУ во второй половине 2024 года, в которой приняли участие штабы многих регионов России. Деятельность волонтеров в этом контексте представляет собой одну из важных сфер участия добровольцев в обеспечении национальной безопасности, как прямо способствуя укреплению обороноспособности, так и снижая общие стратегические риски путем защиты гражданского населения и инфраструктуры.

Исходя из перечисленных выше сфер и примеров участия добровольцев в обеспечении национальной безопасности, прямой функцией волонтерства, как элемента негосударственной составляющей системы обеспечения национальной безопасности, является повышение мобилизационного потенциала общества. Исследования кри-

⁴ См.: Правительство России. Дмитрий Чернышенко: за пять лет участниками проекта #МыВместе стали более миллиона волонтеров. — 21.03.2025 // URL: <http://government.ru/news/54563/>.

зисного волонтерства во время пандемии COVID-19 показывают, что волонтерские сообщества способны оперативно реагировать на возникающие обстоятельства и адаптироваться к ним, во многом благодаря отсутствию бюрократизации и пониманию местной специфики [8]. Участвуя в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, поддержке вооруженных сил, правоохранительных органов и системы здравоохранения в периоды кризисов, волонтеры являются полезным дополнением к государственным структурам.

Кроме описанной выше функции повышения мобилизационного потенциала общества, волонтерство обладает двумя дополнительными функциями в части обеспечения национальной безопасности — повышение социальной стабильности и укрепление взаимосвязей между обществом и государством. Обе эти функции косвенно способствуют повышению эффективности функционирования системы обеспечения национальной безопасности, во-первых, снижая риски возникновения внутренних конфликтов, а во-вторых, позволяя перенаправлять часть ресурсов с решения внутренних противоречий на другие задачи.

Одной из дополнительных функций волонтерства в обеспечении национальной безопасности является повышение социальной стабильности общества. Современные исследования отмечают, что между волонтерством и социальной сплоченностью существует двухсторонняя связь: высокая социальная сплоченность стимулирует рост добровольческой активности, а активность волонтеров, в свою очередь, помогает укрепить взаимное доверие и повышает устойчивость общества [6]. Например, деятельность волонтеров в области обеспечения правопорядка направлена на профилактику и предотвращение правонарушений, в результате чего она способна повышать субъективное чувство защищенности граждан и снижать вероятность социальных конфликтов. Деятельность волонтеров в области кибербезопасности, в свою очередь, повышает устойчивость цифровой инфраструктуры. Кроме того, волонтеры способны оказывать информационную и психосоциальную поддержку,

что также приводит к повышению устойчивости общества к угрозам.

Наконец, еще одной функцией добровольчества в контексте обеспечения национальной безопасности является укрепление взаимосвязей между обществом и государством. Участие добровольцев в совместной с государственными органами деятельности в сферах охраны правопорядка, кибербезопасности и здравоохранения способно продемонстрировать гражданам вовлеченность государства и готовность к сотрудничеству. Добровольцы могут выполнять и функции посредников — доносить потребности общества до муниципальных, региональных и федеральных органов власти, таким образом формируя обратную связь, которая способствует повышению эффективности и легитимности государственных решений.

В докладе ДООН (Программы добровольцев Организации Объединенных Наций) о состоянии добровольчества в мире за 2022 год отмечается, что такое взаимодействие волонтерских организаций и государственных органов помогает укрепить институциональную легитимность и устойчивость государственного управления, создавая платформу совместного реагирования на различные вызовы [12].

Таким образом, перечисленные функции — повышение мобилизационного потенциала, обеспечение социальной стабильности и укрепление взаимосвязей между обществом и государством — позволяют признать волонтерство важным ресурсом негосударственной составляющей системы обеспечения национальной безопасности.

Выводы

В настоящее время требуется более широкий взгляд на роль негосударственных акторов в обеспечении национальной безопасности. Исходя из вышеизложенного, добровольчество, как потенциальный элемент негосударственной составляющей системы обеспечения национальной безопасности, представляет собой гражданский ресурс, направленный на расширение мобилизационного потенциала общества, поддержание социальной стабильности

и укрепление государственных и общественных взаимосвязей.

По результатам анализа отечественной и мировой практики в области добровольчества к сферам участия волонтеров в обеспечении национальной безопасности относятся охрана общественного порядка и помощь правоохранительным органам; ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций; здравоохранение; кибербезопасность; поддержка военнослужащих и жителей, пострадавших от боевых действий.

Перспективы дальнейшего исследования волонтерства, как элемента негосударственной системы обеспечения национальной безопасности, лежат в проведении тщательных эмпирических исследований конкретного вклада добровольчества в различные сферы деятельности, включая реагирование на чрезвычайные ситуации, общественную безопасность, здравоохранение, кибербезопасность и поддержку вооруженных сил.

Список литературы

1. Галикеева И.Г. Институты гражданского общества и проблемы обеспечения национальной безопасности // Вестник института права БГУ. — 2023. — № 3(19). — С. 26–34.
2. Зайцев А.Я. Частные военные компании как инструмент осуществления силовой стратегии гибридных войн // Вестник МГОУ. — 2021. — № 3. — С. 72–82.
3. Кашурников С.Н. Негосударственная система обеспечения безопасности российского общества на современном этапе: политологический анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — М., 2008. — 174 с.
4. Козлов В.Н. Деятельность некоммерческих организаций по обеспечению национальной безопасности: конституционно-правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. — Краснодар, 2025. — 172 с.
5. Bullock K., Pepper M. Safer roads through citizen partnerships: Enhancing road safety with Community Speedwatch volunteers / University of Surrey; University of Greenwich. — 2024.
6. Davies B., Abrams D., Horsham Z., Lalot F. The Causal Relationship Between Volunteering and Social Cohesion: A Large Scale Analysis of Secondary Longitudinal Data // Social Indicators Research. — 2024. — No 171. — P. 809–825.
7. Dimitrov T., Goranov Z. Healthcare as a part of national security // International Journal of Economics, Commerce and Management. — 2017. — No 5. — P. 443–450.
8. Fish, R., Hibbin, R., Simmill-Binning, C. Volunteering and the response to COVID-19 in the UK // Disability and Society. — 2022. — No 1. — P. 1–6.
9. Malecka A. Non-State Actors in Nation-State Cyber Operations // Rocznik Bezpieczeństwa Międzynarodowego. — 2024. — Vol 18. — No 1. — P. 45–64.
10. Noyes A., Humpal J.R. Why the US Needs a Total Defense Strategy Based on Resilience. — Brookings Institution, 2025.
11. Powazec S., Menna G. The Roadmap to Community Cyber Defense. A Path Forward from The Cyber Resilience Corps. — The Cyber Resilience Corps., 2025. — 51 p.
12. State of the World's Volunteerism Report. — 2022 // URL: <https://swvr2022.unv.org/>

Д.А. Левчик

доктор исторических наук,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

E-mail: levchik63@rambler.ru

В.М. Слепокуров

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

E-mail: slepokurovs@gmail.com

**ИГРА НА ПОНИЖЕНИЕ.
ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ ИННОВАЦИОННЫХ КРИЗИСОВ НАЧАЛА XXI ВЕКА
НА РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЫНОК**

D.A. Levchik

Doctor of Historical Sciences,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

E-mail: levchik63@rambler.ru

V.M. Slepokurov

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

E-mail: slepokurovs@gmail.com

**A SHORT GAME.
THE IMPACT OF THE GLOBAL INNOVATION CRISES OF THE EARLY 21ST CENTURY
ON THE RUSSIAN POLITICAL MARKET**

Аннотация. Цель статьи: выявить характер и масштаб влияния кризиса мирового рынка инноваций на политический рынок России.

Задачи статьи:

- 1) определить основной товар, предлагаемый на современном политическом рынке в России,
- 2) определить главный фактор, который влияет на потребительские свойства основного товара на политическом рынке в России,
- 3) определить, какие есть перспективы для развития российского политического рынка и есть ли они вообще.

Методы. Главный метод — абстрагирование, то есть оставление только главных черт, сравнительный анализ фондового рынка в секторе динамики акций инновационных корпораций Microsoft, Oracle, Tesla, Metal, Nvidio, цен на золото и акций основных «старых» не-инновационных компаний нефтяного сектора, а также динамики основных событий в мире и изменений политического рынка партий и предложения идеологий на политическом рынке.

Основной вывод статьи. Составной частью инновационного рынка является идеология технооптимизма. Эта идеология почти монополично заняла российский политический рынок. Но наступил инновационный кризис. Он породил отток крупнейшего капитала из сферы ИИ-технологий в сферу нефтегазового сектора. Попытка быстро компенсировать потери от неудачных вложений в ИИ породила агрессию США против стран — экспортёров нефти. Война, в свою очередь, породила массовый страх, депрессию и ностальгию по довоенным временам. Это рушит политический рынок России, превращает технооптимизм в техноскептицизм, ставит идеологический и политический рынок России на грань банкротства.

Ключевые слова: инновации, искусственный интеллект, политический рынок, технологический оптимизм, идеология.

¹ Корпорация Meta 21 марта 2022 г. была признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

Abstract. The purpose of the article is to identify the nature and extent of the impact of the global innovation market crisis on the Russian political market.

The objectives of the article are as follows:

- 1) to identify the main product offered on the current political market in Russia,
- 2) to identify the main factor that affects the consumer properties of the main product on the political market in Russia,
- 3) to determine the prospects for the development of the Russian political market, and whether there are any at all.

Methods. The main method is an abstracted, i.e. leaving only the main features, comparative analysis of the stock market in the sector of the dynamics of the shares of innovative corporations Microsoft, Oracle, Tesla, Meta, Nvidia, the prices of gold and the shares of the main «old» non-innovative companies of the oil sector, as well as the dynamics of the main events in the world and changes in the political market of parties and the offer of ideologies in the political market

The main conclusion of the article is that the ideology of techno-optimism is an integral part of the innovation market. This ideology has almost monopolized the Russian political market. However, an innovation crisis has emerged. This crisis has led to a significant outflow of capital from the AI technology sector to the oil and gas industry. In an attempt to quickly compensate for the losses incurred from unsuccessful investments in AI, the United States has engaged in aggressive actions against oil-exporting countries. This aggression has resulted in widespread fear, depression, and nostalgia for the pre-war era. This destroys Russia's political market, turns techno-optimism into techno-skepticism, and puts Russia's ideological and political market on the brink of bankruptcy.

Key words: Innovation, artificial intelligence, political market, technological optimism, ideology.

Каждый великий технологический скачок в истории человечества
содержал в себе фаустовский парадокс, притом что природа такого
прорыва всегда была двойственна.

Д.А. Медведев

«Новые технологии — лестница в небо или дорога в ад?»

Мировые инновационные кризисы — разновидность экономических кризисов, охватывающих весь мир или определяющий для экономики мира континент (Азию, Северную Америку). Основная причина этих кризисов заключается в противоречивости самого процесса инноваций, в противоречии между ожидаемым и реальным эффектом инновации. Суть противоречия проявляется в том, что когда какое-то новшество появляется, тогда его вдохновлённые создатели начинают уверять весь мир, а особенно своих инвесторов, в том, что данное новшество или изобретение способно перевернуть науку, улучшить человечество, разрешить ранее неразрешимые проблемы, а главное — сделать производство дешевле. Можно понять и пыл новаторов, и очарованность инвесторов новшествами. Увы! Не всегда новшество может дать расчётную финансовую отдачу. Иногда ни общество, ни экономика не готовы к инновациям. Иногда новаторские разработки очень до-

роги для внедрения. И если новшество развивается во всемирном масштабе, то и неоправданные затраты на его разработку бывают всемирные, огромные, влекущие иногда за собой мировой или континентальный экономический кризис. В целом, это явление хорошо известно современным экономистам. В научной экономической литературе справедливо отмечается, что в условиях реального экономического цикла существуют «следующие особенности продвижения инноваций на рынок в современных условиях. Во-первых, на первых двух фазах цикла — появление и продвижение инновации на рынок — отсутствует прибыль и, напротив, требуются дополнительные расходы капитала на поиск потенциальных потребителей, создание у них интереса к потреблению данного нового товара. Во-вторых, если эти расходы будут профинансированы и в конечном итоге рассматриваемый новый продукт, технология или услуга достигнут рыночного насыщения, то в этот же период, как пра-

вило, возникает и начинает развиваться новая техническая или технологическая инновация. Ее внедрение в производство может полностью вытеснить из сферы производства и, соответственно, с рынка тот продукт, который господствует на рынке и на внедрение которого на рынок были затрачены соответствующие большие суммы капитала»². Однако характер инновационных кризисов на рубеже XX и XXI веков изменился. До XXI века в условиях НТР и компьютерных революций 80–90-х годов XX века крупные инвесторы, как правило, готовы были рискнуть и профинансировать новаторские разработки. Пусть дорого, но оправдано! Это хорошо иллюстрируется инновационным кризисом ламповых технологий в радиотехнике при переходе на транзисторы во второй половине 40-х годов XX века. Иная ситуация складывается в XXI веке, в эпоху «цифрового капитализма», когда выигрыш колоссален, но и затраты на внедрение новшеств фантастические! Инвесторы не всегда готовы рисковать.

У инноваций есть и другая сторона — идеологическая. Есть составная часть идеологии технологического детерминизма и прагматизма в форме технооптимизма, которая гласит, что технические новшества меняют общество, являются двигателем прогресса. По мнению технооптимистов, именно новые технические разработки спасут современное общество от всех социальных и политических проблем.

Изобретатели и новаторы активно пользуются этой идеологией, используя её для обоснования финансирования своих проектов. Так идеология технологического детерминизма и технооптимизма становится важной частью инновационного процесса. А это уже — больше политический и идеологический рынок, а не рынок инноваций.

Объект нашего исследования — современные мировые и континентальные инновационные экономические кризисы, те самые случаи, когда финансы отворачивались от изобретателей, несмотря на позитивный имидж инноваций.

Предмет исследования — влияние этих кризисов на политический рынок, что,

как правило, не замечают ни политологи, ни экономисты.

Напоминаем, что политический рынок — это система отношений, сложившаяся вокруг купли-продажи политических идей, программ, идеологий и проектов, а также их носителей — политических партий, профсоюзов, избирательных объединений, блоков, средств массовой коммуникации, где спрос определяют избиратели, а предложение — политическая элита.

Наш основной исследовательский метод — абстрагирование, то есть оставление только главных черт, сравнительный анализ фондового рынка в секторе динамики акций инновационных компаний, акций основных «старых» неинновационных компаний, а также динамики основных событий в мире и изменений политического рынка партий.

Основа источниковой базы исследования — данные мировых фондовых рынков, в основном полученные с платформы ru.investing.com (основанная в 2007 году платформа для работы с финансовыми рынками), политические предвыборные программы российских партий и результаты голосований за федеральные партии в России. При высоком уровне аналитического абстрагирования и большом временном периоде анализа данных, степень достоверности этих источников за отдельные годы не имеет значения.

Цель исследования — выявить характер и масштаб влияния рынка инноваций на политический рынок России.

Задачи исследования:

- 1) определить основу современного политического рынка в России,
- 2) определить главный фактор, влияющий на развитие основы политического рынка в России,
- 3) определить перспективы развития российского политического рынка.

Что является основным продуктом на политическом рынке? Сразу ответим — позитивная картина будущего, тот образ, положительный имидж будущего, кото-

² Вороницкий А.В. Закономерности развития инновационной экономики и их влияние на современный кризис // URL: https://finbiz.spb.ru/wp-content/uploads/2009/10/4_2009_voronz.pdf.

рый политики и политические партии демонстрируют избирателям, чтобы обрести их поддержку, т.е. чтобы обеспечить продажи, т.е. своеобразная политическая реклама. Технология, равно как и идеология, необходимая для практических действий по воплощению этого рекламного образа в жизнь, вторична. Главное и для политика, и для избирателя — видеть цель, образ будущего, к которому стремится и политик, и избиратель! [8] Судя по предвыборным программам политических партий, на протяжении 90-х годов XX века самыми актуальными, самыми ликвидными и востребованными на политическом рынке России были два рекламных образа будущего.

1. Будущее общество, построенное на основе идеального сбалансированного рынка, рыночной экономики, в условиях которой Россия будет процветать. Этот образ в то время почти полностью совпадал с идеализированной картиной «американской мечты», образом общества потребления на Западе — свой дом, своя земля, своя машина, свой бизнес, высокие зарплаты, открытые границы, зарубежный туризм и безграничное потребление модной одежды и еды. Государство самоустраняется из экономики, социальной жизни. С разными вариациями этот образ предлагали на политическом рынке все демократические партии и Президент России Б. Ельцин. Основными потребителями этого образа были младшие и средние возрастные группы избирателей, а также жители высокомаркетизированных регионов, например Москвы [4; 7; 9].
2. Будущее общество, представляющее собой «возвращение в улучшенный СССР», скорее — в СССР брежневских времён, только без занудливых собраний, без глупых политинформаций, без нелепой школьной «шагистики». Это был образ общества с бесплатной медициной, дешёвым общественным транспортом, бесплатным жильём, бесплатным высшим образованием, дешёвым мясом и водкой. Образ хорош, но у него было два огромных недостатка,

не позволяющих ему доминировать на политическом рынке: (1) он был исторически проигрышен, (2) он был модификацией той же «американской мечты», того же общества потребления, только с большей долей социальной ответственности государства. Этот образ был востребован теми потребителями политического рынка, чья основная социализация пришлась на 70-е годы XX века, представителями старшей возрастной когорты, а также жителями депрессивных регионов. Этот образ продавала на политическом рынке КПРФ, Г. Зюганов и близкие к КПРФ партии (АПР и т.п.) [5; 6].

Анализ электоральной ситуации в стране в 2000-е годы, то есть индикатор современного политического рынка демонстрировал, что оба эти образа стали терять ликвидность, переставали быть актуальными, стали не интересны избирателю. Большинству избирателей, потребителей политического рынка, стало ясно, что и российская рыночная экономика не даст обещанного счастья, и возврат в «хороший» СССР под руководством КПРФ — явно нелепая затея. У потребителей политического рынка, избирателей наступила социально-политическая фрустрация, выразившаяся в неудовлетворённости результатами голосований, неудовлетворённости покупками на политическом рынке, даже если «твоя» партия победила, то всё равно покупка не радует! Побочный эффект этого явления — рост абсентеизма, департизация, сокращение членства профсоюзов, неучастие в жилищном движении, падение интереса к политической информации в СМИ, другие электоральные проблемы [3].

И в этот момент на политическом рынке России начала бурно развиваться очередная заимствованная на Западе идеология — упомянутый выше технологический детерминизм в форме технооптимизма. Это было российское изложение идей западных видных технократов, лидеров «цифрового капитализма» — Билла Гейтса, Марка Цукенберга, Ларри Эллисона, Стива Джобса, Илона Маска, Дженсена Хуанга [1; 2]. Они представили новый позитивный образ будущего, который будет создан благодаря

развитию тотальной цифровизации, компьютерных технологий и искусственного интеллекта (ИИ). Это образ космических автомобилей, полётов за пределы Солнечной системы, «умных городов» будущего с автоматической регулировкой сверхскоростных транспортных потоков, бытовой робототехникой, «умными квартирами» и тотальным контролем за преступностью, образ ликвидации климатической угрозы, ликвидации энергетических проблем, ликвидации бедности, образ нового здравоохранения с вакцинацией от всех смертельных болезней и дистанционной диагностикой с инвазивными операциями, проводимыми роботами. Технологические детерминисты и технооптимисты Запада вели агрессивную рекламную кампанию своей идеологии, уверяя, что мир спасут фантастические возможности медиаплатформ, облачных сервисов, огромного числа чат-ботов и виртуальных помощников, что будет развиваться новый банкинг, криптовалюта, безофисные технологии. Будет новое дистанционное суперобразование, новая кибербезопасность. Огромные дата-центры позволят контролировать все проблемы общества, будет генетически улучшен человек, расширятся возможности компьютерного зрения.

Кто лидер технооптимизма на политическом рынке России? На наш взгляд, такие общественные деятели, как Дмитрий Рогозин и Сергей Собянин³. Реальной основой позитивной картины будущего, которые эти лидеры предлагают избирателям, стал всё тот же технооптимизм. Идеология технооптимизма активно продвигалась на российском политическом рынке, стала почти монопольным и имеющим спрос товаром. Эта идеология заложена и в декларировании российского полёта на Марс в ближайшее время, и в создании инновационного центра Сколково, и в создании образовательного центра «Сириус»,

и в создании московского Технопарка, и в PR-акциях московского транспорта (особенно метро и речного), и в пропаганде супервакцины от ковида, и в проектах «активный гражданин», и в «оплати улыбкой» и т.п.

По нашим оценкам, заимствованная на Западе идеология технооптимизма как монопольный товар с неизвестными потребительскими качествами не просто с большим трудом приживается на российском политическом рынке, а попросту становится неликвидным. В чём причины этого?

Мы видим следующие неблагоприятные факторы для адаптации этой идеологии на нашем политическом рынке.

1. Психологический фактор — неготовность потребителя к товару, технофобская среда, не приемлющая новшества. Преобладание техноскептиков (по опросам, их в России примерно 28%) и технофобов (их в России примерно 24%) над технооптимистами (их в России примерно 6%)⁴.
2. Институциональный фактор — массовое торможение и отключение сети Интернет из-за проблем, связанных с проведением СВО. Невозможность развивать сетевые технологии без сети.

Умалять влияние этих факторов мы не можем, но, по нашему мнению, они не являются главными неблагоприятными факторами для адаптации идеологии технооптимизма в нашей стране (по крайней мере, для утверждения обратного требуется отдельное исследование). И они — не предмет нашего исследования. Мы хотим проанализировать третий, на наш взгляд, самый значимый фактор кризиса идеологии технооптимизма — финансовый кризис.

История XXI века знает следующие крупные финансовые и фондовые кризисы цифрового капитализма.

³ Сергей Собянин рассказал о приоритетных проектах Москвы на ближайшие годы, Интервью 28 декабря 2025 // URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/13973050>; Рогозин пообещал не допустить приватизации Луны // Рамблер. — URL: https://news.rambler.ru/scitech/44235386/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink; "С 2021 года начинаем российскую программу": Дмитрий Рогозин — о том, когда и с кем мы полетим на Луну // Комсомольская правда. — URL: <https://www.kp.ru/daily/27155/4252526>.

⁴ Побыванец А. Почему 25% россиян считают технологии бесполезными? // URL: <https://wylsa.com/science-pro-and-contra/>.

1. Кризис рынка акций доткомов 2001–2005 годов, когда «лопнул» финансовый «пузырь» ложных стартапов в сфере высоких технологий (доткомов) и с 2000 по 2001 год рынок акций цифровых стартапов упал в 5 раз и восстановился только в 2011 году.
2. Кризис акций рынка ИИ-компаний, то есть ведущих компаний, работающих в сфере разработки искусственного интеллекта (ИИ). Последний кризис — современный. Он развивается на наших глазах с 2025 года и ещё не закончился.

Последний кризис для нашего исследования очень интересен. Разберём его подробнее на примере двух кейсов — кризиса корпорации Microsoft и кризиса корпорации Meta⁵. Начнём с транснациональной (а на самом деле в основном американской), основанной ещё в 1975 году и имеющей имидж одной из самых передовых технических компаний корпорации Microsoft (далее называем Майкрософт). Несмотря на то что Майкрософт дала миру в конце XX века операционную систему MS-DOS, офисный пакет Microsoft Office, интернет-браузер Internet Explorer и многие другие новшества, в начале XXI века её акции stagnировали. В марте 2001 года они стоили примерно 24,67 долларов за акцию. Эта цена оставалась неизменной почти 10 лет с небольшими рыночными колебаниями до сентября 2011 года, когда стоимость одной акции составила примерно 24,89 доллара. К 2014 году акции Майкрософта незначительно выросли в цене примерно до 47 долларов⁶. С учётом прошедшей за это время долларовой инфляции, усилившейся во время ипотечного и страхового кризисов 2006–2008 годов, можно сказать, что цена этих акций поднялась примерно

на 90%. Это не очень много. В 2014 году руководство Майкрософт изменило маркетинговую тактику компании и объявило о начале разработок систем ИИ. Это инвесторов сначала не впечатлило, и акции до середины 2015 года всё равно продолжали stagnировать на уровне 49–50 долларов⁷. Но как только в 2016 г. Майкрософт продемонстрировал сначала неудачный чат-бот Tay в Twitter, а потом удачный чат-бот Zo для мессенджера, акции начали расти как на дрожжах. Цена акций Майкрософта с 52,16 долларов за акцию в начале июня 2016 года выросла до 542,07 долларов в конце октября 2025 года⁸. Рост более чем в 10 раз, то есть почти 1000%. Капиталисты просто потеряли голову при таком росте цен на акции, которые демонстрировал Майкрософт! Инвесторы начали вкладывать деньги во всё, что предлагал Майкрософт и во всё, что имело образ ИИ. Самыми доверчивыми или самыми рискованными инвесторами Майкрософта стали шейхи и предприниматели из ОАЭ. А среди предприятий Эмиратов главным партнёром Майкрософта стала основанная в 2018 году компания G42, тесно связанная с китайским высокотехнологическим рынком⁹. В 2024 году Майкрософт объявил о вложении в эту компанию более 1,5 млрд долл. Тогда же была основана лаборатория Al For Good Lab, дислоцированная в Абу-Даби. Лаборатория провозгласила своей целью уникальные проекты — от борьбы с климатической опасностью до создания цифрового двойника базилики святого Петра. Тогда же Майкрософт заключил соглашение с не самым прибыльным английским оператором связи, компанией Vodafone, большинство абонентов которой находятся в Индии¹⁰. При заключении соглашения было декларировано намерение создать 300 миллионов (!) предпри-

⁵ Meta признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

⁶ URL: <https://ru.investing.com/equities/microsoft-corp-historical-data/>.

⁷ Белов А. История акций Microsoft Corporation с 1986 по сегодняшний день // URL: https://alexander-belov.com/istoriya-akcij-microsoft-corporation-s-1986-po-segodnyashnij-den/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

⁸ URL: <https://ru.investing.com/equities/microsoft-corp-historical-data>.

⁹ Microsoft инвестирует \$1,5 млрд в разработчика ИИ из ОАЭ // Коммерсант. — 16.04.2024.

¹⁰ Vodafone и Microsoft заключили стратегическое партнерство в области генеративного ИИ на 10 лет // Компьютерра. — 16.01.2024. — URL: <https://www.computerra.ru/290679/vodafone-i-microsoft-podpisali-strategicheskoe-partnerstvo-v-oblasti-generativnogo-ii-na-10-let>.

ятий в Африке для борьбы с бедностью. В том же 2024 году Майкрософт, вложив более 2 млрд долларов, стал миноритарным владельцем новой, созданной в 2023 году, французской компании Mistral AI, которая представила на рынок нейросеть Le Chat, упрощённый аналог ChatGPT¹¹.

Главная причина кризиса развития Майкрософта кроется в том, что почти все действия корпорации в 20-е годы были действиями инвестора, а не разработчика новых технологий. Майкрософт начал превращаться из технологического гиганта в инвестиционный фонд, причём с сомнительными проектами. Новой продукции Майкрософт почти не выпускал, точнее — эта продукция не оправдывала ожидания акционеров. И с октября 2025 года по февраль 2026 года акции Майкрософта рухнули почти вдвое — с 542,07 долл. за акцию до 364,47 долларов за акцию¹². Это был ещё не кризис компании, но это была уже «чёрная метка» от акционеров.

Примерно такую же динамику развития и тот же кризис демонстрировала одна из самых дорогих компаний в мире, корпорация Meta¹³. Как известно, Meta* владеет цифровыми платформами WhatsApp, Facebook и Instagram¹⁴. В состав корпорации входит более 30 дочерних кампаний в Европе и США. С 2016 года Meta* с Google, Amazon, IBM и Microsoft являются главным учредителем фонда Партнерство в области искусственного интеллекта на благо людей и общества. Meta* открыто обещала вложить 600 млрд долларов в разработку ИИ. Meta* сначала начала демонстрировать успехи, например получила патент на языковую модель, способную имитиро-

вать активность пользователя в соцсетях. Однако первая модель искусственного интеллекта Llama 4 была, по мнению экспертов, неудачной. Ещё больше разочарований принесли некоторые чат-боты, которые генерировали фейки, что привело к запрету ссылаться на новости Meta*, например в Канаде¹⁵. А после того, как компанию обвинили в СМИ в том, что некоторые её чат-боты вели диалоги с подростками на сексуальные темы, Meta заявила о прекращении исследований в области чат-ботов¹⁶. Кроме того, в СМИ обвинили компанию в использовании пиратской продукции. Как эти события на фондовом рынке отразились на цене акций компании? На подъёме доверия к разработкам компании с 3 августа 2012 года до 25 августа 2025 года стоимость одной акции выросла с 21,09 доллара до 790 долларов (рост в 40 раз), а потом упала до 604,12 долларов за акцию в январе 2026 года (падение относительно пика — почти 20%)¹⁷.

Ту же динамику взлёта и серьёзного падения по тем же причинам продемонстрировали акции компании Oracle, которые стагнировали в диапазоне 29–49 долларов за акцию с 2012 по 2020 год, потом взлетели до 281 доллара за акцию в сентябре 2025 года (рост почти как у Майкрософта), и рухнули почти вдвое за пять месяцев к февралю 2026 года до 146 долларов за акцию¹⁸.

Ту же динамику демонстрируют акции корпорации Nvidia, которые сначала с 2017 по 2019 годы торговались за 3–4 доллара за акцию, потом совершили головокружительный скачок до 202,5 долларов за акцию к октябрю 2025 года и упали на

¹¹ Хабидулина Е. Французского конкурента OpenAI в области искусственного интеллекта оценили в \$2 млрд // Forbes. — 05.12.2023. — URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/501818-francuzskogo-konkurenta-openai-v-oblasti-iskusstvennogo-intellekta-ocenili-v-2-mlrd>.

¹² URL: <https://ru.investing.com/equities/microsoft-corp-historical-data>.

^{13*} Meta признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

¹⁴ Instagram признан экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

¹⁵ Шатухин Д. Meta ограничивает работу своих новостных сервисов в Канаде из-за нового закона // Хабр. — 02.08.2023. — URL: <https://habr.com/ru/news/751914>.

¹⁶ Скандал в Meta: правила использования чат-ботов на основе искусственного интеллекта вызвали глобальное возмущение // Walaw news. — 16.08.2025. — URL: https://ru.walaw.press/articles/skandal_v_meta_pravila_ispolzovaniya_chat-botov_na_osnove_iskusstvennogo_intellekta_vyzvali_globalnoe_vozmuschenie/GQXRFPWWPLGF.

¹⁷ URL: <https://ru.investing.com/equities/microsoft-corp-historical-data>.

¹⁸ Там же.

15% до 177 долларов за акцию к февралю 2026 года¹⁹.

То же самое у Tesla — стагнация с 2015 по 2019 год на уровне 15 долларов за акцию, затем гигантский прыжок вверх до 456,5 долларов за акцию (в 30 раз!) к октябрю 2025 года и падение относительно пика почти на 15% до 383,5 долларов в марте 2026 года²⁰. Обращаем внимание на то, что и Oracle, и Tesla в 2025–2026 годах пользовались почти безграничными административными возможностями администрации президента США Д. Трампа. Но всё равно показали негативную динамику.

Вывод: инвесторы отворачиваются от технологических оптимистов. Все они — от Гейтса до Маска — выглядят сегодня в глазах крупного мирового капитала банальными обманщиками. Это ставит если не крест на идеологии технооптимизма, то уж явно вынуждает заказать этой идеологии реквием.

Долговременный экономический результат фондового кризиса ИИ-компаний поставил крупный капитал в неловкое положение. После азиатского кризиса 1998 года рынки стран Юго-Восточной Азии стали рискованными. После кризиса доткомов стало рискованно вкладываться в IT-технологии. Огромные проблемы переживает вроде бы капиталоемкий, но малоприбыльный рынок нанотехнологий с середины 2010-х годов. После ипотечного кризиса 2006–2008 годов стало сложно вкладывать крупные инвестиции в недвижимость. После институционального кризиса, связанного с ковидными ограничениями 2020 года, сократились вложения в ресторанный бизнес.

Интерес мирового капитала, который ранее инвестировал цифровую экономику, поворачивается (1) в сторону к традиционным вложениям в традиционную индустриальную (аграрный комплекс) и постиндустриальную экономику, основанную на традиционной энергетике и двигателе внутреннего сгорания и (2) в сторону фи-

нансового металлизма, вложений в золото и серебро. (3) Единственный цифровой актив, куда ещё продолжает инвестировать мировой капитал, — криптовалюта. Мы не рассмотрим рынок продовольствия, серебра и криптовалюты, оставляя это как перспективу нашего исследования. Но и без анализа этих рынков картина будет репрезентативной.

С ноября 2015 года цены на золото выросли с 1054 долларов за так называемую тройную унцию до 5418 долларов в январе 2026 года²¹. Рост более чем в 5 раз (500%). При этом идёт рост добычи золота. В середине 90-х годов XX века мировая добыча была не более 3000 тонн, а сейчас в мире добывают более 3672 тонн. Рост более чем на 20%. Акции основных золотодобывающих компаний в 2017, 2021 и 2022 годах (когда крупный капитал вкладывался в ИИ-технологии) даже были убыточны. Но сейчас они показывают рост доходности примерно в 10%.

Наблюдается потрясающий растущий интерес мирового капитала к нефтедобыче и газодобыче и путям транспортировки нефти и газа в развитые страны. Это имеет самые страшные социальные последствия. С этим связано вторжение войск США и их союзников в нефтедобывающие районы Ирака в 2003 году, что совпало с «всплеском» цен на нефть в 2002–2008 годах. С этим связана война в Сирии, транзитной от Ирака зоне, начавшаяся в 2011 году. Отсюда следует стимулирование мировым капиталом революционного движения в арабских странах, «арабская весна» минимум в 11 арабских нефтедобывающих и нефтетранзитных странах в 2011–2012 годах, что совпало с «всплеском» цен на нефть в 2009–2012 годах. Отсюда же следует и провоцирование войны Украины против России в 2022 году, что совпадает с «всплеском» цен на нефть 2020–2022 годов. И современный кризис в Персидском заливе — тоже следствие того, что капиталу некуда «податься», кроме нефтегазового сектора. Потери от вложений

¹⁹ URL: <https://ru.investing.com/equities/microsoft-corp-historical-data>.

²⁰ Там же.

²¹ Хоффман Э. Золото подорожает на 20% по сравнению с текущими ценами в 2026 году — прогноз UBS // Золотой запас. — 16.03.2026. — URL: <https://www.zolotoy-zapas.ru/news/market-analytics/zoloto-podorozhaet-na-20-po-sravneniyu-s-tekushchimi-tsenami-v-2026-godu-prognoz-ubs>.

в ИИ-технологии надо компенсировать нефтяными доходами²².

Для политического рынка такое положение дел означает полный крах. На современном мировом политическом рынке больше нет приемлемых идеологий. Рынок испытывает явный дефицит идеологий. Особенно негативно это сказывается на политическом рынке России. Политический рынок России лихорадит. Он на грани серьёзного кризиса. Даже заместитель председателя Совета безопасности РФ Дмитрий Медведев недавно очень интересно рассуждал о реальном соотношении технооптимизма и техноскептицизма и назвал ИИ-технологии в неправильных руках возможной «дорогой в ад»²³.

Выводы

1. Составной частью, точнее, политической составляющей инновационного рынка является идеология технооптимизма. Эта идеология почти монополюльно заняла российский политический рынок. Но наступил инновационный кризис. Он породил отток крупнейшего капитала из сферы ИИ-технологий в сферу нефтегазового сектора. Попытка быстро компенсировать потери от неудачных вложений в ИИ породила агрессию США против стран — экспортёров нефти. Война, в свою очередь, породила массовый страх, депрессию, и ностальгию по довоенным временам. Для того, чтобы это понять, не всегда нужны социологические опросы. Достаточно перечитать «Смерть героя» Ричарда

Олдингтона или «Триумфальную арку» Эриха-Марии Ремарка.

2. Эта ситуация негативно сказалась на политическом рынке России. Она превращает технооптимизм в техноскептицизм, ставит идеологический и политический рынок России на грань банкротства.

Список литературы

2. *Гейтс Б.* Как нам избежать климатической катастрофы. Решения, которые у нас есть. Прорывы, которые нам нужны. — М.: Миф, 2021.
1. *Гейтс Б., Мирволд Н., Райнарсон П.* Дорога в будущее. — М.: ТОО «Channel Trading Ltd.», 1996.
3. *Жириновский В.В.* Нынешние выборы: реальность и проблемы // Выборы. Законодательство и технологии. — 2000. — № 1. — С. 32–33.
4. *Колесников А.В., Минаев Б.Д.* Егор Гайдар: Человек не отсюда. — М.: Молодая гвардия, 2021.
5. *Левчик Д.А.* Парадоксы «красного пояса» России // Журнал о выборах. — 2002. — № 2. — С. 31–33.
6. *Левчик Д.А.* Парадоксы «красного пояса» России-2 // Журнал о выборах. — 2002. — № 3. — С. 39–41.
7. *Хакамада И.М.* Чиллософия: опыты выхода из безвыходности. — М.: Альпина Паблишер, 2023.
8. *Шорохова С.П., Шумилина С.А.* Формирование массового сознания и проблема устойчивости политических систем // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2023. — Т. 14. — № 4. — С. 51–57.
9. *Явлинский Г.А.* Политическая энтропия. Цифровые технологии и глобализация беспорядка. — М.: Медиум, 2021.

²² Черная кровь мировой экономики. История нефти в лицах и цифрах // Коммерсант. — 30.09.2020. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4502987>.

²³ Дмитрий Медведев: новые технологии — лестница в небо или дорога в ад. Какие вызовы стоят перед миром // Эксперт. — 12.03.2026. — URL: <https://expert.ru/mnenie/novye-tehnologii-lestnitsa-v-nebo-ili-doroga-v-ad>.

DOI 10.24412/2587-6236-2026-251-22-29

УДК 32

А.И. Легошин

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

E-mail: ringlevit@yandex.ru

Н.В. Болгов

доктор политических наук, ведущий научный сотрудник,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

E-mail: 4182803@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

A.I. Legoshin

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

E-mail: ringlevit@yandex.ru

N.V. Bolgov

Doctor of Political Science, Leading Researcher,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

E-mail: 4182803@mail.ru

SOCIO-POLITICAL ACTIVITY OF YOUTH AS A FACTOR IN THE FORMATION OF CIVILIZATIONAL POLITICAL CONSCIOUSNESS

Аннотация. В статье рассматривается необходимость формирования в российской системе государственного функционирования специализированного цивилизационного политического сознания, в связи с чем предлагаются долгосрочные меры оказания государственной поддержки широкого спектра общественной жизнедеятельности, которые предназначены для упрочнения социально-политических контактов, призванных повысить уровень политической активности и гражданской ответственности молодых людей, и являющихся неотъемлемой частью формирования цивилизационного политического сознания. Перечисляемые в статье меры и действия способствуют как повышению уровня идейно-политического воспитания молодежи в процессе цивилизационного развития России, так и выстраиванию горизонтальных связей сотрудничества и поддержки между отдельными индивидами и социальными группами, что положительно сказывается на формировании чувства общности и укреплении патриотических настроений, совместно с прививанием традиционных российских ценностей.

Ключевые слова: цивилизация, молодежь, политическое сознание, патриотизм, ценности, традиции, власть.

Abstract. The article examines the need for the formation of a specialized civilizational political consciousness in the Russian system of state functioning, and therefore suggests long-term measures to provide state support for a wide range of social activities, which are designed to strengthen socio-political contacts designed to increase the level of political activity and civic responsibility of young people, and are an integral part of the introduction of civilizational political consciousness. The measures and actions listed in the article contribute both to raising the level of ideological and political education of young people in the process of civilizational development of Russia, and to building horizontal ties of cooperation and support between individuals and social groups, which positively affects the formation of a sense of community and strengthening patriotic sentiments, together with the instillation of traditional Russian values.

Key words: civilization, youth, political consciousness, patriotism, values, traditions, power.

Россия, будучи страной-цивилизацией,
соединяет в себе как стремление сохранить

черты существующего традиционного со-
циально-культурного уклада, так и стрем-

ление находится в непрерывном процессе всестороннего развития, что, помимо всего прочего, сегодня подкрепляется усиливающейся геополитической турбулентностью. Развитие технологического сектора, расширяющиеся сети социально-политических отношений, наряду с внешними притязаниями на суверенитет нашей страны, создают ситуацию, при которой прежние механизмы взаимодействия между властью и обществом, а также работоспособность общества самого по себе все меньше способны отвечать на вызовы времени. В данной связи стоит говорить о необходимости специализированных комплексных мер, направленных на развитие более тесного контакта между государственным аппаратом и населением страны, которые могут быть подведены под общее понятие «цивилизационного политического сознания».

Безусловно, внедрение цивилизационного политического сознания должно пройти через долгий процесс прививания широким массам населения понимания своей цивилизационной идентичности и осознания каждым индивидом его глубокой связи с историей и будущим российской цивилизации, что может быть осуществлено через государственную поддержку максимально широкого спектра сфер, составляющих жизнедеятельность каждого из членов общества, и в особенности представителей молодежи.

Так, особую роль в данном процессе играет воспитание чувства ответственности у молодых граждан. Знание механизмов государственного управления необходимо сопровождать пониманием последствий принимаемых решений. Здесь особую ценность приобретают кейс-методы обучения, демонстрирующие взаимосвязь экономической, правовой и социальной сфер, ролевые игры, моделирующие кризисные ситуации и поиск компромиссных решений, а также встречи с государственными служащими, депутатами и муниципальными работниками, которые делятся реальным опытом работы [7].

Существенное значение имеет учет регионального аспекта. Россия представляет собой страну с огромной территориальной дифференциацией, и молодежь в каждом субъекте Федерации сталкивается со сво-

ими специфическими вызовами. Поэтому программы приобщения к государственно-му управлению должны учитывать местные особенности — от условий арктических территорий до специфики южных курортных регионов. Важно стимулировать проекты, направленные на развитие малых городов и сельских поселений, создавая межрегиональные площадки для обмена лучшими практиками и взаимного обогащения опытом.

Интеграция знаний о государственном управлении в систему образования является еще одним важным направлением [3]. Соответствующие курсы должны появляться не только в высших учебных заведениях (на примере курса «Основы российской государственности»), но и в школах, колледжах, центрах дополнительного образования. При этом цель не сводится к подготовке будущих чиновников, речь идет о формировании гражданской культуры развитой страны-цивилизации, в которой понимание работы государственных институтов становится такой же естественной нормой, как знание собственных прав и обязанностей.

Преимущество поколений является ключевым условием успешной реализации этой задачи. Опыт старших коллег, их понимание исторических контекстов и управленческих традиций необходимо органично сочетать с инновационным мышлением молодежи. Для этого требуются наставнические программы, в рамках которых опытные государственные служащие курируют молодых активистов и реализуют совместные исследовательские проекты по актуальным проблемам — от демографических вызовов до вопросов технологической безопасности. Не менее важно и публичное признание вклада молодых специалистов в реализацию государственных инициатив.

Этот процесс позволяет снизить барьер недоверия между обществом и властью, вырастить поколение, способное принимать взвешенные, обоснованные решения, обеспечить гармоничное сочетание инноваций и сохранения традиционных ценностей, укрепить единство России через общее понимание стратегических целей развития. Только так можно преодолеть отчуждение от политики, превратив ее

из абстрактного понятия в пространство реальных действий.

Кроме того, важно понимать, что особое внимание сегодня стоит уделить совершенствованию медиаграмотности молодого поколения, поскольку в связи с интенсивным развитием информационных войн молодые люди как никогда нуждаются в государственной защите от экстремистского влияния [2]. Это подразумевает не цензуру, а обучение методам верификации данных, анализу источников, пониманию механизмов пропаганды. Когда молодой человек умеет отличать достоверные факты от деструктивной информации, он становится не пассивным потребителем контента, а активным участником общественного диалога.

Среди мер, предназначенных для упрочнения социальных связей как фактора внедрения цивилизационного политического сознания, мы видим возрождение некоторых советских традиций, а именно практики проведения субботников, призванных стать живым общественным движением и вдохновить людей на созидательный труд на благо страны и окружающей реальности в эпоху тотального погружения молодежи в виртуальное пространство.

В исторической перспективе очевидно, что субботники были не просто трудовой акцией, а реальным социальным феноменом: они дали начало культуре добровольного коллективного труда, где человек осознавал свою причастность к общему делу. Субботники заложили основы новой трудовой этики — такой, где ценность личности определялась не только профессиональными навыками, но и готовностью трудиться ради блага общества. Это был опыт, показавший: когда люди объединяются ради конкретной, зримой цели, преобразуются и среда, и сознание.

Сегодня, спустя десятилетия, идея добровольного труда на общее благо не утратила актуальности. Напротив, в условиях урбанизации, экологических вызовов и цифровизации повседневности субботники могут стать фактором, служащим связующим звеном между личным и общественным, между виртуальным и реальным участием в жизни города или села.

Безусловно, сегодня мы наблюдаем активное развитие волонтерства, однако следует подчеркнуть, что развитие гражданской активности и ответственности в рамках выстраивания цивилизационного политического сознания призвано выходить за рамки определенной заинтересованной категории населения и иметь всеохватывающий масштаб.

Говоря о преимуществах полномасштабного внедрения практики субботников, мы, во-первых, имеем в виду переосмысление ценности труда. В эпоху, когда многие виды деятельности уходят в онлайн-формат, физический труд на благо общего пространства помогает вернуть ощущение осязаемого результата: посаженное дерево, очищенная территория, отремонтированная скамейка — все это становится зримым свидетельством вклада каждого индивида.

Во-вторых, данная инициатива в долгосрочной перспективе направлена на укрепление существующих социальных связей путем сокращения дистанцирования между представителями разных поколений и социальных групп. Таким образом, все вовлеченные граждане оказываются в одинаковых условиях, в которых они объединены единой задачей. Это не только создает почву для повышения доверия внутри социума и формирования локальных сообществ по интересам, но и дает возможность поиска новых знакомств, что не может не сказаться на демографических показателях.

В-третьих, предлагаемая инициатива способна повысить уровень существующей гражданской ответственности. Так, граждане, улучшая окружающее пространство, начинают иначе воспринимать родной город или село — не как «чужую территорию», а как место, где действия каждого индивида имеют значение. Данное обстоятельство меняет как индивидуальную, так и коллективную психологию — от пассивного ожидания улучшения окружающей обстановки к осознанию того, что перемены начинаются именно с личного участия, что в долгосрочной перспективе способно оказать влияние в том числе и на политическую активность и вовлеченность молодого поколения.

При реализации федеральной и региональной политики в данной области важно понимать специфику внедрения субботников в современных реалиях.

Так, мы считаем, что субботники не должны превращаться в обязательную повинность или имиджевую акцию. Их сила — в инициативе и осмысленности. Поэтому необходимо:

- 1) давать людям выбор — участвовать в уборке парков, озеленении, ремонте общественных объектов, организации культурных пространств и т.п.;
- 2) поддерживать локальные инициативы: жители сами должны определять, что нуждается в улучшении в их дворе, районе, поселке;
- 3) интегрировать субботники в образовательные программы: чтобы школьники и студенты осознавали тесную связь между трудом и качеством жизни;
- 4) сопровождать акции интерактивными просветительскими элементами: история места, экологический контекст, рассказ о том, как подобные инициативы меняют города в других регионах.

Возрождение субботников является не ностальгией по прошлым традициям, а вкладом в поиск современных форм солидарности. Это возможность напомнить широким слоям населения, что общее пространство и будущее российской цивилизации принадлежит всем и его состояние зависит от каждого. Когда люди трудятся вместе, они не только меняют окружающую среду — они меняют себя, возвращая в повседневность ценности взаимопомощи, уважения к труду и ответственности за свое будущее, что не может не сказаться на политической составляющей государства в позитивном ключе [9]. Поэтому внедрение практики субботников будет способствовать созданию идейного и морально-политического единства российского народа, призванного стать результатом широкого спектра государственных преобразований и деятельности правительства по идейно-политическому воспитанию молодого поколения в процессе цивилизационного развития.

Также, основываясь на необходимости поиска наиболее действенных способов повышения социальной и политической активности молодежи, мы считаем необходимым обратить внимание на идею возрождения практики социалистического соревнования, переосмысленную и адаптированную к реалиям XXI века. При этом имеется в виду создание мотивирующей системы состязательности, которая будет способствовать развитию гражданской ответственности, инициативности и вовлеченности молодого поколения в общественную и политическую жизнь страны.

Суть данных нововведений заключается в формировании конкурентной среды, в которой молодежные коллективы — студенческие объединения, волонтерские группы, школьные классы или молодежные парламенты — соревнуются в реализации социально значимых проектов. Принципиальное отличие от прежних форм соревнования состоит в том, что ключевым критерием успеха становится не абстрактная победа, а конкретный, осязаемый вклад в развитие местного сообщества, региона или страны в целом.

Современный аналог соцсоревнования может охватывать самые разные направления деятельности — от разработки цифровых решений для государственных услуг до экологических инициатив по восстановлению лесов, от программ поддержки старшего поколения до проектов по сохранению исторического и культурного наследия, поддерживающего традиционные российские ценности. Важным аспектом является популяризация научного знания и технического творчества, а также инициативы по улучшению городской среды — благоустройству дворов и созданию общественных пространств.

Для успешной реализации данной идеи необходимо выстроить четкие механизмы работы, основанные на принципах прозрачности и открытости. Так, необходимо поддерживать создание онлайн-платформ, транслирующих достижения и проекты отдельных коллективов, к оценке и состоятельности которых должны привлекаться экспертные комиссии в составе представителей властных структур, бизнес-сообществ и НКО. Нельзя не отметить,

что подобные практики уже существуют, однако, на наш взгляд, их эффективность требует постоянной усиленной поддержки, так как именно в данном случае популяризация деятельности позволит достичь более существенных результатов.

Наряду с поощрительной и мотивационной составляющей, находящей свое выражение в предоставлении стажировок, образовательных сертификатов и возможности внедрения лучших проектов на региональном и муниципальном уровнях, немаловажную роль в соревновании играет стимулирование к обмену опытом между молодыми учеными из разных регионов и областей наук, тем самым порождая развитие междисциплинарного подхода к исследованиям. Данный аспект способен как формировать и расширять горизонтальные связи между представителями молодого поколения, так и формировать чувство общности и ценность коллективизма в процессе осуществления объединяющего дела.

Более того, особое внимание должно уделяться активной популяризации подготовки социально значимых проектов, отвечающих запросам общества и не испытывающих нужды в координации со стороны властных структур. Так, учащиеся школ могут привлекаться к исследованию проблем родного района и предлагать решения — от организации безопасных пешеходных переходов до создания молодежных просветительских и научных клубов. Студенты технических специальностей способны разрабатывать прототипы устройств, отвечающих нуждам местных предприятий, а волонтеры в силах запускать кампании по сбору средств на восстановление памятников архитектуры.

Данная инициатива способствует развитию у молодых людей навыков проектного мышления, командной работы и ведения переговоров, дает опыт взаимодействия с государственными и общественными институтами, повышая политическую вовлеченность.

В перспективе возрождение духа соревновательности в гражданской сфере способно принести ощутимые плоды. Оно может пробудить у молодого поколения интерес к общественным и политическим процес-

сам, создать точки роста для перспективных инициатив. Кроме того, совместные проекты, объединяющие молодых людей из разных регионов и культурных сред, будут способны создавать необходимую почву для укрепления единства страны и становления цивилизационного политического сознания.

Помимо этого, мы считаем важным возрождать культуру живой политической активности, переместив фокус политической вовлеченности из виртуального пространства на реальные улицы и площади. В эпоху цифровых технологий именно непосредственное человеческое общение способно вернуть политике подлинный смысл и стать основой для открытого обмена мнениями.

Смысл предложения состоит в создании условий для естественного вовлечения граждан в обсуждение будущего страны. Необходимо дать людям возможности личной встречи в целях отхода от политической апатии, прививаемой пассивным наблюдением за политическими новостями в социальных сетях. В такой обстановке идеи перестают быть абстрактными тезисами и наполняются конкретным смыслом, становятся основой для реальных действий.

Ключевым инструментом могут стать традиционные средства визуальной коммуникации, а именно: плакаты, баннеры, стенды с актуальной информацией. Их сила в лаконичности и доступности — яркий образ и емкая фраза способны пробудить интерес даже у случайного зрителя. Важно, чтобы данные материалы не превращались в сухие лозунги, а провоцировали размышления, задавали вопросы, приглашали к диалогу. Например, плакат с вопросом «Каким Вы видите свой город через 10 лет?» может стать выходом из политической отстраненности и началом серьезного разговора о перспективах развития территории.

Не менее значимо возрождение культуры публичных выступлений и дискуссий. Площади, парки, Дома культуры должны вновь стать местами, где звучат разные голоса, где можно услышать аргументированную позицию и высказать собственное мнение. При этом принципиально важно,

чтобы спикеры не ограничивались формальными речами, а вступали в живой диалог с аудиторией и отвечали на острые вопросы, разъясняли сложные моменты, показывали готовность слышать критику. Именно так формируется культура цивилизованной полемики, где уважение к оппоненту не противоречит твердости убеждений.

Особое внимание следует уделить вовлечению школьников в общественно-политическую жизнь. Молодое поколение не должно оставаться пассивными наблюдателями, ему необходимо давать возможность быть соучастниками процесса. Это может происходить через организацию встреч с представителями власти, экскурсий в законодательные органы, участия в моделировании законотворческого процесса. Важно, чтобы такие мероприятия позволяли подросткам задавать интересующие вопросы, предлагать нестандартные решения, видеть, как предпринимаются реальные действия. Когда школьник понимает, что его мнение ценно и он может повлиять на ситуацию, у него развивается внутренняя ответственность за происходящее вокруг, что по достижении совершеннолетия способно сформировать политически активного гражданина с чувством ответственности за будущее российской цивилизации.

Возрождение уличной политической активности способно преодолеть несколько серьезных барьеров:

Во-первых, оно возвращает политике реальное измерение. Вместо обезличенных комментариев в соцсетях люди видят друг друга, учатся слушать и слышать.

Во-вторых, такие форматы доступны тем, кто недостаточно активен в цифровом пространстве, а именно старшему поколению, жителям малых городов и сел.

В-третьих, коллективное присутствие на мероприятиях создает ощущение сопричастности: человек осознаёт, что он не одинок в своих взглядах, что вокруг есть единомышленники, готовые действовать сообща.

Важно осознание того, что граждане должны участвовать в живых дискуссиях не для того, чтобы выкрикивать лозунги, а чтобы обсуждать насущные проблемы.

Тогда молодежь учится задавать вопросы власти, а не бояться ее, тогда визуальные средства коммуникации становятся не орудием пропаганды, а инструментом размышлений. Именно в данной обстановке происходит настоящее гражданское взросление общества.

Возрождая подобные практики как элементы процесса формирования цивилизационного политического сознания, можно преодолеть дистанцирование между людьми и институтами власти, вернуть доверие к государственным структурам и воспитать поколение, способное не просто следовать указаниям, а брать на себя ответственность за судьбу цивилизации. Именно через живое общение, открытые дискуссии и совместные действия рождается гражданская солидарность, без которой невозможно устойчивое развитие государства.

Нельзя не упомянуть и о том, что одной из ключевых составляющих прививания цивилизационного политического сознания должно быть утверждение и формирование цивилизационного патриотизма, который представлял бы из себя не призыв к слепой лояльности, а комплексную работу по созданию общегосударственного ценностного пространства, в котором каждый индивид воспринимает себя важной неотъемлемой частью большой исторической общности.

Системная работа в сфере становления цивилизационного патриотизма предполагает выход за рамки узконациональных или локальных представлений о любви к Родине. Данную работу предлагается выстраивать не в ключе противопоставления «они» и «мы» и идее исключительности, а именно на глубоком понимании цивилизационных основ уникальной и самобытной Российской цивилизации, объединяющей множество народов, культур и традиций, сосуществующих в гармоничном сочетании многообразия, единства и способности сохранять особенности каждого этноса при общей ценностной платформе.

Цивилизационный патриотизм формирует особое мировосприятие, при котором индивиды, не отказываясь от своих этнических, культурных или региональных

корней, осознают себя частью большой страны. Гражданам должно прививаться глубокое понимание того, что благополучие их родного города или села невозможно без благополучия всей российской цивилизации, а ее успехи становятся основой для развития каждого ее региона. Такое сознание отвергает чрезмерное влияние местного патриотизма, попытки ограничить патриотизм узкими рамками локальных интересов, прикрывая эгоизм красивыми словами о любви к малой родине.

Прежде всего, предлагается показывать обществу неразрывную нить истории, в которую вплетена судьба каждого гражданина, что может достигаться через различные пути формирования мировоззрения, такие как образование, культура, медиапространство и т.д. Важно, чтобы люди видели не только героические успехи российского прошлого, но и понимали, как из испытаний рождалась устойчивость Российской цивилизации.

Цивилизационный патриотизм не означает изоляции или враждебности по отношению к миру. Напротив, он дает внутреннюю уверенность, позволяющую открыто перенимать лучшее из зарубежного опыта, не теряя самобытности; отстаивать национальные интересы на международной арене без перехода к прямой конфронтации; продвигать русскую культуру, язык и науку как часть общечеловеческого наследия.

Серьезным препятствием на пути формирования цивилизационного патриотизма может стать преобладающий местный патриотизм. Он может проявляться в стремлении противопоставить региональные интересы общенациональным, в желании замкнуться в узких рамках, игнорируя общие задачи, что не имеет ничего общего с подлинным патриотизмом и способно ослаблять страну, разрушать доверие и подменять общее благо частными интересами. Борьба с ним не предполагает подавления региональной идентичности, а утверждает принцип, согласно которому любовь к малой родине неотделима от любви к Российской цивилизации.

В частности, благодаря зрелому цивилизационному патриотизму формируется цивилизационное политическое сознание как способность видеть страну как уни-

кальный мир, ценить ее наследие, понимать вызовы времени и проявлять политическую активность [4].

Таким образом, ключевым условием становления цивилизационного политического сознания становится комплексный подход, охватывающий все сферы общественной жизни. Прежде всего, это системное вовлечение граждан в решение задач на различных уровнях государственного функционирования как на этапе местного самоуправления, так и на уровне общенациональных проектов.

Не менее важно укрепление доверия между государством и обществом. Власть становится эффективной лишь тогда, когда опирается на поддержку граждан, а не существует без внимания к интересам общества. В современном мире общество нуждается как в осознании важности каждого голоса, так и в понимании отсутствия игнорирования острых проблем. Таким образом не только повышаются показатели лояльности к властным органам, но и возрастает внутренняя мотивация к политическому участию. Государство перестает восприниматься как внешняя сила и становится инструментом реализации общих интересов.

Центральным элементом цивилизационного сознания является единая ценностная платформа, объединяющая многонациональный народ Российской Федерации. При этом принципиально важно противостоять любым формам разобщения, например попыткам противопоставить региональные, этнические или корпоративные интересы общенациональным. Цивилизационное политическое сознание отвергает замкнутость, постулируя, что благополучие каждого индивида зависит от благополучия всей страны. Данный подход является не унификацией, а гармонией многообразия, где каждый элемент усиливает развивающуюся систему.

Психологический аспект цивилизационного политического сознания также имеет решающее значение. Он формирует устойчивые черты общественного поведения: ответственность за настоящее и будущее страны, готовность к солидарности, непримиримость к разрушению и равнодушию, гордость за достижения, сочетающуюся

юся с критическим осмыслением проблем. Реализация же поставленной цели требует согласованных усилий во всех сферах человеческого общежития.

В заключение стоит сказать, что цивилизационное политическое сознание действительно способно создать почву для преодоления социальной разобщенности, повышения доверия к институтам власти, формирования поколения, воспринимающего Россию как нерушимое единство. Выстраивание цивилизационного политического сознания ведет не к единообразию, а к единству в многообразии, в котором каждый гражданин осознаёт важность своих действий и политического участия. Именно таким образом рождается цивилизация, способная отвечать на вызовы времени, сохраняя свою идентичность.

Список литературы

1. Астафьева Н.С. Информационные стратегии формирования политического сознания (социально-философский анализ): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Твер. гос. ун-т. — Тверь, 2012.
2. Гизитдинова А.А. Влияние средств массовой информации на формирование политического сознания государственного служащего // Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика. Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. — Уфа, 2020. — С. 35–40.
3. Легошин А.И. Непрерывное образование как катализатор личностного становления молодого поколения // Организация, методология и методика научно-исследовательской работы. Материалы круглого стола в рамках XV Международной научно-практической конференции «Россия и мир: развитие цивилизаций. Уроки Великой Победы и новое мироустройство». — М., 2025. — С. 12–16.
4. Легошин А.И. Роль формирования цивилизационно ориентированного мышления для политической стабильности страны // Россия и мир: развитие цивилизаций. Уроки Великой Победы и новое мироустройство. Материалы XV международной научно-практической конференции. В 2-х ч. — М., 2025. — С. 176–180.
5. Мурзина Д.Ш. Роль региональных мифов в политическом сознании россиян // Власть. — 2013. — № 7. — С. 102–104.
6. Мясоутов О.В. Политическое сознание как феномен современности: политико-философский анализ // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. — 2010. — № 4-1. — С. 124–128.
7. Селезнева А.В. Образы молодежных политических лидеров в сознании российской молодежи / А.В. Селезнева, А.Л. Божедомова, Е.В. Луканина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2022. — № 67. — С. 190–201.
8. Танцура М.С. Массовое сознание россиян в контексте трансформации российской политической системы / М.С. Танцура, Т.П. Леошенко // Известия Восточного института. — 2022. — № 4(56). — С. 131–137.
9. Шестопал Е.Б. Образы настоящего и будущего России в политическом сознании ее граждан / Е.Б. Шестопал, Н.Н. Рогач // Общественные науки и современность. — 2022. — № 6. — С. 45–61.

DOI 10.24412/2587-6236-2026-251-30-36
УДК 323.39

А.Г. Лихоносов

доктор политических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
E-mail: lihonosov1968@mail.ru

Н.А. Чичулин

доктор политических наук, профессор
ведущий научный сотрудник,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
E-mail: nikolay.chichulin@yandex.ru

Д.Ю. Бурчаков

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
E-mail: lihonosov1968@mail.ru

СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

A.G. Likhonosov

Doctor of Political Sciences, Professor,
Leading Researcher,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
E-mail: lihonosov1968@mail.ru

N.A. Chichulin

Doctor of Political Sciences, Professor,
Leading Researcher,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
E-mail: nikolay.chichulin@yandex.ru

D.Y. Burchakov

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
E-mail: lihonosov1968@mail.ru

THE SYSTEM OF ENSURING RUSSIA'S ETHNOPOLITICAL SECURITY: DOMESTIC EXPERIENCE AND MODERNITY

Аннотация. В исследовании рассмотрено современное состояние системы этнополитической безопасности в России, проблемы ее обеспечения, возможные вызовы и конфликтогены, заложенные в многонациональном государстве. Попытка расшатать межнациональные отношения в России является основной целью наших геополитических соперников. Именно разрушение межнационального единства Советского Союза ослабило Россию на многие десятилетия, как политически, экономически, так и с военной точки зрения. В условиях проведения Россией Специальной военной операции на Украине основным контентом вражеской информационной диверсии являются якобы существующие межнациональные противоречия в России. Например, к ставшей традиционной фейковой теме отношений между народами Северного Кавказа и остальной Россией добавилась тема отношений между трудовыми мигрантами из Центральной Азии и населением России. В дополнение к существующим мерам обеспечения этнополитической безопасности предлагается усилить уголовную ответственность за разжигание межнациональной розни на уровне наказаний по статьям за государственную измену и терроризм. Но основными мерами обеспечения этнополитической безопасности остаются культурно-просветительские, экономические, социальные и другие меры, способствующие гармоничному существованию всех этносов, населяющих Россию.

Ключевые слова: этнополитика, межнациональные отношения, конфликтоген, угрозы этнополитической безопасности, национальная идея, патриотизм.

Abstract. The study examines the current state of the ethnopolitical security system in Russia, the problems of ensuring it, and the possible challenges and conflict-generators inherent in a multinational state. The attempt to destabilize interethnic relations in Russia is the main goal of our geopolitical rivals. It was the destruction of the interethnic unity of the Soviet Union that weakened Russia for many decades, both politically, economically, and militarily. In the context of Russia's special military operation in Ukraine, the main content of the enemy's information sabotage is the alleged existence of interethnic conflicts in Russia. For example, in addition to the traditional fake topic of relations between the peoples of the North Caucasus and the rest of Russia, there is now a topic of relations between labor migrants from Central Asia and the Russian population. In addition to the existing measures to ensure ethno-political security, it is proposed to strengthen criminal liability for incitement of ethnic hatred at the level of penalties under articles for high treason and terrorism. But the main measures to ensure ethnopolitical security remain cultural, educational, economic, social and other measures that contribute to the harmonious existence of all ethnic groups inhabiting Russia.

Key words: ethnopolitics, interethnic relations, conflictogen, threats to ethnopolitical security, national idea, patriotism.

Современный мир переживает эпоху глобальных трансформаций, которые оказывают непосредственное влияние на этнополитическую ситуацию в различных государствах, и в первую очередь в странах с многонациональным составом населения.

Россия, как государство с богатым культурным, конфессиональным и этническим разнообразием, сталкивается с рядом вызовов, которые оказывают разностороннее влияние на уровень национальной безопасности государства в целом [6]. Данный фактор определяет актуальность темы статьи.

Обеспечение этнополитической безопасности представляет собой сложную систему мер, направленных на предотвращение межэтнических конфликтов, обеспечение равноправного развития всех этнических групп и сохранение этнокультурного многообразия в многонациональной стране.

Современные политические механизмы системы обеспечения этнополитической безопасности России, такие как законодательство, институты государственной власти и различные программы развития, требуют анализа и уточнения их эффективности в современных условиях существования нашей страны. Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе системы обеспечения этнополитической безопасности, сложившейся в Рос-

сии, с учетом ее исторического опыта и современной практики бесконфликтного существования полиэтнического государства, а также в выработке стратегических рекомендаций для органов власти, научного сообщества и общественных организаций, направленных на положительное развитие этнополитической безопасности нашей страны.

Для достижения поставленной цели необходимо решить несколько задач, к которым, в первую очередь, относятся:

- уточнение понятийного аппарата как теоретической основы системы обеспечения этнополитической безопасности;
- исследование опыта и современной практики обеспечения этнополитической безопасности в России;
- выявление основных внутренних и внешних угроз этнополитической безопасности в России;
- анализ деятельности государственной власти по обеспечению этнополитической безопасности в России;
- выработка практических рекомендаций и механизмов по минимизации этнополитических рисков в России.

Методологической базой исследования являются исторический, сравнительный и статистический методы анализа.

Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней предложены

практические рекомендации по совершенствованию институциональных механизмов обеспечения этнополитической безопасности.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в деятельности органов государственной власти, при реализации программ обеспечения этнополитической безопасности в России.

Этнополитическая безопасность — это состояние защищенности государства и общества от угроз, связанных с межэтническими конфликтами, радикализацией и терроризмом, с полиэтническим и многоконфессиональным устройством страны.

Ключевое значение в понятии сущности этнополитической безопасности имеет ее связь с понятием «государственная безопасность», которое практически не используется в современной политической, да и научной терминологии и практически полностью заменено понятием «национальная безопасность» [9].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹ национальная безопасность определена как «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны». Под термином «национальный» в этом документе понимается совокупность граждан одного государства, в содержании этого термина отсутствует этническая составляющая. Отметим, что этнос представляет собой большую, исторически сложившуюся группу людей, которых объединяют общее прошлое, культура, самосознание и, как правило, язык или языковая группа².

Данное исследование направлено на анализ проблем именно этнической со-

ставляющей политического устройства Российской Федерации и конфликтогенной составляющей, заложенной в существующем государственном устройстве.

Рассмотрим сущность этнополитической безопасности. Сущность, как философская категория, определяется набором признаков в предметах, явлениях или действиях. В данных признаках заключен смысл, предназначение, функционал предметов, явлений или действий. Сущность государства заключена в способности институтов власти эффективно выполнять свои функции. Сущность безопасности государства, как состояние отсутствия угроз, заключается в способности государства достижения состояния отсутствия угроз или способности противодействия угрозам государству. Сущность этнополитической безопасности заключается в способности противодействовать этническим и межнациональным угрозам государству и обществу.

Основой этнополитической безопасности в системе национальной безопасности является ее способность предотвращать межэтнические конфликты, снижать уровень террористической активности и формировать толерантное общество [8].

Существенным аспектом обеспечения этнополитической безопасности является повышение роли государства, региональной власти и гражданского общества в профилактике и предотвращении межэтнических конфликтов. Таким образом, этнополитическая безопасность как состояние характеризуется способностью государственной власти предотвращать межэтнические конфликты; профилировать и снижать уровень радикализации общества и террористической активности, а также формировать толерантное общество. Под толерантным обществом в государстве будем понимать гармоничные социальные межэтнические отношения на созданных общественно-политических платформах для диалога между этническими группами в культурно-просвети-

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 5.07.2021. — № 27 (часть II). — С. 5351.

² Совкомблог. Термины и понятия // URL: https://journal.sovcombank.ru/glossarii/chto-takoe-etnos-i-etnicheskaya-prinadlezhnost#h_77058871211756967395199.

тельской, общеобразовательной, религиозной, производственно-экономической и других сферах. В отношении этого в России существует достаточно богатый опыт, начиная с древнерусского государства. Например, Киевская Русь представляла собой многонациональное государство, в котором сосуществовали различные племена и этнические группы, а политика князей была направлена на интеграцию различных племён, что способствовало укреплению доверия между различными этническими группами. Древнерусский период характеризуется также тем, что в качестве государственной религии было принято христианство, что, несомненно, способствовало объединению различных этнических групп и формированию единой культурной идентичности.

Политика Московского княжества после монгольского периода была направлена на объединение различных земель и естественно опиралась на местную этническую элиту и население.

Российская империя уже представляла собой многонациональное государство, в котором политика русификации была основана лишь на проповедовании православия в культурную жизнь коренных, как правило языческих, племен и народов. Отсюда и термин «русский» имеет не этнический характер, а скорее религиозно-православный, что в большей степени способствовало снижению уровня межэтнической напряжённости, выстраиванию социальных лифтов во все сферы государственной власти всех этносов империи.

Советский период нашей страны характеризуется самым большим расцветом народов, проживающих в едином государстве. Около полусотни народностей России, в частности почти все народы Севера, не имели даже собственной письменности до советского периода. Национальная политика Советского государства стала беспримерной во всей истории человечества. Уникальность «Советской империи» заключалась в том, что ее этнические субъекты имели больше различных прав, в том числе экономических, чем большинство коренного населения «метропо-

лии». Данное обстоятельство стало одной из основных причин распада Советского Союза и разгоревшихся межэтнических конфликтов по всему периметру России и внутри ее на Северном Кавказе. При этом причиной стал именно национальный эгоизм (подпитываемый в советский период) новых политических образований, когда русские одновременно стали изгоями в собственной родине [7]. Более того, границы новоявленные государства, в большинстве своем никогда не имевшие государственности в своей истории, приобрели за счет территорий России. Наиболее болезненным для России стал проект Антироссии на Украине, более половины территории которой составляли исконно российские земли. При этом русский язык и русская культура оказалась под запретом. Отсюда очевидны истоки конфликтогена, но даже в этой ситуации причины Специальной военной операции России на Украине не имеют этнического характера: причины находятся в плоскости военных угроз — усиливаемая нацистской идеологией и военной помощью Запада Украина стала безмерно милитаризоваться, откровенно угрожать территориальной целостности России и беспрецедентно выдавливать русскоязычное население со своей территории. Этим объясняется создание в России в марте 2015 года Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН России) — федерального органа исполнительной власти Российской Федерации³, на которое возложены функции обеспечения межнационального и межконфессионального мира и согласия в России, реализации государственной национальной политики, государственных и федеральных целевых программ в сфере межнациональных отношений, социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в России. Именно задача интеграции иностранных граждан в российское общество отличает это ведомство от ранее существовавшего Министерства регионального развития РФ (Минрегион России). Отметим при этом, что внутренних межэтнических проблем не становится меньше, более того, современная Россия проходит серьёзные

³ Федеральное агентство по делам национальностей. — URL: <https://fadn.gov.ru/?ysclid=mk9g2r4onh3244466707>.

национальностей. — URL: <https://fadn.gov.ru>.

испытания на прочность, особенно в условиях проведения Специальной военной операции (СВО), беспрецедентных санкций и фактической блокады страны западными государствами [1, 5, 10].

«Представители всех народов России встали в единый строй участников СВО, — заявил секретарь Совета безопасности РФ Сергей Шойгу. — Российское государство основано на многовековой истории совместного проживания различных этносов и защите общих ценностей»⁴.

Как показывает современная практика межэтнического существования страны в условиях проведения СВО, Россия практически укрепляет свой федерализм [2; 3]. Делегирование особых полномочий региональным органам власти при обеспечении СВО, а именно вопросов мобилизации, проведения мероприятий охраны и обороны критически важных объектов, гуманитарной помощи участникам СВО и т.д., показало отсутствие в региональных органах власти какого-либо сепаратизма. Наоборот, наблюдается устойчивое проявление фактов общегосударственной заинтересованности субъектов в победе. Поэтому наши противники сделали ставку на отдельные этнические группы и конкретных лиц, что особенно отразилось в фейковых информационных атаках на российских граждан. Основным источником фейковой информации становятся различные социальные мессенджеры, где ставка делается именно на якобы существующие этнические проблемы в стране. Как правило, такие фейки имеют обобщенную направленность, например на всех жителей Северного Кавказа или Центральной Азии. Ограничение органами власти функционирования отдельных мессенджеров во многом связано именно с распространением ложной информации, носящий деструктивный характер. Ставка противника на развязывание межэтнических конфликтов в России понятна, так как это их единственная надежда на победу. В связи с этим можно констатировать, что, как и «в старые до-

брые времена», Российское государство держится на трех основных составляющих — на жесткой централизованной власти; на сотрудничестве, взаимодействии всех народов, этносов и этнических групп; на единстве общенациональной цели, на высоком уровне патриотизма как общенациональной идее⁵ [4].

Сильная государственная власть, как показывает многовековая практика жизнедеятельности России, является практически единственным способом сохранения страны в существующих границах. Именно ослабление централизованной власти в истории России приводило к сепаратизму национальных субъектов, в настоящее время национальные субъекты Российской Федерации встроены в территориальные границы именно по этническому признаку, как и бывшие советские республики, что является конфликтогенным фактором.

Механизмов противодействия национализму и сепаратизму существует достаточно. Условно их можно разделить на механизмы предупреждения, профилактики и наказания (нормативно-правовые или силовые механизмы); механизмы социальные, культурные, религиозные, языковые, исторические (гуманистические механизмы); механизмы экономические, финансовые, торгово-производственные (стимулирующие механизмы). Классификацию можно продолжить, но смысл любых механизмов межэтнического взаимодействия — это гармоничное сосуществование всех этносов, независимо от культуры, традиций, вероисповедания. Неуважение, игнорирование любой этнической особенности, пренебрежение или презрение к ней приводит к сепаратизму, как и пренебрежение к традициям какой-либо этнической группы или культуры приводят к ксенофобии и гонениям. Грань между патриотизмом, национализмом, шовинизмом практически разрушается незаметно, но всегда с попустительства государственной власти, непосредственного государственного потворства или вследствие са-

⁴ «Единый строй»: Шойгу раскрыл, какие народы России участвуют в СВО // URL: <https://news.ru/russia/shojgu-soobshil-cto-vse-narody-rossii-vstali-v-edinij-stroj-uchastnikov-svo>.

⁵ Путин назвал важным воспитание патриотизма с учетом интересов народа России // URL: <https://iz.ru/1985238/2025-11-05/putin-nazval-vazhnyim-vozpitanie-patriotizma-s-uchetom-interesov-naroda-rossii>.

мой государственной политики, как это было, например, в османской Турции, социал-нацистской Германии или постсоветской Украине, что всегда приводило к геноциду тех или иных этносов. Государство обязано делать все, чтобы в многонациональной стране было комфортно жить всем нациям без исключения, это основная обязанность власти. Анализ нормативных правовых актов, существующих в России, показывает, что коренные народы России имеют полный спектр гражданских свобод и прав, более того, государственными языками в том или ином национальном субъекте Федерации являются все употребляемые в нем языки. Другие народы и этносы, прибывшие в Россию, получившие гражданство нашей страны, ничем не отличаются от всех остальных граждан, это им гарантировано Конституцией Российской Федерации. Тем не менее в некоторых регионах страны возникают межнациональные проблемы, в основном спровоцированные поведением, ущемлением по национальному признаку или конкретными преступлениями, связанными с этническим группировками. Не вдаваясь в конкретные случаи, несложно спрогнозировать, что эти межнациональные проблемы должны решаться и решаются жесткими силовыми методами, и здесь государство должно максимально справедливо относиться к преступлениям такого характера, так как они носят болезненный, резонансный характер. Профилактика межнациональных проблем должна проводиться на постоянной основе, с этой целью принимаются различные программы регионального, федерального и межгосударственного уровня по всем направлениям и в различных сферах. Легко разжечь межнациональный конфликт, чем и занимаются наши враги, тяжело конфликт разрешить. В связи с этим Уголовным кодексом должны быть предусмотрены самые тяжелые наказания за разжигание межнациональной розни — на уровне наказаний за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства.

Таким образом, можно сделать вывод, что система обеспечения этнополитической безопасности в России в целом отлажена и функционирует. Наши геополитические

соперники стремятся нарушить существующий этнический баланс в стране различными провокациями и информационными вбросами, так как в разжигании межнациональных внутренних конфликтов они видят единственный способ победить Россию. Государство обязано предпринимать все необходимое для противодействия проявлениям межнациональной розни, что, несомненно, может быть осуществлено на основе существующего комплекса профилактических и других мер.

Список литературы

1. *Апажеева С.С., Апажеев А.С.* Трансформация межнациональных (межэтнических) отношений на Северном Кавказе: теоретико-методологический анализ // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2024. — Т. 16. — № 1. — С. 61–73.
2. *Виноградов Д.Д.* История развития российского федерализма // Конституционное развитие России: прошлое, настоящее, будущее (к 30-летию Конституции РФ). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Тамбов, 2024. — С. 55–62.
3. *Квашнина М.Ю., Ухтомский В.А., Быч Е.И.* Развитие современных моделей федерализма // Самоуправление. — 2023. — № 2(135). — С. 625–628.
4. *Лихоносов А.Г.* Счастье — любить свою Родину! Патриотическое воспитание граждан страны, как основа информационной безопасности государства // Вестник военного образования. — 2021. — № 3 (30). — С. 21–24.
5. *Панькина И.Ю.* Специфика этнического экстремизма в России // Союз криминалистов и криминологов. — 2023. — № 1. — С. 138–141.
6. *Слуцкий Л.Э.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография: в 2 т. / Л.Э. Слуцкий, Н.А. Васецкий, О.Н. Слоботчиков; Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского. — М.: Издат. дом «УМЦ», 2025. — 540 с.
7. *Филимонов А.Г.* Русский этнос и формирование политической нации // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2023. — Т. 29. — № 3(90). — С. 263–268.
8. *Чичулин Н.А.* Перспективы развития технологий этнополитической безопасности в России // Россия и мир: развитие цивилизаций. Мир, страна, университет — 25 лет развития.

- Материалы XIV международной научно-практической конференции. — М., 2024. — С. 155–161.
9. *Шахов Ш.К.* Этнополитика и образовательная сфера в поликультурном регионе: тенденции развития. Монография. — М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2017. — 406 с.
10. *Штофер Л.Л.* Межэтнические и межконфессиональные отношения в современной России: основные проблемы и пути решения // Этноконфессиональный диалог как основа сотрудничества в области межрелигиозных и межэтнических отношений. Сборник трудов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. — Ростов-на-Дону, 2024. — С. 208–216.

Г.Н. Мельников

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

E-mail: h1406@mail.ru

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОЗИЦИИ РОССИИ
В СФЕРЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI В.****G.N. Melnikov**

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

E-mail: h1406@mail.ru

**RUSSIA'S COMMUNICATIVE POSITIONS
IN THE SPHERE OF FOREIGN POLICY EVENTS
OF THE FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY**

Аннотация. Статья посвящена изучению того, как внешнеполитическое руководство в лице Министерства иностранных дел Российской Федерации и Президент Российской Федерации представляли изменения во внешнеполитическом курсе страны, особенно в свете значимых внешнеполитических событий, которые произошли в первой четверти XXI в. Автор рассматривает четыре ключевых внешнеполитических события. Начиная от «Пятидневной войны» — операции по принуждению Грузии к миру от 08.08.08, которая «открыла» новую главу российской дипломатии, показав, что сидеть смирно и ждать чьей-то доброй воли нельзя и невозможно, хотя надежда на это оставалась. Далее автор рассматривает присоединение Крыма к России (ПКС) и Военную операцию Российской Федерации в Сирийской Арабской Республике, оба упомянутых события повлияли на российскую внешнюю политику, особенно присоединение Крыма к России, так как для внутренней публики это представлялось как «восстановление исторической справедливости», а тем временем на внешнеполитической арене, к примеру, страны блока НАТО называли это «агрессией» и «оккупацией» по отношению к Украине, несмотря на то, что они сами создали данную ситуацию. В статье рассматривается также Специальная военная операция (СВО), которая стала, по мнению автора, решающим фактором в изменении внешнеполитического курса страны, что позволило развеять ранние «розовые мечты» о «хорошем и добродушном» Западе, показав истинное отношение западных лидеров к России и продемонстрировав необходимость строить независимую внешнюю политику.

Ключевые слова: риторика, информационная кампания, санкции, медиаресурсы, акторы, коммуникативные практики, «суверенная демократия», Специальная военная операция

Abstract. This article examines how the foreign policy leadership, represented by the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and the President of the Russian Federation, perceived changes in the country's foreign policy, particularly in light of significant foreign policy events that occurred in the first quarter of the 21st century. The author examines four key foreign policy events. Starting with the "Five-Day War" — the operation to force Georgia to peace on 08.08.08, which "opened" a new chapter in Russian diplomacy, demonstrating that sitting quietly and waiting for someone's goodwill is impossible, although hope for this remained. The author then examines the reunification of Crimea to Russia and the Russian Federation's military operation in the Syrian Arab Republic. Both events influenced Russian foreign policy, particularly the annexation of Crimea to Russia, as it was presented to the domestic public as «restoring historical justice.» Meanwhile, in the foreign policy arena, NATO countries, for example, called it «aggression» and «occupation» against Ukraine, despite the fact that they themselves had created the situation. The article also examines the Special Military Operation, which, in the author's opinion, became a decisive factor in changing the country's

foreign policy, which made it possible to dispel early “rosy dreams” of a “good and good-natured” West, showing the true attitude of Western leaders towards Russia and demonstrating the need to build an independent foreign policy.

Key words: rhetoric, information campaign, sanctions, media resources, actors, communication practices, “sovereign democracy”, Special military operation.

В условиях нарастающей конфронтации с западным блоком, включающей санкционное давление и информационные войны, анализ риторических моделей приобретает ключевое значение для понимания механизмов отстаивания российских интересов на глобальной арене.

Существующие аналитические модели оценки внешней политики РФ страдают однобокостью: в них доминируют военно-политические и экономические факторы. Изучение коммуникативных позиций во внешнеполитической сфере любого государства, особенно при непредвиденных обстоятельствах, остаётся крайне слабо изученной областью. Это приводит к поверхностному изучению мотивов внешнеполитического российского руководства и идеологизации в трудах западных и мировых экспертов.

В данном исследовании была поставлена задача представления того, как менялись коммуникативные позиции российского внешнеполитического руководства в лице МИД РФ и Президента на фоне четырех крупных внешнеполитических событий первой четверти XXI в. — принуждение Грузии к миру (08.08.08), воссоединение Крыма с Россией (18.03.2014), Военная операция РФ в САР (30.09.2015 — 11.12.2017) и Специальная военная операция (24.02.2022 — н.в.). Рассмотрение официальных сообщений и внешнеполитических документов дает возможность понять, как складывалась обновленная версия внешнеполитической риторики на фоне меняющейся внешнеполитической ситуации.

Научная новизна данного исследования заключается в установлении взаимосвязи между кризисными событиями и сменой риторических моделей. Выявленные модели создают теоретическую базу для прогнозирования сценариев адаптации России к вызовам формирующегося многополярного мира, включая перестройки альянсов и инструментов «мягкой силы».

Материалы и методы

Материалами для исследования данной проблематики послужили научные публикации о трансформациях глобального мирового порядка в первой четверти XXI в., кроме того, были изучены официальные документы, связанные с 4 событиями в российской внешней политике. В работе были проанализированы статьи в рецензируемых отечественных журналах, материалы различных научно-практических конференций, раскрывающие специфику указанной проблематики. В работе использовался ряд исследовательских методов. Теоретический анализ литературы использовался для синтеза и формирования теоретического каркаса данной статьи. Сравнительный метод позволил выявить изменение коммуникативных стратегий и представить их эволюцию. Метод классификации и систематизации способствовал структурированию выявленных коммуникативных позиций внешнеполитического руководства Российской Федерации. Институциональный метод позволил взглянуть на внешнеполитические события с точки зрения государственных внешнеполитических структур.

Результаты исследования

Коммуникативные позиции внешнеполитического субъекта — это осознанное им положение, которое занимает субъект международных отношений (государство, международная организация) в процессе переговоров, обмена мнениями, представлением позиции государства на внешнеполитической арене. Это не просто обмен мнениями между внешнеполитическими субъектами, это способ взаимодействия и показатель того, как то или иное государство представляет свои интересы на международной политической арене и аргументирует их как перед внутренней, так и внешней аудиторией.

В данном исследовании будут рассмотрены:

- а) начальное положение российского руководства на международной арене после распада СССР вплоть до событий в Грузии (2008 г.);
- б) коммуникативные позиции России и ее властей в четырех событиях, таких как «Пятидневная война» (08.08.2008) — принуждение Грузии к миру; Воссоединение Крыма с Россией (18.03.2014); Военная операция РФ в САР (30.09.2015 — 11.12.2017); Специальная военная операция (24.02.2022 — н.в.)

1.1. Эволюция внешнеполитической парадигмы: от «атлантизма» к «суверенной демократии»

Распад Советского Союза поставил Российскую Федерацию перед необходимостью переосмысления ее роли на международной арене. После распада страна столкнулась с кризисом внешнеполитической субъектности и активно искала свое новое место в изменяющемся мировом порядке. Россия оказалась в затруднительном положении — с одной стороны, необходимо было учитывать наследие статуса сверхдержавы, с другой — адаптироваться к изменившимся геополитическим условиям. Это привело к появлению противоречивых подходов в отношениях с Западом.

В 1990-е годы внешнеполитическая ориентация России претерпела определенную эволюцию. Начальный акцент на «атлантизм» постепенно уступил место более взвешенной позиции. Участие в международных организациях, таких как ОБСЕ и Совет Европы, содействовало пониманию значимости защиты национальных интересов. К концу десятилетия наметился заметный внешнеполитический сдвиг — страна перестала слепо следовать «атлантизму» и стала

разрабатывать собственный независимый от кого-либо внешний политический курс.

Начало XXI века характеризуется выработкой независимой внешнеполитической доктрины с акцентом на отстаивание национальных интересов. Идея «суверенной демократии» [13], сформулированная Владиславом Сурковым в должности заместителя директора Администрации Президента РФ, стала основой для пересмотра внешнеполитического курса и создания партнерских отношений с представителями НАТО. В этот период внешнеполитический аппарат делал ставку на поддержку развития многополярного мира и выстраивание партнерских отношений с любыми государствами.

Несмотря на заявления западных союзников о завершении «эры конфронтации»¹, подобные инициативы встретили лишь прохладный отклик — особенно в США. Российское руководство столкнулось с тем, что американские политики продолжали воспринимать Россию как главного соперника, открыто об этом заявляя. Попытки замаскировать реальные намерения по размещению противоракетной обороны в Румынии и Польше (например, утверждениями об «угрозе со стороны Ирана»²) лишь усугубили напряженность.

В дальнейшем эти факторы способствовали трансформации внешнеполитической парадигмы и риторики российских элит. Инциденты в Грузии (2008) и воссоединение Крыма стали триггерами, после которых заговорили о «Холодной войне 2.0»³. Это проявлялось в осуждении однополярного мира и призывах к его реформированию. Дополнительным фактором напряженности стало расширение НАТО на восток, что вызывало беспокойство у российских властей.

1.2. Внешнеполитическая деятельность России в 2000–2010 гг.

Концепция «суверенной демократии» лежала в основе внешнеполитического

¹ «Называть Россию врагом Америки номер один — значит не считаться с фактами новейшей истории» // ТАСС. — 2012. — 29 марта. URL: <https://tass.ru/glavnie-novosti/522278>.

² ПРО в Европе: снова гонка вооружений? // Первый канал. — 2007. — 3 июня. — URL: https://www.1tv.ru/news/2007-06-03/208602-pro_v_evrope_snova_gonka_vooruzheniy.

³ Саймс Д., Гарбузов В. Холодная война 2.0: новая по форме и содержанию, но не менее опасная // Международный дискуссионный клуб «Валдай». — 2019. — 5 февраля. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/yadernaya-neopredelyennost-2-0/>

анализа, подчеркивая значимость суверенитета и рассматривая демократию главным образом как внутренний процесс. В международных отношениях это выразилось в продвижении идей невмешательства и равноправного сотрудничества государств. Эта доктрина предоставляла обоснование для самостоятельных внешнеполитических действий и защиты внутренних процессов от внешнего вмешательства.

Возникновение концепции многополярного мира было реакцией на однополярную систему. В общественной дискуссии она проявлялась в поддержке многосторонних организаций и интеграционных проектов, направленных на распределение власти в глобальной системе. Это способствовало формированию имиджа России как равноправного игрока на мировой арене, готового предложить альтернативные модели взаимодействия между государствами [2].

Важность защиты национальных интересов и прав граждан за границей возросла, и она теперь играет ключевую роль в коммуникационной стратегии, которая активно использует гуманитарные аргументы для обоснования внешнеполитических решений. События на Украине в 2005 и 2014 годах стали ярким примером этой реальности: скоординированные действия онлайн-СМИ, блогеров и традиционных журналистов, а также масштабное информационное давление, призванное побудить граждан к политическому участию, продемонстрировали способность оказывать существенное влияние на умы обычных людей. Данный подход позволил представлять внешнеполитические инициативы как защиту граждан и культурно-политических связей, обосновывая их как необходимый ответ на угрозы, которые могут быть направлены на граждан России. При этом использовались различные правовые аргументы, чтобы оправдать вмешательство в дела других стран.

Россия активно использует энергетическую дипломатию, позиционируя себя как надежного гаранта энергобезопасности. В своих внешнеполитических действиях страна подчеркивает надежность поставок энергоресурсов (таких как нефть

и газ), взаимовыгодное сотрудничество между странами и свою ключевую роль в развитии региональной энергетической системы [7]. Такой подход позволяет РФ укреплять свое политическое влияние и обосновывать свое присутствие в стратегически значимых регионах [14].

2.1. «Пятидневная война» 2008 г.: первая демонстрация активных действий на внешнеполитической арене

События, произошедшие в Грузии 8 августа 2008 года, стали наглядным примером реализации стратегических интересов Российской Федерации на постсоветском пространстве. Данный пример озаменовал переход от ранее проводимой сдержанной политики по отношению к бывшим республикам СССР, которая была характерна для предшествующего периода, и выявил готовность российского внешнеполитического руководства использовать все доступные силы и возможности для защиты собственных граждан и национальных интересов.

Использование вооруженных сил для пресечения агрессивных действий грузинской стороны сыграло важную роль в поддержке официальных заявлений, предоставив им существенную силовую основу, повлияло на изменение содержания внешнеполитических приоритетов и на переход к конкретным практическим мерам по их реализации (см. табл. 1).

Демонстрация силы создала прецедент, представив защиту соотечественников как допустимое основание для вмешательства в региональные конфликты и пересмотра существующего порядка вещей. Эта трансформация внешнеполитического курса потребовала от дипломатического корпуса учета военного фактора при выработке внешнеполитического дискурса и формировании коммуникативных позиций. В результате политика России в ближнем зарубежье стала характеризоваться твердой решимостью использовать, при необходимости, силовые инструменты для оперативного и немедленного реагирования на угрозы российским интересам.

Участники событий «Пятидневной войны»

Актор	Основания участия	Заявленная цель
Грузия	Грузинский суверенитет над территорией Южной Осетии и Абхазии	Сохранение территориальной целостности
Южная Осетия	Непризнанное государство (формально в составе Грузии), подверглось агрессии	Независимость
Абхазия	Непризнанное государство (формально в составе Грузии), подверглось агрессии	Независимость
Россия	Ответ на нападение на российский миротворческий контингент, а также на просьбу Южной Осетии	Принуждение Грузии к миру
Европейский Союз	Посредничество, инициированное президентом Франции, которая председательствовала в ЕС в это время	Разрешение конфликта

В рамках операции по «принуждению Грузии к миру» была реализована стратегия взаимодействия с другими внешнеполитическими игроками, включающая формирование информационного фона, полностью оправдывающего применение вооруженных сил. Параллельно велась активная дипломатическая работа на различных уровнях с уделением особого внимания взаимодействию с международными организациями, такими как ООН, ОБСЕ и ЕС. Велся диалог с целью разъяснения мотивов российских действий и обозначения пределов принимаемых решений. Средства массовой информации и Министерство иностранных дел РФ действовали согласованно, формируя желаемое восприятие событий и смягчая возможные негативные международные последствия, акцентируя внимание участников на вопросах безопасности и защиты граждан.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что события августа 2008 года, связанные с действиями в Грузии, ознаменовали переход от крайне умеренной риторики в отношении постсоветского пространства к готовности России применять решительные и, при необходимости, односторонние меры для защиты граждан и государственных интересов. Внезапное для западных стран изменение курса российской внешней политики и ее готовность к решительным действиям оказали заметное влияние на представления о возможных реакциях Москвы на события, затрагивающие её интересы. В результате формировался образ России как субъекта международных отношений, склонного к инициативным действиям, принимае-

мым зачастую без предварительного согласования с другими участниками.

2.2. Воссоединение Крыма с Россией: анализ коммуникативных стратегий российского руководства по отношению к внутренней и внешней аудитории

Внутрироссийская коммуникационная позиция по вопросу Крыма основывалась на идее историко-культурной близости региона с основной территорией страны [3]. Ее главный концепт строился на аргументации в пользу «воссоединения», рассматриваемого как восстановление исторической справедливости после решения Н.С. Хрущева 1954 года [4; 15]. Такой подход способствовал формированию общественного доверия к действиям властей, что подтверждается данными социологических исследований ВЦИОМ, зафиксировавших более 80% поддержки среди населения [8]. Государственные структуры, в частности МИД РФ и Президент, неизменно транслировали принцип культурно-исторической общности посредством государственных СМИ и официальных заявлений МИД РФ. ВЦИОМ провел опрос среди населения России относительно того, как они оценивают присоединение Крыма к России. Данное исследование проводится ежегодно, начиная с 2014 года. На рисунке 1 представлены результаты исследований ВЦИОМ.

Изначальные коммуникативные позиции акторов данного события, заявленные ими цели и основания участия представлены в табл. 2.

КАК РОССИЯНЕ ОЦЕНИВАЮТ ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА К РОССИИ (%)

ИСТОЧНИК: ВЦИОМ.

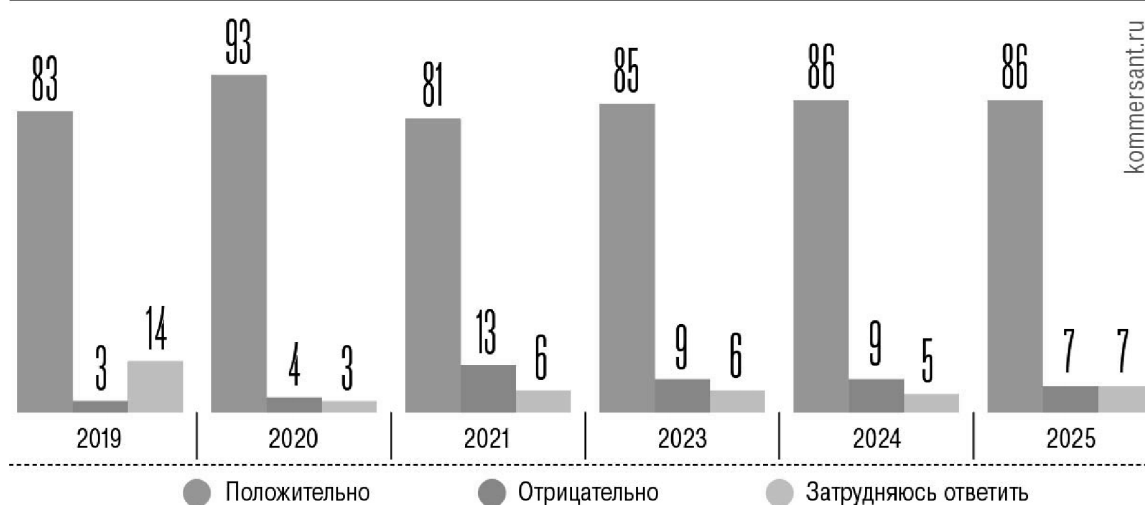
КАК РОССИЯНЕ ОЦЕНИВАЮТ ПОЛЬЗУ ДЛЯ РОССИИ ОТ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА (%)

Рис. 1. Как россияне оценивают присоединение Крыма к России [8]

Таблица 2

Участники событий, в результате которых Крым воссоединился с Россией

Актор	Основания участия	Заявленная цель
Украина	Восстановление украинской власти на территории АР Крым	Восстановление территориальной целостности Украины
США+ЕС	Просьба властей Украины о помощи	Восстановление территориальной целостности Украины
Автономная республика Крым	Решение, принятое на основании референдума о статусе Крыма	Воссоединение Крыма с РФ
Россия	Решение, принятое на основании постановления "О независимости Крыма" ВС АР Крыма и проведенного референдума на территории Крыма	Воссоединение Крыма с РФ

Необходимо также отметить роль целого ряда праворадикальных организаций на территории Украины. Многие из них после Майдана (и во время его) 2013–2014 гг. на-

чали играть существенную роль во внутриполитической жизни Украины, а также взяли на себя роль «чистильщиков украинской нации» от всего «московского и русского».

На международной арене российская дипломатия противопоставила западному осуждению тезисы о праве крымчан на самоопределение в соответствии с Уставом ООН. В ответ на критику выдвигались аргументы о двойных стандартах западных стран со ссылками на прецеденты Косово и референдумов в Шотландии и Каталонии. МИД России подчеркивал противоречивость позиции ЕС и США, которые, по мнению Москвы, избирательно трактовали принципы территориальной целостности.

Масштабированная и скрупулёзно проработанная информационная кампания включала в себя синхронную работу СМИ с официальными источниками, в виде дипломатических инициатив, заявлений официальных лиц, и цифровыми инструментами (например, распространением необходимой информации через социальные сети). Государственные СМИ планомерно распространяли публикации и медиаматериалы о «бескровном» характере операции⁴ и массовой поддержке данных событий жителями Крыма и всей России⁵, противопоставляя это украинским событиям. Параллельно осуществлялась работа по представлению российской точки зрения на данные события с использованием различных платформ, в том числе создаваемых мультязычных ресурсов (например, Russia Today), с привлечением иностранных экспертов и масштабным использованием социальных сетей. Для минимизации последствий санкционного давления со стороны стран Запада применялись различные методы публичной дипломатии. Значительное внимание уделялось взаимодействию со странами БРИКС и ШОС, в которых позиция России получала более сбалансированную оценку [16]. Публичная дипломатия осуществлялась в том числе через каналы, созданные в социальных сетях и онлайн-СМИ, что позволило обходить традиционные СМИ, в которых доминируют западные страны. Этот

комплексный подход способствовал формированию альтернативных точек зрения в глобальном информационном пространстве, что позволило донести до других участников международной арены точку зрения России и ее руководства.

2.3. Военная операция в Сирии: переходный период между двумя ярчайшими событиями первой четверти XXI в.

В 2015 году президентом Сирийской Арабской Республики Башаром Асадом Россия была приглашена для разрешения действующего конфликта на территории этого государства. После принятия данного приглашения Президент России В.В. Путин принял решение использовать Вооруженные силы РФ в Сирийской Арабской Республике. Ключевыми задачами России стали защита своего давнего союзника, поддержание территориальной целостности Сирийской Республики, предотвращение проникновения террористической угрозы в лице ИГИЛ⁶ на территорию России через республики на Кавказе. Помимо этого, у российского руководства были и экономические задачи в отношении контроля над нефтеносными регионами САР на востоке страны в провинциях Дейр-эз-Зор и Эль-Хасака.

Россия, официально заявив о своем участии в сирийском конфликте, приняла решение о развертывании вооруженных сил на территории суверенного государства. Подобные действия, отражающие курс внешней политики, нуждались в тщательном обосновании для обеспечения легитимности, особенно с учетом того, что Вооруженные силы России в данном случае использовались на территории государства, не имеющего с ней общей границы [1].

Необходимо назвать и таких участников, как Турция и Израиль. Турция преследовала цель свержения законной

⁴ Путин похвалил российских военных, не допустивших провокаций в Крыму // РИА Новости. — 2014. — 28 марта. — URL: <https://ria.ru/20140328/1001448504.html>. На московский митинг за присоединение Крыма к России пришли десятки тысяч человек // Интерфакс. — 2014. — 7 марта. — URL: <https://www.interfax.ru/moscow/363462>.

⁵ На московский митинг за присоединение Крыма к России пришли десятки тысяч человек // Интерфакс. — 2014. — 7 марта. — URL: <https://www.interfax.ru/moscow/363462>.

⁶ Организация запрещена в Российской Федерации.

власти в лице Башара Асада, а также заявляла о защите сирийских туркмен, проживавших на севере Сирии, которые являются частью турецкой нации; Израиль ввязался в данный конфликт из-за участия в нем Ирана и «Хезболлы», считая их своими противниками и главной угрозой существования независимого Израиля. Периодически ВВС Израиля совершали авианалеты на расположение сирийских войск, заявляя, что там якобы находились военные Исламской Республики Иран.

Россия обосновывала своё военное присутствие с использованием многосторонних платформ, таких как ООН и Астанинский процесс, позиционируя его как борьбу с терроризмом и вклад в стабилизацию региона, что способствовало обеспечению международной приемлемости её действий. Коммуникационная стратегия была ориентирована на демонстрацию приверженности многосторонним механизмам урегулирования и поиску политических решений.

Таблица 3

Участники событий войны на территории Сирийской Арабской Республики

Актор	Основания участия	Заявленная цель
Сирийская Арабская республика в лице официальных властей	Восстановление законной власти на территории всей САР	Борьба с экстремистскими группировками
Сирийские курды	Представители восточных регионов Сирии	Децентрализация власти, создание независимого государства
Сирийская оппозиция	Оппозиция официальной власти САР	Демократические реформы в САР
Экстремисты	Решение, принятое на основании слабости центральной власти	Создание государственного аппарата с шариатской формой правления на территории САР
США + коалиция	Решение, принятое на основании заявлений о борьбе с ИГИЛ	Борьба с экстремистами
Иран + «Хезболла»	Решение, основанное на поддержке сирийского руководства, а также связанное с противостоянием Израилю и Соединённым Штатам	Не позволить США и Израилю, а также Турции свергнуть законную власть в САР, борьба с экстремистами
Россия	Приглашение со стороны законных властей САР	Сохранение целостности САР и противодействие экстремистским группировкам

Важным аспектом стала организация региональных коалиций: Россия совместно с Ираном и Турцией сформировала трёхстороннюю систему, которая стала значимым элементом в рамках формируемой Россией многополярной модели международных отношений. Эта конфигурация помогала укреплять легитимность присутствия России и служила основой для понимания и поддержки её внешнеполитических инициатив в аналитических и дипломатических кругах⁷.

Российская стратегия на Ближнем Востоке, в частности в Сирии, предполагала дости-

жение нескольких взаимосвязанных целей, при этом военное присутствие использовалось в качестве геополитического и дипломатического инструмента [11]. Легитимация данного присутствия через многосторонние платформы обеспечивала определённый уровень международного признания, поскольку российские действия преподносились как часть глобальной борьбы с террористическими группировками, признанными угрозой для мирового сообщества. Это давало Москве возможность позиционировать себя в качестве ответственного актора, способствующего стабилизации региона.

⁷ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Совместное заявление Ирана, России, Турции по итогам международной встречи по Сирии в Астане [опубликовано 26.01.2017].

Астанинский процесс, инициированный Россией, Турцией и Ираном, функционировал как ключевой дипломатический механизм, ориентированный на поиск политического урегулирования сирийского конфликта. Этот формат демонстрировал стремление России к многостороннему диалогу и мирным решениям, несмотря на продолжающиеся военные действия. Участие региональных держав придавало процессу дополнительную легитимность, делая его более привлекательным для международного сообщества, заинтересованного в снижении напряжённости [9].

Создание «тройки» (Россия, Иран, Турция) стало фундаментальным элементом российской внешней политики на ближневосточном направлении. Эта коалиция, действующая вне традиционных западных альянсов, отражала стремление России к формированию многополярной системы международных отношений, в которой региональные державы играют ведущую роль в обеспечении безопасности и стабильности. Эффективность работы этого союза способствовала укреплению российских позиций в регионе и содействовала переоценке существующих механизмов международной безопасности [10].

В экспертных и дипломатических кругах российский подход к региону рассматривался как прагматичный и адаптивный. Обоснование военного присутствия через антитеррористическую риторику и вклад в стабилизацию, подкреплённое участием в многосторонних форматах, позволяло России эффективно отстаивать национальные интересы, несмотря на критику со стороны некоторых западных стран. Такой подход демонстрировал способность России к самостоятельным действиям в создании новых альянсов и поиске альтернативных путей разрешения региональных конфликтов.

На основании сказанного можно сделать несколько выводов. Во-первых, Рос-

сия применяла комплексный подход, сочетая военную составляющую с дипломатической активностью и формированием региональных коалиций. Данный подход не только укрепил позиции России на Ближнем Востоке, но и способствовал глобальному перераспределению баланса сил, подчеркивая роль России как ключевого и надёжного международного актора в процессе формирования многополярного мира. Во-вторых, сирийский конфликт представлял собой сложную многостороннюю игру, в рамках которой каждый участник реализовывал собственные интересы, а информационное пространство становилось площадкой для утверждения легитимности своих действий и дискредитации оппонентов [17].

2.4. Специальная военная операция как фактор существенной перестройки российской внешней политики и коммуникативных позиций российского руководства

Специальной военной операции предшествовало изменение внешнеполитических нарративов российского руководства и его разочарование в отношении внешнеполитических действий западных партнеров, т.к. попытки России возобновить диалог в рамках «Минского формата» под конец 2021 года были либо проигнорированы, либо встречены с явным пренебрежением. При этом западная сторона выразила готовность обсуждать лишь отдельные незначительные вопросы, предложенные Россией. Лидеры европейских стран не собирались следить за выполнением Украиной ее обязательств по Минским соглашениям и продолжали ее вооружать^{8,9}. Специальная военная операция стала вынужденным ответом России¹⁰ в условиях игнорирования ее национальных интересов со стороны Запада и неприемлемых

⁸ Меркель заявила, что Минские соглашения были попыткой «дать Украине время» — Ангела Меркель (экс-канцлер ФРГ) // ТАСС. — 2022. — 7 декабря. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16526199>.

⁹ Олланд вслед за Меркель назвал Минские соглашения способом дать Киеву время усилить армию — Франсуа Олланд (экс-президент Пятой Французской Республики) // ТАСС. — 2022. — 30 декабря. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16724811>.

¹⁰ Обращение Президента Российской Федерации // Портал «Президент России». — 2022. — 24 февраля. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>.

действий украинских властей, которые, пользуясь поддержкой ЕС и США, использовали русофобскую риторику, унижали

русскоязычное население, даже прибегая к таким лозунгам, как «Москаляку на гиляку», «Кто не скачет, тот москаль» и пр.

Таблица 4

Основные внешнеполитические участники Специальной военной операции

Актор	Основания участия	Заявленная цель
Россия	Решение, принятое в связи с невозможностью мирного разрешения ситуации, нежеланием Украины и ЕС избежать кровопролития и просьбой властей ДНР и ЛНР к руководству РФ	Демилитаризация, денацификация, восстановление прав русскоязычных, прекращение гонений на УПЦ МП, конституционные границы 4 регионов (ДНР, ЛНР, Запорожская область и Херсонская область)
Украина	Продолжение АТО против русскоязычных и нежелание украинских властей вести какой-либо диалог о реформах государства	Сохранение Украины как государства и восстановление ее территориального суверенитета в границах 1991 г.
США + Евросоюз	Просьба властей Украины о помощи, выраженное желание ослабить Россию, отказ обсуждать с Россией какие-либо гарантии по ограничению вооружений	Поддержка Украины как «демократического» государства против «агрессии» России

Начало Специальной военной операции стало своеобразным Рубиконом для российской государственности, оно показало, что нужно работать только на благо государства и отстаивать его национальные интересы. СВО также позволила начать пересмотр внешнеполитических установок российского руководства по отношению к НАТО, к различным деструктивным силам, действовавшим внутри и вне России.

В публичной сфере политики использовались различные инструменты взаимодействия с обществом как внутри страны, так и на международной арене, включавшие в себя создание альтернативных медиаплатформ¹¹, способствующих распространению российской точки зрения, и усиление координации коммуникаций между различными сообществами на разных уровнях взаимодействия. Это дало возможность сформировать независимые каналы распространения сообщений как через международные информационные СМИ, так и через лидеров общественного мнения. Парал-

лельно осуществлялась систематическая деятельность, направленная на постепенный подрыв западной модели безопасности с целью пересмотра её претензий на универсальность и представления глобальной общественности иной концепции легитимации государственных действий. Информационные методы противодействия включали адаптацию нарративов в соответствии с характеристиками различных аудиторий, а также опору на юридико-исторические аргументы для их обоснования. Комплекс регуляторных, технических и институциональных мероприятий дополняли медиа-стратегии, обеспечивая устойчивость коммуникаций в условиях внешних вызовов. В результате данные подходы способствовали продвижению альтернативных трактовок международной безопасности [5]. Геополитические последствия Специальной военной операции проявились в формировании биполярной системы международных коммуникаций и переориентации России на страны Глобального Юга¹². Возникнове-

¹¹ По стране проходят акции в поддержку российских солдат, которые участвуют в спецоперации // Первый канал. — 2022. — 14 марта. — URL: https://www.1tv.ru/news/2022-03-14/423496-po-strane_prohodyat_aktcii_v_podderzhku_rossiyskikh_soldat_kotorye_uchastvuyut_v_spetsoperatsii?ysclid=mo4kyvxtw985755504.

¹² Указ президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Концепция внешней политики Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586>.

ние параллельных информационных пространств сопровождалось усилением связей с акторами, готовыми воспринимать и ретранслировать альтернативные нарративы. Это способствовало перераспределению информационных и дипломатических каналов, что изменило привычные маршруты международного взаимодействия.

На основе сказанного можно сделать некоторые выводы:

- российская внешнеполитическая деятельность окончательно перешла от «заискивания» и надежд на дружество западных стран по отношению России к политике конфронтации, отстаивания собственных национальных интересов на международной арене;
- началось активное выстраивание дружеских и эффективных взаимоотношений со странами Глобального Юга, с расчетом на выстраивание более справедливого мира¹³;
- после окончания Специальной военной операции мир изменится окончательно и бесповоротно.

2.5. Анализ международных реакций на коммуникативные позиции России в ключевых событиях

Западные государства последовательно критиковали коммуникативные стратегии России в ключевых внешнеполитических вопросах. Критика фокусировалась на видимом расхождении между провозглашенными принципами суверенитета и практиками, которые, по западной трактовке, затрагивали права человека и международные нормы. В этом дискурсе западные акторы акцентировали необходимость соблюдения универсальных правовых стандартов и прозрачности внешнеполитических намерений. Такая критика способствовала формированию образа России как актора, оспаривающего установленные нормативные рамки международного порядка. В западных представлениях об устройстве миропорядка отмечалось крайнее противоречие между риторикой

защиты государственности и интересов самого государства и конкретными оценками последствий российских действий для гражданского населения и узаконенных норм [6]. Данные противоречия породили противоположные нарративы, в которых нормы суверенитета противопоставлялись универсальным нормам прав человека. Действия государств Запада проявлялись в усилении дипломатических дебатов (используемых, как выяснилось позже, для отвлечения российского внимания) и формировании коммуникативных стратегий, направленных на контраргументацию или дискредитацию российских коммуникаций, на утверждение легитимности действий западных государств.

Страны БРИКС и многие представители стран Глобального Юга демонстрировали дипломатичный подход к коммуникационным позициям России, сочетая декларируемую поддержку многополярности с политикой нейтралитета, а также осторожно оценивая конкретные действия России на внешнеполитической арене. Данный подход основывается на принципах невмешательства и прагматического сотрудничества, а также на стремлении избегать прямой конфронтации в публичном дискурсе. Реакции стран БРИКС и «Глобального Юга» чаще приобретали формальный, дипломатичный характер, ориентированный на призывы к диалогу, несмотря на неоднократные призывы к ним со стороны Запада [12].

В международных институтах наблюдается заметная поляризация позиций, деградация и нежелание решать насущные мировые проблемы, что отразилось в противоречивых резолюциях и затяжных, безрезультатных дипломатических дискуссиях.

Выводы

Проведенное исследование показывает, что внешнеполитический дискурс России за последние 20 лет претерпел серьезные изменения. От оперативных ответов на внешнеполитические вызовы

¹³ Указ президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Концепция внешней политики Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586>.

(как в Грузии в 2008 году) страна перешла к политике упреждения, которая ориентирована на создание самостоятельной и независимой от кого-либо внешнеполитической деятельности. Данная эволюция внешнеполитического курса РФ совпадает с развитием и совершенствованием идеи многополярного мира, где главными остаются защита национальных интересов и отсутствие одного и единственного «центра силы», который считает, что он в праве решать за всех, как им жить и существовать [18].

Главными триггерами пересмотра внешнеполитических доктрин и коммуникационных подходов стали такие события, как воссоединение Крыма с Россией (2014 г.) и Специальная военная операция (24.02.2022 — н.в). Российский внешнеполитический курс от попыток диалога и компромиссов с Западом перешел к стратегии конфронтации, используя аргументы исторической справедливости и права государств на самооборону. Особо значимым стало оспаривание западных «двойных стандартов» на мировой арене [18].

Сравнительный анализ коммуникационных моделей в ходе операции в Сирии и СВО выявил сдвиг от рационального взаимодействия к политизированной риторике. В сирийском случае приоритетом было оперативное сотрудничество с Глобальным Югом по вопросам безопасности. Для СВО характерно усиление ценностного раскола с Западом при одновременном углублении связей с БРИКС и другими странами Глобального Юга.

Эффективность российских коммуникаций оказалась двоякой: если внутри страны удалось консолидировать дискурс, то на западном медиапространстве этого не произошло. Информационная самоизоляция проявляется в том, что Россия блокирует доступ к западным ресурсам, но при этом недостаточно работает на продвижение собственной позиции за рубежом. Необходимо развивать альтернативные медиаканалы и информационные агентства, активно привлекать лидеров общественного мнения для продвижения пророссийской повестки в западных СМИ и соцсетях. Всё это должно быть направлено на реализацию целей многополярного мира.

Список литературы

1. *Аватков В.А., Крылов Д.С.* Внешнеполитические идеологемы России и их актуальность для региона Ближнего Востока в контексте трансформации современной системы международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2023. — № 1. — С. 163–174.
2. *Алексеев Д.* Политика России в эпоху перемен: внешние и внутренние факторы трансформации // Connections. — 2014. — № 1. — С. 113–131.
3. *Беляков А.В., Матвейчев О.А.* Крымская весна: 30 дней, которые потрясли мир: [подлинная история возвращения в «родную гавань»: рассказ очевидцев]. — М.: Кн. мир, 2014. — 254 с.
4. *Бондаренко Е.А.* Воссоединение: Крым и Россия. — Армавир: Библиотека Армавирского филиала ГБОУ ИРО Краснодарского края, 2023.
5. *Бунтовский С.Ю., Загорко В.В.* Коммуникационные стратегии органов власти в условиях информационной многополярности // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2025. — № 3. — С. 624–631.
6. *Гашиников Н.И., Нунин В.В.* Особенности правового регулирования информационных отношений в условиях цифровизации // Актуальные проблемы межотраслевых и отраслевых юридических наук. — Екатеринбург, 2020. — С. 103–111.
7. *Енгоян А.Ш.* Сущность «мягкой силы» России в странах СНГ // Бюллетень Ереванского государственного университета. Международные отношения, политология. — 2024. — № 1. — С. 29–41.
8. *Иванова В.* Как россияне оценивают присоединение Крыма к России // Коммерсантъ. — 2025. — 11 марта. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7564461>.
9. *Кременюк В.А.* Исследование международных конфликтов в России: истоки, современное состояние и тенденции // Вестник РУДН, серия «Международные отношения». — 2016. — № 3. — С. 549–553.
10. *Крылов Д.С.* Конфликтный полицентризм Ближнего Востока: кластерная модель региональной безопасности // Ближний и постсоветский восток. — 2025. — № 3. — С. 36–48.
11. *Курылев К.П., Пархитко Н.П.* Russian policy in the Mediterranean: historical continuity

- and international context // Vestnik RUDN. International relations. — 2021. — № 4. — С. 609–624.
12. *Лукин А.* Постбиполярный мир: мирное сосуществование или хаос? // Мировая экономика и международные отношения. — 2016. — № 1. — С. 17–29.
13. *Пляйс Я.А.* «Суверенная демократия» — новый концепт партии власти // Власть — Серия: Политология. — 2008. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suverennaya-demokratiya-novyy-kontsept-partii-vlasti>.
14. *Рябов А.* Россия на постсоветском пространстве: лидер интеграции или партнер поневоле? // Россия и мусульманский мир. — 2013. — № 5. — С. 5–10.
15. *Стариков Н., Беляев Д.* Россия. Крым. История. — М.: Питер, 2015. — 235 с.
16. *Тучина М.В.* Пересборка постсоветского евразийского пространства: вызовы и перспективы // Известия Иркутского государственного университета. Серия политология. Религиоведение. — 2025. — № 54. — С. 137–151.
17. *Hassan L.M.* Global and local challenges facing Syria and Russia in the light of the resolution of the Syrian crisis // Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies. — 2023. — No 4. — С. 790–799.
18. *Simons G.* Russian foreign policy and public diplomacy: Meeting 21st century challenges // Vestnik RUDN. International Relations. — 2020. — No 3. — С. 491–503.

DOI 10.24412/2587-6236-2026-251-50-55
УДК 327.5

А.А. Николаев

аспирант,

Государственный университет просвещения, Москва

E-mail: Nikolaev07ddd1810@yandex.ru

ЭКСПАНСИОНИЗМ НАТО КАК ВЫЗОВ НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

A.A. Nikolaev

Postgraduate student,

State University of Education, Moscow

E-mail: Nikolaev07ddd1810@yandex.ru

NATO'S EXPANSIONISM AS A CHALLENGE TO THE NATIONAL INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Автором исследованы особенности текущей геополитической обстановки, характеризующейся ростом конфликтности межгосударственных отношений, милитаризацией экономик многих стран и блоков, военно-политическим экспансионизмом ведущих европейских государств и Соединенных Штатов Америки, в особенности членов Организации Североатлантического договора, что является существенным вызовом национальным интересам Российской Федерации, военной безопасности и стратегической стабильности нашего государства. На основе анализа нормативных документов, данных статистики, научного дискурса, актуальных сведений отечественных и зарубежных средств массовой информации автором выявлены аспекты и особенности экспансионистской политики блока НАТО, предложены меры по противодействию им со стороны Российской Федерации. По мнению автора, в условиях роста использования военных методов достижения регионального и глобального могущества со стороны стран Западной цивилизации фактор экспансионизма Североатлантического альянса останется одним из важнейших в отношении обеспечения военной и национальной безопасности Российской Федерации, дальнейшей реализации российских национальных интересов.

Ключевые слова: Российская Федерация, НАТО, Европа, США, национальные интересы, национальная безопасность, военная безопасность.

Abstract. The author examines the current geopolitical situation, which is characterized by increased conflict in interstate relations, the militarization of the economies of many countries and blocs, and the military and political expansionism of leading European states and the United States of America, particularly the members of the North Atlantic Treaty Organization, which poses a significant challenge to the national interests, military security, and strategic stability of the Russian Federation. After analyzing regulatory documents, statistical data, and scientific discourse, based on current information from domestic and foreign media, the author identifies aspects and features of the expansionist policy of the NATO bloc, and suggests measures to counteract them from the Russian Federation. According to the author, in the context of the current trends of increasing the use of military methods to achieve regional and global power by the countries of Western civilization the expansionist nature of the North Atlantic Alliance will remain one of the most important factors in ensuring the military and national security of the Russian Federation and furthering the realization of Russia's national interests.

Key words: Russian Federation, NATO, Europe, USA, national interests, national security, military security.

Актуальность нашего исследования
проистекает из того, что современный
мировой порядок претерпевает серьезные
геополитические изменения, вызванные

в том числе применением военной силы
в отношении суверенных государств и на-
ращиванием оборонной мощи со стороны
Организации Североатлантического до-

говора (НАТО), его ведущих членов — Соединенных Штатов Америки (США) и стран Европы. Во многих регионах мира происходят вооруженные конфликты, столкновения на национальной и религиозной почве, политические кризисы, ведущие к государственным переворотам и гражданским войнам. В условиях невиданного с конца XX в. усиления напряженности взаимоотношений стран и народов на всей планете Россия продолжает играть роль одного из центров формирующегося многополярного мира. Методика исследования состоит в анализе нормативных документов в области безопасности, актуальной повестки российских, европейских и американских средств массовой информации, научного дискурса, статистических данных и др.

Перед нашей страной, в особенности в условиях продолжающейся Специальной военной операции по демилитаризации и денацификации украинского режима [6, с. 62–63], стоит задача дальнейшей реализации своих национальных интересов, одним из вызовов которым является, на наш взгляд, военный и политический экспансионизм Западной цивилизации, ее сущностного выразителя — блока НАТО.

Результаты исследования

В настоящее время человечество переживает эпоху глобализации военных угроз¹, когда одновременно фиксируется около полусотни идущих вооруженных конфликтов, в которых к 2025 г. уже погибло более двухсот тысяч человек, крупнейшие экономики мира наращивают оборонные расходы, а производители оружия и военной техники серьезно увеличивают прибыль и свою капитализацию, особенно американский промышленный комплекс (такие данные приводит Стокгольмский

международный институт исследований проблем мира)².

Одновременно с этим продолжается продвижение НАТО к стратегическим рубежам Российской Федерации [7, с. 92, 98–99] как результат структурных изменений данного альянса: в состав блока принимаются новые члены, строятся дополнительные военные базы, проводятся многочисленные военные учения, совершенствуется европейская оборонная инфраструктура [4, с. 20–25], реформируется комплектация армий некоторых участников договора³. Являясь не только одним из участников вооруженного конфликта на Украине, оказывая реальную военную помощь украинскому неонацистскому режиму [9, с. 65–66], Североатлантический альянс демонстрирует свою антироссийскую сущность, являясь одной из важнейших угроз национальной безопасности России, противодействуя реализации национальных интересов нашей страны. Страны НАТО за последние годы серьезно увеличили оборонные расходы и выпуск военной продукции, идущей в том числе на поддержку Киева (на долю США приходится более 750 млрд долларов, или 63%, от оборонных расходов Североатлантического альянса)⁴.

Напомним, в 2025 г. Еврокомиссия приняла документ под названием «Белая книга о европейской обороне. Готовность 2030». Фактически это новая военная стратегия НАТО, переосмысление опыта боевых действий минувшего времени, предполагающая затраты на военные нужды в астрономическом размере 800 миллиардов евро в течение следующих четырех лет. Средства будут потрачены на беспилотные системы, защиту критической инфраструктуры, противовоздушную оборону, новые ракеты и боеприпасы, дальнейшие поставки оружия и техники на Украину

¹ Оценки за четверть: военно-технический зачёт // Россия в глобальной политике. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/zachyot-stefanovich/>.

² Новая ядерная гонка, меньше войн, но больше жертв: новый доклад SIPRI // Ведомости. — URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/06/16/1117130-novii-doklad-sipri>.

³ Европа прислушивается к призыву. На континенте активизировались дискуссии на тему возобновления воинской обязанности // Коммерсантъ. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/7585371?from=doc_vrez.

⁴ Насколько страны НАТО увеличили расходы на оборону. Инфографика // РБК. — URL: https://www.rbc.ru/politics/13/02/2025/67a256929a79477d6f42cadb?from=article_body.

с прицелом на интеграцию украинской военной индустрии в европейскую⁵.

Одновременно с этим, по данным Службы внешней разведки Российской Федерации, такие члены НАТО, как Франция и Великобритания, разрабатывают планы по передаче украинскому режиму ядерных технологий, оборудования и комплектующих, что будет являться не только откровенным нарушением норм Договора о нераспространении ядерного оружия, но и значительным риском в области глобальной и региональной безопасности. Эти намерения западных держав продиктованы их стремлением нанести России стратегическое поражение, параллельно укрепляя и подпитывая военно-технологический потенциал Украины, что еще более расшатывает систему международного права⁶.

Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая в феврале 2026 г. на заседании коллегии Федеральной службы безопасности, также обратил внимание на данную информацию от Службы внешней разведки, подчеркнув, что «противник не брезгует никакими другими средствами... их попытки — или намерения — использовать даже какой-то ядерный компонент. Понимают, наверное, чем это может закончиться»⁷. Глава государства отметил, что в условиях Специальной военной операции противник фактически перешел к индивидуальному и массовому террору под покровительством западных

спецслужб: обстреливает мирные города, производит диверсии на объектах критической инфраструктуры, совершает покушения в отношении политических деятелей, руководителей предприятий оборонно-промышленного комплекса и военнотружущих⁸.

Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров назвал текущее противостояние «уже не только гибридной, а прямой, горячей» войной Запада против России⁹, а секретарь Совета безопасности РФ С.К. Шойгу отметил, что в данный момент наша страна столкнулась с попытками спецслужб более полусотни стран организовать террористические акты и диверсии в отношении важнейших объектов военного, топливно-энергетического, логистического назначения¹⁰. На этом фоне весьма откровенным представляется давно назревшее признание генерального секретаря НАТО М. Рутте о продолжающейся поддержке Киева информацией разведывательного назначения и поставками оружия со стороны США¹¹. Таковы реалии противостояния не только с украинским неонацистским режимом, но и с одним из его главных спонсоров и помощников — блоком НАТО.

Деятельность альянса имеет большое значение для российской национальной безопасности и в связи с его продолжающейся адаптацией к изменяющейся геополитической и научно-технологической среде: достижения науки и техники, новые

⁵ Commission unveils the White Paper for European Defence and the ReArm Europe Plan/Readiness 2030 // European Commission. — URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_25_793.

⁶ Лондон и Париж готовятся вооружить Киев ядерной бомбой // Служба внешней разведки Российской Федерации. — URL: <http://www.svr.gov.ru/smi/2026/02/london-i-parizh-gotovyatsya-vooruzhit-kiev-yadernoy-bomboy.htm>.

⁷ Заседание коллегии ФСБ России // Президент Российской Федерации. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/79216>.

⁸ Владимир Путин поставил новые задачи перед ФСБ // Российская газета. — URL: <https://rg.ru/2026/02/24/pod-osobyj-kontrol.html>.

⁹ Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на посольском «круглом столе» на тему «Украинский кризис. Цифровые угрозы и международная информационная безопасность», Москва, 5 марта 2026 года // МИД России. — URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2084269/.

¹⁰ Шойгу: РФ сейчас противостоит действиям 56 стран, пытающимся совершать диверсии // Комсомольская правда. — URL: <https://www.kp.ru/online/news/6869833/>.

¹¹ Transcript: NATO Secretary General Mark Rutte on "Face the Nation with Margaret Brennan," March 22, 2026 // CBS News. — URL: <https://www.cbsnews.com/news/mark-rutte-nato-secretary-general-face-the-nation-transcript-03-22-2026/?intcid=CNI-00-10aaa3a>.

разработки ученых и исследователей оказывают значительное воздействие на рост военного потенциала государств, которые стремятся использовать эти инновации зачастую не в мирных целях. Такие особенности XXI в., как цифровизация экономики и государственного управления, на фоне процессов глобализации, стремительного развития новых технологий, в особенности искусственного интеллекта и беспилотных летательных систем, требуют изменения подходов к обеспечению военной безопасности, на что нацелена и текущая политика Североатлантического альянса [1, с. 79–81]. Эти обстоятельства, на наш взгляд, безусловно, говорят о том, что Российской Федерации необходимо активнее проводить внедрение новых технологий в вооруженных силах и оборонном секторе промышленности с целью минимизации рисков уязвимости в научно-технологическом компоненте обеспечения национальной безопасности.

Учитывая, что стабильное развитие взаимоотношений России и США продолжает оставаться значимым фактором обеспечения мировой безопасности¹², следует уделить внимание позиции американцев по поводу реализации собственных намерений на международной арене. Играя долгие годы ведущую роль в становлении, функционировании и развитии НАТО, Соединенные Штаты Америки обновили в 2025 и 2026 гг. свои стратегические документы, затрагивающие вопросы сохранения и расширения американского господства на планете. В новой Стратегии национальной безопасности США подчеркивают свою заинтересованность в сильной Европе, чтобы пресечь доминирование какого-либо другого противника на европейском континенте. При этом декларируется заинтересованность Вашингтона в урегулировании на своих условиях украинского конфликта и выстраивании стабильных отношений с Мо-

сковой, желание доминировать в Западном полушарии по принципу «мир через силу»; Европа же должна взять на себя всю полноту ответственности за собственную безопасность¹³.

В Национальной стратегии обороны США аналитики делают акцент именно на интересах американского народа в качестве приоритета военной политики на принципе гибкого реализма, также подчеркивая значимость американского господства в Западном полушарии, уделяя внимание силовому сдерживанию растущей мощи Китая, ограниченному характеру поддержки европейских союзников. Отмечая падение экономической роли Европы, США подчеркивают свою ключевую роль в структуре Североатлантического альянса [8, с. 116, 121]. Россия в этом документе признается угрозой для восточного фланга НАТО. По мнению Вашингтона, наша страна обладает значимым военно-промышленным потенциалом, крупнейшим на планете арсеналом ядерного оружия, но является менее мощным игроком, чем НАТО. Европа же должна взвалить на себя основное бремя поддержки украинского режима, а США сконцентрируются на обороне своей территории и китайском конкуренте¹⁴.

Геополитическую логику различных правительств и президентов Соединенных Штатов Америки удачно подметил В.В. Жириновский: по его мнению, американцам «необходимо доминирование над Россией для того, чтобы впоследствии успешно противостоять Китаю — на сегодняшний день главному и наиболее принципиальному своему конкуренту. Однако раз за разом упуская инициативу в жестком соперничестве с Россией, Китаем и другими стремительно усиливающимися странами, Запад во главе с США все чаще совершает критические ошибки, не принимая во внимание возможность симметричного ответа» [3, с. 5].

¹² Профессор Робертс: прочные отношения между РФ и США — залог мировой стабильности // Вести. — URL: <https://www.vesti.ru/article/4826530>.

¹³ National Security Strategy of the United States of America (November 2025) // The White House. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>.

¹⁴ National Defense Strategy (2026) // United States Department of War. — URL: <https://media.defense.gov/2026/Jan/23/2003864773/-1/-1/0/2026-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY.PDF>.

Выводы

С учетом проведения Специальной военной операции на фоне продолжающегося экспансионизма Североатлантического альянса, милитаризации Европы Российская Федерация, по нашему мнению, должна продолжить модернизацию своего ядерного щита и неядерных стратегических вооружений, развивать военно-техническое и экономическое сотрудничество с дружественными странами и международными объединениями, увеличивать долю стоящих на вооружении высокоточных видов оружия и военной техники, особенно беспилотных систем и технологий для киберопераций. Кроме того, следует далее совершенствовать систему армейского комплектования, укреплять оборону рубежей, граничащих со странами НАТО, твердо и поступательно реализуя национальные интересы, стремясь к достижению стратегической стабильности в Европе, позиционируя себя качественно иным цивилизационным центром, нацеленным на дружественную линию взаимоотношений, а не на агрессивно-наступательную, характерную для США и Европы [2, с. 14–16].

Стоит обратить внимание и на то, что в ходе Специальной военной операции российские Вооруженные силы перешли к этапу значительных трансформаций, выражающихся в адаптации к новым условиям борьбы на поле боя, качественному росту военного производства, изменению организационной структуры тактического и стратегического характера¹⁵.

В заключение отметим, что современные международные отношения демонстрируют тенденцию использования военных методов завоевания доминирующего положения на региональном и глобальном уровнях со стороны НАТО и США. Эта линия поведения ярчайших представителей Западной цивилизации, увы, не нова, она известна и ясна России, неоднократно сталкивавшейся с враждебным и недружественным отношением к своим национальным интересам.

Демонстрируемое ЕС и США давление

на Российскую Федерацию с целью нанесения нашей стране стратегического поражения, с использованием военных, гибридных и санкционных методов [10, с. 25–26], служит иллюстрацией реально-го восприятия их военно-политическим руководством российского геополитического фактора, признанием цивилизационной роли России на огромном евроазиатском пространстве [5, с. 71–72]. По этой причине экспансионизм Североатлантического альянса в отношении национальных интересов Российской Федерации остается на повестке дня как одно из важнейших обстоятельств при обеспечении военной и национальной безопасности нашего государства.

Список литературы

1. Гриняев С.Н. Эволюция долгосрочных ориентиров НАТО в XXI веке: анализ новой стратегии в области науки и технологий // Аналитические записки Института Европы Российской академии наук (вып. 2). — 2025. — № 20(388). — С. 78–85.
2. Егоров В.Г. Россия в многополярном мире // Обозреватель — Observer. — 2025. — № 5(112). — С. 5–19.
3. Жириновский В.В. Запад против России. — М.: ЛитРес: Самиздат, 2019. — 31 с.
4. Иванов О.П. Стратегия НАТО в условиях меняющейся среды международной безопасности в Европе // Обозреватель — Observer. — 2024. — № 3(404). — С. 16–27.
5. Мизин В.И. Возможные сценарии России для будущей архитектуры безопасности в Европе // Постсоветские исследования. — 2024. — № 1. — С. 61–78.
6. Надбитов Р.К. Основные причины и цели Специальной военной операции РФ: исторический анализ военного конфликта // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. — 2025. — № 51. — С. 58–63.
7. Овчарук А.П. Милитаризация Балтийского региона блоком НАТО и риски безопасности России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2024. — № 4. — С. 89–102.

¹⁵ Армия нового времени: как СВО трансформировала Вооруженные силы России // Известия. — URL: <https://iz.ru/2046297/dmitrii-kornev-dmitrii-boltenkov/armiya-novogo-vremeni-kak-specoperaciya-transformirovala-oblik-vs-rf>.

8. *Пефтиев В.И., Титова Л.А.* Евросоюз: время бифуркаций // Теоретическая экономика. — 2025. — № 1(121). — С. 115–127.
9. *Цыбаков Д.Л.* Противодействие угрозе украинского милитаризма в контексте обеспечения коллективной безопасности евразийского пространства // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2024. — № 1(42). — С. 65–69.
10. *Шумилов М.М., Гуркин А.Б.* Предпосылки, международный контекст и особенности опосредованной войны НАТО против России на Украине (2022–2023) // Управленческое консультирование. — 2023. — № 7(175). — С. 10–27.

А.Д. Палкин

доктор филологических наук,
 Московский государственный лингвистический университет, Москва,
 Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
 E-mail: p-alexis@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ТАИЛАНДА И КАМБОДЖИ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ ЭКОЛОГИЮ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

A.D. Palkin

Doctor of Philological Sciences,
 Moscow State Linguistic University, Moscow,
 V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
 E-mail: p-alexis@yandex.ru

THE IMPACT OF DEMOGRAPHIC POLICIES OF THAILAND AND CAMBODIA ON LINGUISTIC ECOLOGY IN SOUTHEAST ASIA

Аннотация. В статье исследуется лингвистическая экосистема Таиланда и Камбоджи через призму демографических процессов. Изучается влияние урбанизации, внутренней/внешней миграции и изменений в возрастной структуре населения обеих стран на жизнеспособность языков меньшинств и доминирование государственных языковых стандартов (тайского и кхмерского соответственно). Анализируется демографическое давление и социально-экономические преобразования. Показано, что демография оказывает существенное влияние на языковую экологию. Население Камбоджи отличается значительным удельным весом молодого поколения, что ведет к упрощению грамматических структур кхмерского языка и ставит под угрозу другие распространённые в Камбодже языки в связи с тем, что молодежь рассматривает официальный кхмерский язык как более перспективный для карьеры. Население Таиланда отличается высоким удельным весом старшего поколения. Это приводит к другой проблеме — малочисленные народы Таиланда находятся на грани вымирания, а вместе с последними представителями этих народов могут исчезнуть и соответствующие языки. Ситуация осложняется также тем, что тайский язык, являясь официальным государственным языком, вытесняет другие языки на периферию лингвистического узуса. Таким образом, в настоящее время в регионе Индокитая происходит лингвистический сдвиг и изменение языкового ландшафта.

Ключевые слова: лингвистическая экология, Таиланд, Камбоджа, демография, языковой сдвиг, языки меньшинств, миграция.

Abstract. This article explores the linguistic ecosystem of Thailand and Cambodia through the prism of demographic processes. Under study is the influence of urbanisation, internal/external migration, and changes in the age structure of both countries' population on the vitality of minority languages and the dominance of state language standards (Thai and Khmer respectively). Demographic pressure and socio-economic transformations are analysed. Demographics have a significant impact on language ecology. Cambodia's population is characterised by a high proportion of the younger generation, which leads to the simplification of Khmer grammar structures and poses a threat to other languages spoken in Cambodia, as young people view the official Khmer language as more advantageous for their careers. Thailand's population is characterized by a high proportion of the older generation. This leads to another issue — the minority groups in Thailand are on the verge of extinction, and with them relevant languages may disappear from everyday usage. A conclusion is made that there is currently a linguistic shift and a change in the linguistic landscape in the Indochina region.

Key words: linguistic ecology, Thailand, Cambodia, demography, language shift, minority languages, migration.

Demography is a burning issue in many modern societies. I will approach this problem from the point of view of linguistic ecology, which is an interdisciplinary field that studies the interaction of languages with their social, cultural, and demographic environments. Of special interest is the region of Southeast Asia, and in particular Thailand and Cambodia, where the linguistic situation forms a complex tapestry, the state giant languages coexisting with dozens of autochthonous and migrant languages.

I have chosen this region in view of rapid demographic changes occurring in it. These changes are not identical. On the contrary, they follow opposite tendencies: Thailand is entering a phase of an “aging society”, while Cambodia is experiencing a “youth boom” after decades of demographic upheaval. These noticeable varieties in age structure, coupled with the processes of globalisation and internal migration from rural areas to cities, are changing the linguistic map of the region fundamentally. The demographic aspect is becoming a key factor that determines whether a certain language will survive in the next generations or will be absorbed by the dominant state standard.

All these processes are largely the result of demographic policies implemented by the governments of relevant countries. Over decades, these policies have not been consistent either in Thailand or Cambodia, which has molded the current linguoecological landscape into an intrinsic tapestry of “weaker” and “stronger” languages.

Theoretical foundations of linguistic ecology

The concept of “linguistic ecology” was proposed by Einar Haugen in 1972. The author postulated that the status and health of a language depend on the people who use it and on institutional support. The interaction of the linguistic and the social create an ecosystem [6]. It is noteworthy that demography serves as its foundation. The key indicators of importance here are the following:

A) The absolute number of native speakers. It forms the critical mass necessary for the functioning of any language.

B) Age structure. It is the ratio of the elderly and the young in view of the effectiveness of knowledge transmission from the former to the latter.

C) Geographical concentration. This is another important factor, as long as compact living contributes to the preservation of language, while dispersed one (inter alia in cities) accelerates assimilation.

There is one factor in both Thailand and Cambodia that is identical in the two countries. Both are characterised by “diglossia”, which, in turn, involves the hierarchy of languages [14]. It must be noted here that the demographic dominance of the titular nations is supported by political and educational resources. Further I will go into more details about that.

Thailand: Linguistic homogenisation in an aging society

First, let us have a close look at Thailand. It is a country with a rich linguistic diversity (more than 70 languages), but the official state policy has long been aimed at creating a monolithic national identity through the so-called “tayisation” [20].

The dominance of Standard Thai and the fate of regional dialects

Standard Thai (the central dialect) is the only language in the country for education and government [13]. From the perspective of demography, this leads to the fact that speakers of the largest regional languages, such as Isan (Lao), Northern Thai (Lanna) and southern Thai, are gradually switching to the standard language in the public sphere [3; 11].

The Isan region (in the north-eastern part) is of special interest. About a third of the country’s population lives there. Despite the huge demographic base of the Isan language, urbanisation and the migration of young people to the metropolis of Bangkok are leading to the formation of a “hybrid” language. The younger generation of migrants (here we assume internal migration), while preserving their Isan identity, increasingly uses Thai syntax and vocabulary. The theory of linguistic ecology

views that as a clear sign of a linguistic shift. As L. He concluded, “the rise of Central Thai as an official language reflects the establishment of a cultural ideology centered on Bangkok” [7, p. 201].

Mountain peoples and ethnic minorities

In the north and west of Thailand, there are indigenous groups speaking Tibetan-Burmese, Mon-Khmer and Hmong-Mien languages (Karen, Hmong, Akha, Lahu, etc.). Here, the demographic aspect is manifested through isolation and subsequent integration.

For a long time, the inaccessibility of mountainous areas has been an “ecological barrier” that ensured languages “protection” from external influence. However, with the development of road infrastructure and tourism young people from ethnic villages started leaving in big numbers to study in Chiang Mai or Bangkok. This disrupted intergenerational transmission: children were no longer able to fully understand their grandparents, and their native language was restricted with the sphere of mundane rituals.

Demographic crisis and the “extinction” of languages

As of the beginning of the 21st century, Thailand has seen a sharp decline in the birth rate. In the conditions when the average age of the population is growing, small languages (for example, Mlabri or Moken) are at extreme risk in view of the fact that these groups’ existence as nations is “bleak”, as one of local scholars put it [15, p. 6852]. If there are fewer than 1000 people left in the community speaking a language — and most of them are elderly, the demographic pyramid of the language becomes inverted. Obviously, without no “demographic influx” of new speakers, such language ecosystems are doomed to disappear within several decades to come.

Another viable factor is migration. Labor migrants from Myanmar, Laos and Cambodia (about 4–5 million people) have molded the linguistic ecology of modern Thailand by setting up new linguistic enclaves in industrial zones (for example, in Samutsakhon province). We currently

witness the emergence of the “Thai-Burmese pidgin”. A good example is the case of the Mon language [17]. Thus, the linguistic ecology of Thailand is adapting to new demographic circumstances: it becomes more transnational, which is only natural in view of ongoing globalisation.

Cambodia: Linguistic regeneration and demographic pressure

Lurid developments that occurred in Cambodia in the second half of the 20th century contributed to the complexity of linguistic environment in this country. The regime of Khmer Rouge led to drastic deterioration in all spheres of life. The nation’s demography was hit hard, and together with it the natural threads of language transmission were severed. As it often occurs in oppressive regimes, the intelligentsia suffered the most, and it is the intelligentsia that is in the forefront of preserving language standards. Thus, the loss to local languages is hard to overestimate.

The consequences of the demographic catastrophe for the Khmer language

1975–1979 saw genocide that resulted in sharp decline in speakers of particular urban dialects and polite forms of the Khmer language. From the point of view of linguistic ecology, a “forced homogenisation” took place through forced migration, forced labour, and even forced marriages [16]: the population had to move to rural areas, leveling the differences between social dialects. The current reality is the result of the above circumstances. This result consists in the fact that the standard Khmer language of the first half of the 21st century is “the language of the young”. Over 60% of Cambodia’s population is under the age of 30. This implies that the language is developing rapidly, being cleansed of archaisms, but at the same time losing the traditional culture layers that the surviving representatives of the older generation did not manage to pass on for natural reasons.

Ethnic minorities and internal migration

Unlike Thailand (see above), ethnic

minorities in Cambodia (namely, in Ratanakiri and Mondulakiri provinces) make up only a minor percentage of the population. Therefore, their linguistic niche is under threat due to demographic pressure from ethnic Khmers. There is a high probability that the minorities' speech will be unheard within several decades for several practical reasons.

One of them is the so-called "Khmerisation of the outskirts". Land development programmes launched by the central government and the system of economic concessions lead to mass migration of landless Khmers from the central provinces to the highlands, which is the original place for the Tampuan, Jarai, Krung and Kui peoples to live.

Another noteworthy reason is "demographic displacement". The above-mentioned migration led to the situation in which the indigenous population is rapidly becoming a minority on their historical lands. In the conditions where native languages are not used at school, children from these groups are switching to Khmer as the only tool for social mobility. It is to be admitted that in recent years bilingual education programmes have been introduced sporadically, but these measures do not seem sufficient to change the existing tendency.

These factors largely contributed to the "Khmerisation" of all languages spoken all over Cambodia [19].

The Cham language and the Vietnamese community

The demographic aspect of the Cham language lies in its speakers' religious identity. The Chams are Muslims, which is not typical for Cambodia. They retain their language as a means of communication within the community and when studying religious texts. This is a rare case when an optimistic forecast is possible, provided that the Chams opt for compact living in villages along the Mekong. Such an ecological niche protects their language from extinction, although concerns are raised in connection with greater penetration of Khmer into everyday lives of Cham people [21]. Therefore, the Cham language is currently at little risk

compared with other minority languages in the region.

The Vietnamese minority in Cambodia is, on the contrary, in a vulnerable position [5]. Many of its members have no Cambodian citizenship, which complicates their children's access to public schools. This latter fact, interestingly, contributes to the preservation of the Vietnamese language within closed demographic groups (settled in floating villages on Tonle Sap Lake). However, the Vietnamese in Cambodia are isolated from the country's social ecosystem, which affects their language transmission negatively.

Comparative analysis: age structure and rates of urbanisation

A comparison of the current (2020s) linguistic situation in Thailand and Cambodia reveals a direct relationship between demographic factors and linguistic processes.

Thailand possesses an aging society, urbanisation rate being relatively high. In contrast, Cambodian society is young, urbanisation rate being low (despite rapid growth in Phnom Penh). This implies gradual assimilation in Thailand (through media and schools) and a crucial change in Cambodian linguoecological landscape (caused by migration and the demographic decline of the second half of the 20th century).

Concurrently, in both countries we witness a leading role of "elite" languages — the languages of the majorities. Besides, there is growing influence of English and Chinese, especially in Thailand — the country of expanding tourism and growing foreign investments.

The forecast for the future of minority languages in both Thailand and Cambodia is negative, though the causes of danger are drastically different. In the aging communities of Thailand many small languages will die as soon as the people who speak them die. As I noted earlier, a lot of minority languages in Thailand are spoken predominantly by elderly people. In Cambodia, the main challenge is the high birth rate in Khmer families. A considerable number of Khmer youngsters then migrate

to minority territories and settle there. This leads to the physical absorption of linguistic areas by the dominant language [4].

Modern challenges and adaptation mechanisms

In this section I will discuss the current problems that have arisen from the existing state policies and the ways of linguistic adaptation that are conspicuous in the region.

Urbanisation as a linguistic melting pot

So far I have shown that the cities of Bangkok and Phnom Penh act as powerful destructors of traditional linguistic ecology. To be more precise, there is an outflow of young people from villages. They look for better lives and more opportunities in big cities. This outflow destroys the environment in which local languages have been functioning for centuries. Once in an urban environment, a person is faced with the need to use a “lingua franca”.

I will provide just two particular examples to show the way even mainstream languages change. In Thailand, this results in a loss of the tonal subtleties of regional dialects. In Cambodia, this leads to the simplification of Khmer grammatical structures in the speech of those who have just moved into the city from the countryside.

Digital ecology and youth demography

Another noteworthy issue is that young people in Thailand and Cambodia — like in almost any other country — spend a lot of time online (particularly, in social networks, like TikTok or Facebook). It is a natural practice to focus Internet algorithms and content on the official languages of the region or English.

Thus, the digital environment also contributes to displacing local languages even from household use. However, an interesting phenomenon has been recently recorded in Cambodia: people tend to use Latin letters to write Khmer words in instant messengers (the so-called Romanized Khmer). The complexity of traditional writing in mobile interfaces has forced many

young people to opt for Latin letters in order to speed up the processes of communication with each other. Cambodian scholars raise justified concerns in this respect [9].

English and Chinese as factors of socio-demographic stratification

English and Chinese play their unique roles in the linguistic ecology of Thailand and Cambodia. They are not part of everyday speech for the bulk of population, but these two languages happen to be influential regulators of social mobility and a kind of a “filter” that separates demographic groups and unites people within certain demographic groups.

Thailand: “Thai English” and the elite gap

In Thailand, the knowledge of the English language correlates directly with one’s level of income, on the one hand, and one’s geography of residence, on the other hand. Skilled professionals and city-dwellers usually know English much better than low-skilled workers and people in the countryside [1].

The current educational trend has largely contributed to this tendency. There is a growing number of international schools and English language courses in public universities that welcome students, the overwhelming majority of whom are young people [13]. Thus, English has already become a second functional language for many Thai, although the knowledge of English in the country in general is poor. This leads to the emergence of “Thai English”, or “Tinglish” [22]. It would be wrong to term it “a pidgin”, but rather a sociolect of the urban elite, the characteristic feature of which is frequent code-switching (from Thai to English and vice versa).

Tourism (Thailand’s main income resource) has become a separate ecological niche. For people who work in the service sector (that amounts to approximately 20% of the working-age population), English is replacing native dialects in the professional field. As a result, local dialects seize their

development, being replaced by English in the sphere of professional communication.

Cambodia: from Francophonie to total Anglicism

Cambodia has seen a revolution not only in politics, but also in language. It has demonstrated a stunning displacement of French by English merely within two decades, which is an extremely rare case.

To start with, a generational gap must be mentioned. The older generation (those born before 1975) retains certain knowledge of the French language. However, the “demographic boom” that led to the abundance of young people in Cambodian society altered the situation. Youngsters started learning the language of international communication, which is English [2].

Fundamentally, that was triggered by the NGO ecosystem. As of 1993, a significant number of international organisations have opened their offices in the country. Naturally, they hired locals as their workforce. This is how English became the main language of working processes. The popularity of English in Cambodia (especially in Phnom Penh) has even surpassed the one in Thailand. For numerous young people of Cambodia, English has become a symbol of democratisation and global integration after decades of isolation.

The expansion of the Chinese language: the new “Mandarin” of the region

The initiative “One Belt — One Road” advocated and supported by Chinese government contributes to the expansion of Chinese (in particular, Putonghua — Standard Chinese) in the Southeast Asian region. As of the 2010s, this initiative has gained popularity and influence [10].

Thailand: The revival of ethnic roots and new business

It is noteworthy that for decades the world’s largest Chinese diaspora (10–14% of the population) has resided in Thailand [8]. Historically, the Chinese living in Thailand

spoke the Teochew dialect of Chinese. However, modern young people have started to switch to learning Putonghua. This tendency is characteristic of all Chinese dialects. They are gradually dying out because of the policy of the Chinese government that favours solely Standard Chinese. In this aspect the linguistic ecology in China overlaps with the linguistic ecology of Thailand: in both countries federal authorities promote policies that jeopardise regional dialects.

Another point to stress is that prior to the pandemic, over 10 million Chinese tourists visited Thailand every year. This has effected a change in the linguistic landscape of entire cities. In Chiang Mai and Bangkok (the cities most visited by Chinese tourists), signs in Chinese have become a mandatory element of the environment, forming new visual linguistic and ecological niches.

Cambodia: Sihanoukville as a linguistic enclave

The situation in Cambodia is even more dramatic. The massive influx of Chinese engineers, workers, and entrepreneurs to Sihanoukville has turned it into a “Chinese-speaking island”. All this happened within several years. In this particular city, the Khmer language is being demographically replaced by Chinese, as long as Chinese households have already outnumbered Thai households in the region [12].

Another factor lies in the educational sphere. In Phnom Penh, Chinese language proficiency nowadays competes with English in terms of future salaries [12]. This has given rise to a new demographic group of “bilingual pragmatists”. These people purposefully abandon the deep study of Khmer literature in favour of the Chinese language which — they expect — will ensure better careers for them.

Language hierarchy

We can see that the distribution of language skills in Thailand and Cambodia largely depends on demography. The growing influence of English and Chinese in both countries creates the risk of a

situation when only those who are able to speak English or Chinese have access to diversified digital resources. In Thailand, this deepens the gap between the population of Bangkok and the rural areas, especially in the North of the country. In Cambodia, this has led to the appearance of “urban technocrats”. Their linguistic ecology consists in a mixture of Khmer and English, which is almost incomprehensible to the rural population. Cambodian rural population being in overwhelming majority, the misunderstanding produces massive miscommunication between the intellectual elite and ordinary citizens.

Pressured by state standards (Thai/Khmer) and global giants (English/Chinese), the languages of small nations (Kui, Mon, Karen) find themselves in a state of “hibernation”. Their development stops, no new terminology is created for modern inventions, and the languages continue to exist mostly in folklore. Demographically, this is reflected in the fact that native speakers are becoming “passive bilinguals”: they are able to understand the language of their ancestors, but they cannot (or are embarrassed to) speak it.

Linguistic ecology and administrative constraints

The situation with official languages is similar in Thailand and Cambodia.

In Thailand, Thai has the status of the national language. This language is spoken by the overwhelming majority of the citizens and is perceived as part of the national identity. A plentitude of regulations and laws envisage the use of Thai in all areas of public life. It is spoken in all official bodies of authority, in court, and in the media [18]. The rationale behind this policy consists in strengthening the unity of the nation. At the same time, this policy results in the assimilation of the ethnic groups that reside in Thailand. There is a considerable number of regional dialects and ethnic minority languages in the country, but their public use is restricted mostly to folklore, and they lack public recognition.

Likewise, in Cambodia, Khmer is the official language spoken by a vast majority

of population. As it has already been mentioned, the Khmer Rouge period saw the destruction of many aspects of cultural and linguistic life. New authorities considered the restoration of the Khmer language as a central element of the national uplift. Laws envisage the use of the Khmer language in official documents, education, and the media [2; 13]. With a lot of minority groups in the country, their languages receive infinitesimal government support, if any, which creates an unfair hierarchy where Khmer is preferred by default.

It is well-known that educational standards are paramount for the language ecology. Languages used at school determine which languages will be spoken by youngsters after school.

In Thailand efforts are made to use solely the central dialect of the Thai language as a medium of instruction. However, there are children from ethnic minorities in the country whose first language is not Thai. The language barrier results in poorer academic progress of such children, but above that, the proficiency in their native language declines for obvious reasons. There are projects of multilingual education currently running. However, these endeavours are sporadic and extremely localized [11].

Similarly, in Cambodia the Khmer language is a mandatory language of school and university education. Children representing minority groups struggle with the challenges and barriers indicated above for Thailand. The attempts of non-governmental organisations to launch educational programs in languages other than Khmer are insufficient and limited. Therefore, this single-language-based educational system facilitates the transmission of the dominant language (Khmer), but hinders the transmission of minority languages from generation to generation, thus resulting in their decline.

Linguistic identity is also impacted by the passport system that indicates a person's citizenship. In Thailand challenges face those who do not share the Thai ethnic identity. The passport system is unilateral in most countries of the world. Thailand is no exception. Although there is a vast diversity of ethnic groups, particularly in

border regions, their identity is confirmed in the Thai language. This creates extra barriers for such people when they try to access educational or social services. This factor also contributes to assimilation and the decline of native languages.

It will come as no surprise that in Cambodia the situation is identical. The ethnic minority communities are different, but the problem is the same: official documents and identification cards emphasise Khmer nationality. As a result, minorities are almost forced to adopt Khmer identity and master the Khmer language so as to become fully legitimate members of the Cambodian society. There is a lack of official recognition of linguistic diversity in official documents and procedures, leading to the devaluation of minority languages as less prestigious.

Lawson language, standards of education, and administrative restrictions in Thailand and Cambodia exert a complex and virtually dominant influence on the linguistic ecology. Both states utilise political tools that are aimed at strengthening national identity and state unity. These bountiful intentions lead to the establishment of linguistic hierarchies where the national languages (Thai and Khmer respectively) thrive at the expense of minority languages. As a result, minority languages find themselves in jeopardy and in certain cases even at the verge of extinction [4; 5; 20].

Conclusion

I have shown that the linguistic ecology of Thailand and Cambodia is in a state of turbulence. This turbulence sprouts from various reasons, but demographic shifts stand out in their influence on local languages.

In Thailand the phenomenon of “ecological aging” has occurred: linguistic diversity is in decline at the background of the departure of older generations in conditions of low fertility. In Cambodia the “ecological expansion” is taking place alongside with the rapid adaptation of external linguistic codes, especially by the young generation. Thus, the general linguistic ecology in the region is at threat, but in case of Thailand

and Cambodia the threat comes from polar opposite reasons.

Above that, English and Chinese are no longer simply foreign languages. They have blended into the demographic structure of the region, becoming tools for survival and success. Although this can be treated as a positive phenomenon, both cultures are paying a dear price for this integration: local dialects and languages are being quickly depleted and are facing the risk of extinction.

If we think of maintaining the diversity of the linguistic ecology in Thailand and Cambodia, we are to strive for the protection of small languages, on the one hand, and for the establishment of conditions under which multilingualism will be not a barrier to communication, but the demographic capital of all peoples inhabiting the two countries.

References

1. *Baker, W.* English as a Lingua Franca in Thailand: Characterisations and Implications // *Englishes in Practice*. — 2012. — Vol. 1. — No 1. — P. 18–27.
2. *Clayton, T.* Language Choice in a Nation Under Transition: English Language Ideology and the Educational Context of Cambodia. — New York: Springer, 2006.
3. *Draper, J.* Inferring ethnolinguistic vitality in a community of Northeast Thailand // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. — 2010. — Vol. 31. — No 2. — P. 135–147.
4. *Edwards, J.* Minority Languages and Group Identity: Cases and Categories. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010.
5. *Ehrentraut, S.* Perpetually temporary: Citizenship and ethnic Vietnamese in Cambodia. // *Ethnic and Racial Studies*. — 2011. — Vol. 34. — No 5. — P. 779–798.
6. *Haugen, E.* The Ecology of Language. — Stanford, CA: Stanford University Press, 1972.
7. *He, L.* The dynamic development of Isan issues in Thailand from the perspective of national integration // 7th International Conference on International Relations and Development (ICIRD 7) “Disruption, Challenges And Resilience in Contemporary Southeast Asia”, 22–23 July 2022, Chiang Mai University, Thailand. — Chiang Mai: Chiang Mai University, 2022. — P. 103–209.

8. *Heidhues, M.F.S.* Southeast Asia's Chinese minorities. — Hawthorn, Victoria: Longman, 1974.
9. *Heng, K.* Embracing English while preserving Khmer identity // *Cambodian Education Forum*. — 2020. — URL: <https://cefcambodia.com/2020/11/07/embracing-english-while-preserving-khmer-identity/>.
10. *Heng, K., Po, S.* Cambodia and China's Belt and Road Initiative: Opportunities, challenges and future directions // *UC Occasional Paper Series*. — 2017. — Vol. 1. — No 2. — P. 1–18.
11. *Joll, C.* Language policy, linguistic discrimination, and Thailand's southern impasse // *The International Conference on Political Transition, Non-violence and Communication in Conflict Transformation (PNC 2017)*. — Mueang Pattani: Center for Conflict Studies and Cultural Diversity, 2018. — P. 245–275.
12. *Kobayashi, P.I.* The rise of China and local ethnic Chinese in Cambodia // *Chinese Studies Program Lecture Series*. — 2020. — No 7. — P. 1–24. — URL: https://www.researchgate.net/publication/350313471_The_rise_of_China_and_local_ethnic_Chinese_in_Cambodia
13. *Kosonen, K.* Language policy and education in Southeast Asia // *Language Policy and Political Issues in Education, Encyclopedia of Language and Education*. — Cham: Springer, 2017. — P. 477–490.
14. *Lebar, F.M.* et al. Ethnic Groups of Mainland Southeast Asia. — New Haven: Human Relations Area Files Press, 1964.
15. *Luangthongkum, T.* Language change without collision: A glimpse at linguistic diversity in Northern Thailand and Southern Laos // *Procedia Social and Behavioral Sciences*. — 2007. — Vol. 2. — No 2010. — P. 6846–6857.
16. *Makhdum, N.* Identity politics and forced migration in Southeast Asia: A comparative analysis // *Handbook of Migration, International Relations and Security in Asia*. — Singapore: Springer, 2025. — URL: https://link.springer.com/rwe/10.1007/978-981-99-8001-7_13-1.
17. *McCormick, P., Jenny, M.* Contact and convergence: The Mon language in Burma and Thailand // *Cahiers de Linguistique Asie Orientale*. — 2013. — Vol. 42. — No 2. — P. 77–117.
18. *Pre, S.* Endangered languages of Thailand // *International Journal of the Sociology of Language*. — 2007. — No 186. — P. 75–93.
19. *Sasagawa, H.* The establishment of the national language in twentieth-century Cambodia: Debates on orthography and coinage // *Southeast Asian Studies*. — 2015. — Vol. 4. — No 1. — P. 43–72.
20. *Smalley, W.A.* Linguistic Diversity and National Unity: Language Ecology in Thailand. — Chicago: University of Chicago Press, 1994.
21. *Sokhoeurn, N.* Cham language at risk as use declines // *Cambodianess.com*. — 2023. — URL: <https://cambodianess.com/article/cham-language-at-risk-as-use-declines>
22. *Vivas-Peraza, A.C.* English in the linguistic landscape of Thailand: A case study of public signs in Hat Yai // *Language Value*. — 2020. — Vol. 13. — No 1. — P. 23–57.

П.Х. Акиева

доктор исторических наук, доцент,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
E-mail: p.akieva@rgiis.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

P.Kh. Akieva

Grand PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Higher Attestation Commission,
Russian State Academy of Intellectual Property,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
E-mail: p.akieva@rgiis.ru

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE PROBLEM OF IMPORT SUBSTITUTION

Аннотация. Целью статьи является исследование методологии анализа процесса импортозамещения, комплекса подходов и инструментов оценки этого экономического процесса. В современных российских реалиях процесс импортозамещения является не составной частью внутриэкономической политики, а реакцией на внешнеэкономическое давление. В этой связи актуальными являются анализ аналогий исторического прошлого, предпосылок протекционистской политики. Автор выделяет методические подходы, классифицирует сложившиеся модели импортозамещения с отсылкой к историческим фактам их формирования и использования, определяет положительные и отрицательные аспекты стратегий импортозамещения. Систематизация взглядов на стратегию импортозамещения показывает, что объединяющим началом в них является направленность на создание и развитие технологий в промышленном секторе; общая регулятивная основа, создаваемая государством посредством формирования благоприятной для инвестиционной и предпринимательской активности среды; создание конкурентоспособного внутреннего продукта и в целом обеспечение технологической независимости страны. В условиях санкций, введенных в отношении российского бизнеса, стоит иметь в виду, что политика импортозамещения не является панацеей, необходимо создание собственной зоны экономического развития.

Ключевые слова: методология, импортозамещение, рынок, модели, протекционизм, модернизация экономики.

Abstract. The purpose of this article is to study the methodology for analyzing the import substitution process, as well as the set of approaches and tools for evaluating this economic process. In today's Russian context, the import substitution process is not an integral part of domestic economic policy, but rather a response to external economic pressures. Therefore, it is crucial to analyze the historical analogies and the prerequisites for protectionist policies. The author highlights methodological approaches, classifies the existing models of import substitution, referring to the historical facts of their formation and use, and identifies the positive and negative aspects of import substitution strategies. The systematization of views on import substitution strategies reveals that they share a common focus on the creation and development of technologies in the industrial sector, as well as a common regulatory framework established by the government to create an environment conducive to investment and entrepreneurial activity, the creation of a competitive domestic product, and overall technological independence. In the context of sanctions imposed on Russian businesses, it is important to keep in mind that import substitution policies are not a panacea. Instead, it is necessary to create a self-sufficient economic development zone.

Key words: methodology, import substitution, market, models, protectionism, economic modernization.

Современные тенденции развития международной геополитической ситуации, приведшие к санкционному давлению в информационно-технологической

отрасли, нефтегазовой промышленности, торговой и логистических сферах, военно-промышленном комплексе, ядерной энергетике, финансово-банковском, аграрном

и других секторах, обуславливают необходимость поиска иных возможностей развития экономики России.

К числу причин, повлиявших на изменение вектора экономического развития, можно отнести и глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., стимулировавший политику протекционизма в межгосударственной торговле и инвестициях, а также пандемию, приведшую к разрыву логистических цепочек и срыву поставок, падению спроса на сырьевые товары и энергетические ресурсы. В таких условиях политика импортозамещения является одной из ключевых стратегий ведения внутриориентированного промышленного роста, направленного на замену импортных товаров продукцией национального производства.

Россия была вынуждена создавать замкнутую в пределах страны экономическую систему. Тренд на создание благоприятной среды для отечественного производителя, несомненно, придает устойчивость российской промышленности. С другой стороны, опасность полной экономической независимости снимается через переориентацию деловых связей, торговых маршрутов на Восток и Глобальный Юг. Значимость и адекватность такого стратегического поворота, подтверждаемого объективными общемировыми тенденциями развития, подчеркивалась Президентом РФ В.В. Путиным на Восточном экономическом форуме 2024 г. [22].

Методика

Попытки экономической блокады России со стороны западных партнеров, по сути, стали катализатором проводимых властью серьезных изменений в области импортозамещения. Одной из ведущих стратегий государственной политики России сегодня является развитие импортозамещения, основанного на стимулировании национального производства, переходе от экспортно-сырьевой к промышленно-инновационной экономике.

Необходимо понимать, что импортозамещение — лишь средство, с помощью которого осуществляется поиск аналогов зарубежных решений, в то время как формирование технологического суверенитета является

более высоким уровнем экономической состоятельности государства. Импортозамещение является системообразующим средством, способным обеспечить технологическую независимость в критических областях (медицина, нефтепереработка, нефтехимия, IT-сфера и т.д.) и, как следствие, национальную безопасность [10]. Поэтому сегодня на государственном уровне импортозамещение определяется не просто как слепое копирование, а как «создание собственных конкурентных технологий, товаров и сервисов, способных стать новыми мировыми стандартами» [23].

В настоящее время происходит формирование новой парадигмы экономического развития, направленной на развитие высокорентабельных отраслей, инновационного сектора, в том числе технологий двойного назначения. К числу приоритетов в национальных проектах относится обеспечение технологического суверенитета, Президент РФ В.В. Путин назвал в первую очередь здоровьесберегающую и продовольственную безопасность граждан, во вторых, сквозные сферы экономики (авиационные, морские, экономика данных, новые материалы и химия) и, в третьих, создание глобально конкурентных продуктов (том числе в области космических, атомных и новых энергетических технологий) [18]. Причем темпы четвертой промышленной революции ставят перед органами власти задачи не только быстрого реагирования, но и работы на опережение. Не случайно в современных программах развития и структурной модернизации экономики страны значительное место отводится созданию наукоемких и высокотехнологических производств.

Российские исследователи стали акцентировать внимание на проблеме импортозамещения с 1990-х гг. Тем не менее практическая задача создания независимой высокоразвитой промышленности в российской истории ставилась ранее неоднократно, и в этом достигались серьезные успехи (например, политика индустриализации 1930-х гг.). Советское управление экономикой ориентировалось в основном на краткосрочную перспективу, в нем мало внимания уделялось механизмам инновационного развития, что

в итоге не дало необходимых стратегических результатов. Определенное влияние на отставание СССР оказало и фактическое эмбарго на высокотехнологический экспорт, осуществляемое КОКОМом¹ после 1949 г. [12]. В 1990-х гг. Россия не только лишилась кооперационных связей со странами народных демократий, государство потеряло значительную часть своих производств и стало рынком сбыта и поставщиком природных ресурсов для стран Запада. Отметим, что в 1998 г. произошло частичное восстановление промышленности, связанное со стихийным (непланируемым) импортозамещением (рост курса доллара) и продуманными мерами правительства Е.М. Примакова. Сходный сценарий развития сложился в связи с девальвацией и падением нефтяных доходов в 2014 г., однако требования к программе импортозамещения отличались по своему характеру: в первом случае она была стихийной, проходящей на фоне дефолта и средней степени износа мощностей, а во втором — результатом целенаправленной политики импортозамещения в промышленности (ОПК и станкостроение), с государственной поддержкой и диспропорцией в распределении резервов. «Произошедшая девальвация не запустила в 2014 г. процесс импортозамещения (хотя политика импортозамещения стала приоритетной именно с этого времени. — П.А.), она лишь улучшила перспективы окупаемости инвестиций в проекты импортозамещения, начатые задолго до нее» [19].

Обсуждение

На теоретическом уровне импортозамещение рассматривают в рамках развития национальной экономики (с упором на промышленный сектор) или изменения условий внешнеторговых связей [30]. Общим в данных работах является тезис об импортозамещении как естественном процессе, к которому различные страны приходят тогда, когда достигают определенного уровня развития экономики либо вследствие кризисных ситуаций. Так,

именно индустриализация на основе импортозамещения задавала тренд на введение политики замещения импорта от более развитых соседей.

Подобный период в истории своего развития так или иначе проходили все государства (за исключением Великобритании, ставшей первой страной промышленного роста). Есть мнение, что в процесс импортозамещения включено и государственное регулирование импорта, но только такого продукта, на который сложился малый спрос, не способный «обеспечить конкурентоспособное производство внутри страны» [3].

Конечно, полностью ликвидировать иностранный продукт невозможно, так как в любой стране присутствуют объективные причины малоэффективности производства определенной продукции. Однако достижение положительного сальдо торгового баланса, а также выход национальных производителей на мировой рынок могут свидетельствовать об эффективности политики импортозамещения.

Несмотря на актуальность проблемы импортозамещения, оценка его результативности, как правило, происходит в рамках традиционных подходов проектного менеджмента (с точки зрения достижения целевых показателей либо изменения стоимости активов компании) [32; 29; 5; 4]. Предлагается также определять эффективность импортозамещения через критерий вовлеченности активов компании в процессы модернизации для их конвертации в инновационный продукт [1; 16].

При анализе эффективности процесса импортозамещения часто используют статистические данные. В зависимости от целей и характера использования статистических показателей, характеризующих динамику внешнеторгового оборота России, темпов прироста стоимости основных фондов, факторов инвестиционной активности, внутреннего производства и потребления в стране, а также в рамках отдельных товарных групп и товарных позиций, научные исследования можно ранжировать на две группы.

¹ КОКОМ (координационный комитет по многостороннему экспортному контролю) — международная организация стран НАТО (за исключением Исландии и Японии), созданная для контроля над товарами и технологиями, запрещаемыми к ввозу в СССР и страны соцлагеря.

К первой группе исследований можно отнести те, в которых показатели используются с минимальной экономико-статистической обработкой или без нее [17; 31; 42; 37], ко второй — исследования, направленные на комплексную оценку результативности импортозамещения. Использование отдельных показателей и их простейшая обработка на уровне измерения, сравнения и т.п. хоть и дает достоверные результаты, но не показывает общую картину импортозамещения. «В абсолютном большинстве исследований комплексная оценка результативности импортозамещения осуществляется путем расчета широкого спектра относительных величин на основе представленных в официальной статистике абсолютных показателей» [14, с. 69]. Так, в ряде комплексных исследований, посвященных измерению эффективности импортозамещения, используются относительные величины в форме индексов (например, индекс товарной импортозависимости [31], агрегированный индекс качества процесса [8, с. 80–85], интегральный показатель, построенный на классификации регионов по уровням эффективности [6], либо индекс соотношения суммы произведений частных показателей (в виде доли инновационной продукции или импортозависимости) и степени влияния каждого критерия на итоговый показатель [4], соотношение объемов производства/потребления и импорта/экспорта товаров [15]), в виде матричной модели оценки результативности на базе системы национальных счетов [25; 23].

Экономические методы расчета результативности процесса импортозамещения были положены в основу большинства исследований зарубежных авторов. Так, были предложены: эконометрическая методика, направленная на выявление статистических закономерностей и зависимостей на основе количественных и качественных показателей в странах группы БРИКС [36], агрегированный коэффициент импортозамещения (сумма коэффициентов импорта отраслей/группы отраслей, в которой мерой веса являются относительные размеры отрасли) [40] или совокупность показателей платежного баланса, общего уровня цен и ценовой эластичности спроса на товары [33].

Различия в теоретических подходах к импортозамещению наблюдаются и в предпосылках протекционистской политики. В качестве таковых, например, выделяют ценовой контроль над сельскохозяйственными товарами в целях увеличения бюджета и закупки необходимых промышленных товаров [38]. Обоснование политики импортозамещения как ключевого средства экономического развития легло в основу теории зависимости Т. Перро и П. Мартина [41]. Дж. Итуэлл, анализируя опыт импортозамещения во Франции и Японии, отмечал проблемы высокой конкуренции в экспортной реализации продукции [7]. Х. Арендт, фокусируя внимание на империалистической составляющей экспансии, рассматривает импортозамещение с точки зрения кейнсианской модели: сокращение импорта для восстановления баланса торговли посредством введения торговых ограничений (тарифов) [2]. В качестве предпосылок проведения политики импортозамещения выделяют «низкую степень устойчивости платежного баланса, военные действия, расширение внутреннего рынка и политику форсированного развития» [26, с. 106].

Часть ученых отмечают внутренние стимулы для импортозамещения, сложившиеся в бывших колониях (в частности, африканских) ввиду неразвитости их политико-экономических структур [35].

Колоритная модель индустриализации экономики под названием «стая летящих гусей» была предложена в 1930-х гг. японским ученым К. Акамацу. Эта модель впоследствии была реализована во всех странах Азии. Ученый выделил три фазы развития экономики Японии — импорт продуктов, импортозамещение и экспортоориентация [34]. К. Акамацу предложил добиваться индустриализации не через протекционистский путь установления высоких тарифов на ввозимые товары и их замену отечественной продукцией, а посредством наращивания экспортного потенциала. Такая экономическая политика импортозамещения ориентировала внутреннее производство на экспорт.

Если основная идея восточной модели состояла в экспортоориентированном импортозамещении, то латиноамериканская

преследовала «импортозамещающую индустриализацию». Исторически реализацию обеих моделей сопровождали положительные и отрицательные последствия. Так, восточная привела к устойчивому экономическому росту, потоку инвестиций и производству конкурентной продукции, но не она решала проблему помощи предприятиям, вышедшим на внешний рынок, а также способствовала высокому уровню импорта оборудования, необходимого для экспортоориентированного импортозамещения. Латиноамериканская модель, наоборот, создавала «тепличные» условия для внутреннего производителя, что приводило, с одной стороны, к уменьшению импортозависимости, а с другой — к низкой конкурентоспособности собственных технологий. В 2024 году латиноамериканскую модель импортозамещения выбрали только Индия, Бразилия, Мексика, в то время как восточноазиатская оставалась более предпочтительной для большинства стран.

В российской науке содержательное наполнение понятия «импортозамещение» изменялось в соответствии с политическими событиями, происходящими в Российской Федерации. Так, с 2000-х в импортозамещении видели процесс интенсивного развития промышленности в условиях свободного экономического рынка, с 2010-х импортозамещение рассматривали как управляемый государством процесс, имеющий целью обеспечение независимости национальной экономики посредством роста объемов внутреннего промышленного производства. Отметим, что в результате разработки теории импорта были выделены побочные эффекты протекционистской политики: в частности, демпинговые цены приводят к падению благосостояния потребителей, секторальные меры стимулируют развитие неконкурентоспособных отраслей экономики, в государственном управлении складывается информационная асимметрия в результате лоббирования отдельных производственных секторов экономики.

Посткризисные показатели динамики реализуемой в нашей стране политики импортозамещения иллюстрируют адаптированность экономики к внешним ограничениям.

В результате структурной перестройки экономики в РФ с 2023 года наблюдается постепенный рост, повышение технологической независимости и конкурентоспособности российских товаров и решений на внутреннем и внешнем рынках. Механизмы поддержки отечественного производителя со стороны государства включают субсидии на локализацию, налоговые льготы и упрощенные процедуры параллельного импорта. В 2025 году на реализацию проектов импортозамещения из федерального бюджета было предусмотрено выделение более 850 млрд рублей [20], в декабре дополнительно было выделено более 966 млн рублей [21].

В настоящее время политика импортозамещения актуализирует необходимость качественной и количественной оценки ее результативности. Развитие российского национального рынка с его интеграцией в систему мирохозяйственных связей, определяющее содержание политики импортозамещения в нашей стране, лежит в русле неокейнсианской школы.

Результаты

Приведенные модели (вариант — стратегии) импортозамещения можно классифицировать на *внутри-, внешне-ориентированные* и *смешанные*. Внутриориентированное импортозамещение ограничивается созданием и распространением аналогов импортных комплектующих на внутреннем рынке, что рано или поздно приводит к стагнации инновационной деятельности, моральному старению и технологической отсталости. Именно такая стратегия применялась в странах Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Мексика, Чили, Парагвай, Уругвай) в 50–60-е гг. XX в. Средства, полученные в результате снижения цен на отечественную продукцию, позволили латиноамериканским странам перенаправить их на модернизацию промышленности [28]. Индустриализация развивающихся стран не только Латинской Америки, но и Азии и Африки была построена на постепенном отказе от импортной продукции в пользу внутреннего производителя. В основу такой стратегии легли экономические идеи Р. Пребиша и схожая с ними концепция

«опоры на собственные силы» второй половины XX века [39]. В рамках такой модели предлагалось оказывать поддержку национальному машиностроению (выдача дешевых кредитов, квотирование импорта, валютный контроль и т.п.) с привлечением иностранных вложений только на начальном этапе, с тем чтобы, достигнув уровня самостоятельного развития, свести их к минимуму. Подобная стратегия в целом оказалась малоэффективной, так как государства «столкнулись с общим ухудшением экономической ситуации, вылившимся в раскрутку инфляции, снижением объемов сбережений и как следствие — сокращением инвестиционной активности, дефицитом платежного баланса и обострением проблем международной валютной ликвидности» [27, с. 14]. Тем не менее стратегия внутриориентированности экономики, ориентация на гарантированный внутренний спрос остаются и сегодня главными в странах Латинской Америки.

По своему содержанию внутриориентированное импортозамещение является стратегией догоняющего типа, в то время как *внешнеориентированное импортозамещение* — стратегией опережающего типа, способствующей созданию и реализации высококонкурентоспособных технологий и опытно-конструкторских разработок, что в конечном счете выводит национального производителя на глобальный рынок. Именно такая стратегия легла в основу экономического развития западноевропейских стран и США начиная с 1950-х гг., а с середины XX в. получила распространение в таких азиатских государствах, как Тайвань, Малайзия, Таиланд, Филиппины, Южная Корея. «При этом государства Восточной Азии демонстрировали тенденцию более быстрого экономического роста по сравнению с промышленно развитыми странами в полном соответствии с предсказаниями теории конвергенции» [11, с. 757]. Стратегия внешнеориентированного импортозамещения направлена на стимулирование внутренних резервов национальной экономики, способных поддержать отсталые, но перспективные отрасли производства.

Смешанная, или интегральная, стратегия импортозамещения построена на сочетании внутренней и внешней рыночной

деятельности (как, например, в Индии, Египте и др.). Такой подход позволяет более эффективно распределять ресурсы, необходимые для импортозамещения [9].

Несмотря на различия в стратегиях импортозамещения, их объединяющим началом, во-первых, служит направленность на создание и развитие технологий в промышленном секторе.

Во-вторых, импортозамещение — это регулируемый процесс, который может происходить под влиянием как общеэкономической политики, так и внутренней политики государства. Государство при этом не является ключевым инвестором, заказчиком и т.п. — его основная задача состоит в формировании благоприятной для инвестиционной и предпринимательской активности среды.

В-третьих, импортозамещение — процесс, нацеленный всегда на формирование национальной экономики, перспективность которого определяется в первую очередь уровнем промышленного производства.

В-четвертых, импортозамещение предполагает создание конкурентоспособного внутреннего продукта, обладающего равнозначными и даже более высокими качествами в сравнении с импортируемым. При этом внутренний продукт должен быть функционально идентичным, но не аналогичным импортозамещаемому. Важно, чтобы он соответствовал критерию соотношения цены и качества (по потенциалу использования, а также сервисного обслуживания).

Собственно, целенаправленное регулирование государством национальной экономики, направленное на создание благоприятных институциональных условий для внутреннего производства конкурентоспособного продукта, а также создание новых технологий посредством реализации идей и разработок, продвижение и мониторинг российских инноваций и суть *политика импортозамещения*.

При этом импортозамещение, нацеленное на краткосрочную перспективу, ориентировано на быстрый результат и упрощенное техническое регулирование; импортозамещение, нацеленное на среднесрочную перспективу, направлено на вы-

борочную технологизацию и релокацию цепочки поставок; импортозамещение, нацеленное на *долгосрочную перспективу*, предполагает стратегическое развитие своих технологий и выход на позиции мирового лидерства в ключевых сегментах этого рынка. Решение такой долгосрочной задачи невозможно без создания высокоэффективной системы управления интеллектуальной собственностью.

Список литературы

1. Анимица Е.Г. Импортозамещение в промышленном производстве региона: концептуально-теоретические и прикладные аспекты / Е.Г. Анимица, П.Е. Анимица, А.А. Глумов // Экономика региона. — 2015 — № 3(43). — С. 160–172.
2. Арндт Х. Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии. — 1992. — № 2. — С. 24–31.
3. Бондаренко Е.И. Модель реализации стратегии импортозамещения на промышленных предприятиях России // Социально-экономические явления и процессы. — 2016. — Т. 11. — № 4. — С. 5–14.
4. Боровкова В.А. Разработка методики оценки эффективности реализации региональной стратегии импортозамещения / В.А. Боровкова, М.О. Тиханович // Финансовая аналитика: проблемы и решения. — 2017. — Т. 10, вып. 7. — С. 722–737.
5. Гладкий Ю.Н. Импортозамещение и конкурентоспособность российской экономики: к диалектике взаимосвязей / Ю.Н. Гладкий, С.Ю. Корнекова // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2015. — № 3(36) — С. 92–97.
6. Ершова И.Г. Оценка эффективности мер государственного регулирования политики импортозамещения / И.Г. Ершова, А.Ю. Ершов // Фундаментальные исследования. — 2016. — № 3-2. — С. 375–379.
7. Итуэлл Дж. Импортозамещающий и экспортоориентированный экономический рост // Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла. — М.: Инфра-М, 2004. — С. 430–433.
8. Колотов К.А. Неоиндустриальное импортозамещение в системе структурных изменений экономики: дис. ... канд. экон. наук. — Томск, 2018. — 185 с.
9. Колотырин Е.А. Роль импортозамещения в современной экономической стратегии России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2015. — № 3(57). — С. 9–13.
10. Костин К.Б. Концепция обеспечения энергетической безопасности (применительно к решению проблемы импортозамещения в электроэнергетике России) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2015. — № 1(91). — С. 32–43.
11. Кругман П.Р. Международная экономика: теория и политика / П.Р. Кругман, М. Обстфельд. — СПб.: Питер, 2003. — 832 с.
12. Левин М.И. Воспоминание о будущем: трансфер технологий и опыт холодной войны / М.И. Левин, И.В. Шевелева // Финансы и бизнес. — 2017. — № 2. — С. 54–65.
13. Линдерт П.Х. Экономика мирохозяйственных связей / пер. с англ. — М.: Прогресс, 1992. — 514 с.
14. Литвинова А.В. Развитие методических подходов к оценке результативности импортозамещения в России / А.В. Литвинова, Н.С. Талалаева, М.В. Парфенова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2019. — Т. 12. — № 4. — С. 67–85.
15. Лосев А.А. Система индикаторов эффективности импортозамещения / А.А. Лосев, В.И. Соловьев, А.М. Сунчалин // Российский внешнеэкономический вестник. — 2017. — № 4. — С. 55–70.
16. Матвеева Л.Г. Российское импортозамещение в условиях «новой нормальности» / Л.Г. Матвеева, О.А. Чернова // Terra Economicus. — 2016. — Т. 14. — № 2. — С. 127–138.
17. Миронова О.А. Проблемы обеспечения экономической безопасности России в условиях импортозамещения // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. — 2018. — № 1(30). — С. 35–42.
18. «Мы должны быть независимые»: Путин определил перспективы импортозамещения. — <https://newdaynews.ru/moscow/820508.html>
19. Наружный В.Е. Импортозамещение в России: исторический опыт и текущие перспективы / В.Е. Наружный, В.А. Титов, Ю.А. Оболенская // Управленческое консультирование. — 2019. — № 11. — С. 101–112.
20. От антикризисных мер к технологическому суверенитету: итоги первых трёх лет импортозамещения в России. — URL: <https://sber.pro/publication/ot-antikrizisnih-mer-k-tehnologicheskomu-suverenitetu-itogi-pervih-tryoh-let-importozamesheniya-v-rossii/>.

21. Правительство направит дополнительное финансирование на поддержку передовых промышленных инициатив. — URL: <http://government.ru/docs/57275/>.
22. Президент дал правительству КР на 10 лет вперед. — URL: <https://ura.news/news/1052813938>.
23. Путин: импортозамещение не является панацеей, надо не копировать, а быть на шаг впереди. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/14954319>.
24. Стрижкова Л.А. Использование таблиц «затраты-выпуск» при оценке зависимости российской экономики от импорта и процессов импортозамещения // Вопросы статистики. — 2016. — № 5. — С. 1–5.
25. Татаркин Д.А. Моделирование структурных изменений экономики региона на основе матрицы финансовых потоков / Д.А. Татаркин, Е.Н. Сидорова, А.В. Трынов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 1. — С. 218–234.
26. Титова О.В. Импортозамещение: понятие, сущность, особенности / О.В. Титова, Н.А. Восканян // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2021. — № 7(57). — С. 105–110.
27. Третьяк В.В. Методические подходы к реализации стратегии импортозамещения в России / В.В. Третьяк, И.А. Круглова, М.В. Сигова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического Университета. — 2016. — № 1(97). — С. 12–16.
28. Федосеева Г.А. Сущность и развитие теории импортозамещения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2015. — № 3(93). — С. 144–148.
29. Филиппова И.А. Анализ теоретико-методологических аспектов политики импортозамещения / И.А. Филиппова, Е.Э. Красильникова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность — 2016. — № 10(343). — С. 112–122.
30. Ченери Х. Внутренние и внешние аспекты планов и процесса экономического развития / Х. Ченери, Н. Картер // Конференция по долгосрочному планированию и прогнозированию. — М., 1972. — С. 77–110.
31. Чернова О.А. Рациональное импортозамещение в промышленности: инструментарий оценки / О.А. Чернова, В.В. Климук // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2017. — № 38. — С. 43–52.
32. Щадов И.М. Инвестирование импортозамещения на предприятиях металлургической отрасли / И.М. Щадов, В.Ю. Конюхов, А.В. Чемезов, Т.С. Беляевская // Baikal Research Journal. — 2016. — № 6. — С. 5–10.
33. Abhyankar H.G., Dharmadhikari S. “Import substitution” to “export promotion” — a paradigm shift // Finance Management. — 2011. — April. — P. 32–39.
34. Akamatsu K., Koide Y. Industrial and Labour Conditions in Japan: With Special Reference to Those in Nagoya. — Nagoya, 1934. — P. 30.
35. Akyeampong E. African Socialism; or the Search for an Indigenous Model of Economic Development? // Economic History of Developing Regions. — 2018. — Vol. 33. — No 1. — P. 69–87. — URL: <https://doi.org/10.1080/20780389.2018.1434411>.
36. Aregbeshola R.A. Import substitution industrialization and economic growth — evidence from the group of BRICS countries // Future Business Journal. — 2017. — Vol. 3. — P. 138–158.
37. Connolly R., Hanson Ph. Import Substitution and Economic Sovereignty in Russia. — 2016. — 24 p.
38. Hunt M. The World Transformed. — New York: Oxford University Press, 2014. — 512 p. — URL: <https://global.oup.com/ushe/product/the-world-transformed-1945-to-the-present-9780199371037?cc=ru&lang=en&>.
39. Joseph L. Love. Raul Prebisch and the Origins of the Doctrine of Unequal Exchange // Latin American Economic Review. — 1980. — No 15(3). — P. 45–72.
40. Ko M.L., Plasmans J., Song-ken H. A Consistent Measure of Aggregate Import Substitution / Research Paper. — 2014. — 24 p.
41. Perreault T., Martin P. Geographies of Neoliberalism in Latin America // Environment and Planning — A Economy and Space. — 2005. — Vol. 37. — No 2. — P. 191–201. — URL: <https://doi.org/10.1068/a37394>.
42. Ullrich K. Russia — import substitution during recession. — KfW Research Focus on Economics. — 2017. — Vol. 173. — P. 1–3.
43. Yamin M. Import Substitution and the Growth of Manufacturing in Iran, 1955–1972 / A Thesis Submitted for the Degree of MASTER of ARTS. — Durham, 1975. — 178 p.

М.Н. Игнатова

кандидат педагогических наук, доцент,
Юго-Западный государственный университет, Курск
E-mail: maripolyakova@yandex.ru

Н.М. Квач

кандидат технических наук, доцент,
Российский государственный университет
им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва
E-mail: nkvach@mail.ru

Э.В. Сукманов

кандидат экономических наук, доцент,
Курский государственный университет, г. Курск
E-mail: edik-24@yandex.ru

Т.В. Богачева

кандидат экономических наук, доцент,
Российский государственный университет сервиса и туризма, Москва
E-mail: tvbogacheva@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВЫМИ РЕЗУЛЬТАТАМИ КОРПОРАТИВНЫХ СТРУКТУР

M.N. Ignatova

PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Southwest State University, Kursk
E-mail: maripolyakova@yandex.ru

N.M. Kvach

PhD in Technical Sciences, Associate Professor,
A.N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Moscow
E-mail: nkvach@mail.ru

E.V. Sukmanov

PhD in Economics, Associate Professor,
Kursk State University, Kursk
E-mail: edik-24@yandex.ru

T.V. Bogacheva

PhD in Economics, Associate Professor,
Russian State University of Service and Tourism, Moscow
E-mail: tvbogacheva@mail.ru

IMPROVING THE MECHANISM OF FINANCIAL PERFORMANCE MANAGEMENT IN CORPORATE STRUCTURES

Аннотация. В статье представлены методические аспекты анализа и практические рекомендации по совершенствованию управления финансовыми результатами корпоративных структур. Финансовые результаты являются критериями эффективности управления хозяйственно-экономической деятельности, позволяющими оценить качество принимаемых решений. Механизм управления финансовыми результатами включает широкий спектр инструментов, к числу которых в первую очередь необходимо отнести контроллинг, стимулирование сбыта, снижение затратоемкости, изменение ценовой политики, планирование, прогнозирование, комплексный анализ, аудит, проектирование. Использование каждого инструмента в отдельности не позволит достичь роста эффективности, а грамотная управленческая коллаборация является основой обе-

спечения положительного результата. Методы аналитической диагностики, в состав которых входят сравнение, горизонтальный, вертикальный, коэффициентный, факторный и трендовый анализы, обеспечивают комплексную и достоверную информацию, используемую в системе менеджмента для обоснованного выбора приоритетных инструментов управления финансовыми результатами. Циклический алгоритм механизма управления финансовыми результатами включает пять основных этапов, на первом из которых выполняется диагностика текущих достигнутых параметров финансовых результатов, на втором выявляются внутренние и внешние факторы, оказавшие основное и второстепенное влияние, на третьем происходит постановка обоснованных цели и задач в системе корпоративного менеджмента, на четвертом осуществляется поиск резервов повышения финансовых результатов с учетом особенностей конкурентной конъюнктуры и специфики бизнес-процессов, на пятом разрабатываются и внедряются проектные инициативы, направленные на повышение финансовых результатов.

Ключевые слова: финансовый результат, прибыль, рентабельность, управление, финансовый менеджмент, конкурентная среда.

Abstract. This article presents methodological aspects of analysis and practical recommendations for improving financial performance management in corporate structures. Financial performance is a measure of the effectiveness of business management, enabling the quality of decisions to be assessed. Financial performance management encompasses a wide range of tools, primarily including cost control, sales promotion, cost reduction, pricing policy changes, planning, forecasting, comprehensive analysis, audit, and design. Using each tool in isolation will not achieve increased efficiency, while effective management collaboration is the foundation for achieving positive results. Analytical diagnostic methods, including comparison, horizontal, vertical, ratio, factor, and trend analysis, generate comprehensive and reliable information used in the management system to inform the selection of priority financial performance management tools. The cyclical algorithm of the financial performance management mechanism includes five main stages. The first stage involves assessing the current financial performance indicators; the second stage identifies internal and external factors that have had a primary and secondary impact; the third stage involves setting sound goals and objectives within the corporate management system; the fourth stage involves identifying potential for improving financial performance, taking into account the competitive environment and the specifics of the business process; and the fifth stage involves developing and implementing project initiatives aimed at increasing financial performance.

Key words: financial performance, profit, profitability, management, financial management, competitive environment.

Управление финансовыми результатами требует постановки четких задач, решение которых будет способствовать достижению целей. В статье И.В. Герсонской, С.А. Шхаватовой и А.С. Присекиной конкретизируются задачи управления финансовыми результатами, к которым отнесены:

- увеличение доходов от производства и реализации продукции;
- сокращение постоянных и переменных затрат на производство без потери качества;
- достижение оптимального баланса между прибылью и риском при управлении финансовыми потоками;
- повышение экономической отдачи на вложение и использование капитала;

— рост уровня вовлеченности персонала в процесс формирования и повышения положительного финансового результата [5, с. 60].

Таким образом, управление финансовыми результатами в текущих условиях, которые в значительной степени являются кризисными, сопряжено с широким спектром проблем. В этой связи применение традиционных подходов менеджмента не позволяет достичь желаемой эффективности, что требует разработки и интеграции принципиально иных инструментов или пересмотра специфики использования имеющихся методов. Наиболее часто для решения подобного рода задач применяют методы антикризисного менеджмента, отличительной чертой которых является локальность использования. Од-

нако системность существующих проблем и макроэкономических вызовов вызывает необходимость тиражирования антикризисных инструментов как минимум в среднесрочном управленческом горизонте [2, с. 60].

Э.С. Асанова и Н.В. Ежакова обращают внимание на тот факт, что управление финансовыми результатами трансформируется в условиях цифровой экономики [1, с. 170]. Массовая цифровизация социально-экономического пространства вносит существенные коррективы и в систему корпоративного менеджмента. Д.В. Дульцева поддерживает данную позицию, отмечая, что при существующей конъюнктуре использование цифровых платформенных решений является неотъемлемым условием роста маржинальности бизнес-процессов и положительно воздействует на финансовые результаты [9, с. 53]. Стимулирующее влияние цифровизации прослеживается в широком спектре направлений, основными из которых являются:

- продвижение продукции и товаров в цифровой среде на основе тиражирования информации в тематических сообществах, использования целевого рекламного контента;
- использование цифровых маркетплейсов для реализации товаров и услуг, что существенно расширяет охват аудитории и сокращает торговые расходы;
- цифровые продукты позволяют оперативно обрабатывать большой массив данных и создавать возможности для комплексной поддержки принимаемых решений;
- на основе цифровизации появляются возможности снизить логистические издержки и сформировать более дешевые алгоритмы поставки товаров;
- контроль качества продукции и услуг в условиях цифровизации может носить коверный характер, что существенно повышает качество и минимизирует брак [4, с. 1797].

Цель исследования заключается в рассмотрении методических и практических аспектов управления финансовыми результатами корпоративных структур.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации методических аспектов управления финансовыми результатами корпоративных структур.

Практическая значимость исследования заключается в анализе внутренней и внешней среды компании, формирующей информационную базу для принятия качественных решений в области управления финансовыми результатами.

Методологическую основу статьи составили классические методы исследования, к числу которых в первую очередь необходимо отнести гносеологический, анализа и синтеза, логический, статистический, графический, а также системный.

Результаты и обсуждение

На выбор инструментов управления финансовыми результатами также оказывают влияние масштабы бизнеса. По мнению В.В. Куляковой, предприятия малого бизнеса имеют ограниченные возможности в сфере управления финансовыми результатами [16, с. 717]. Отличительными особенностями малого бизнеса можно считать, во-первых, низкую интенсивность коммерческих операций, во-вторых, незначительные объемы движения финансовых ресурсов, в-третьих, ограниченные возможности инвестиционной деятельности, в-четвертых, узкую специализацию корпоративного менеджмента, в-пятых, наличие оперативной возможности смены вектора хозяйственно-экономической деятельности. По мнению О.В. Головки, ключевой отличительной особенностью современного периода управления финансовыми результатами можно считать повышенный уровень неопределенности, определяющий наличие широкого спектра макроэкономических, геополитических, экологических и других рисков для предпринимательской деятельности [6, с. 120].

А.С. Емец рассматривает особенности управления финансовыми результатами в условиях мобилизационной экономики, детерминантами которой являются:

- повышенные геополитические риски, провоцирующие нарушение условий коммерческих договоров и сбои в цепях поставок;

- более высокая степень административного контроля за движением финансовых потоков;
- санкции недружественных стран, ограничивающие коммерческие коммуникации и лимитирующие платежно-расчетные отношения во внешне-экономической деятельности;
- государственное стимулирование приоритетных отраслей экономики, ориентированных на национальную безопасность и оборонную промышленность;
- повышение роли государственного участия в социально-экономических процессах и централизация управления финансовыми ресурсами;
- дополнительные финансовые риски реализации инвестиционных проектов, связанные с инфляционной волатильностью и макроэкономической нестабильностью;
- введение моратория на исполнение отдельных платежно-расчетных обязательств [10, с. 23].

Построение эффективного и действенного механизма управления финансовыми результатами возможно только при наличии комплексной и достоверной информационной базы. Это подтверждает в своей статье В.Е. Гостева, фиксирующая необходимость использования легитимной информации для диагностики финансовых результатов, опирающейся на данные бухгалтерской отчетности [7, с. 130]. Достоверные данные учетно-аналитической системы формируют основу принятия управленческих решений с опорой на результаты комплексной диагностики. Материалы бухгалтерского учета и более детализированного управленческого учета позволяют выделить факторы, оказавшие влияние на финансовый результат, и рассмотреть перспективы их коррекции с целью роста маржинальности бизнес-процессов. Присутствие разносторонней учетно-аналитической информации является необходимым условием достижения эффективности в управлении финансовыми результатами. Используемая учетно-аналитическая информация, по мнению А.Д. Добрыниной, может быть структурирована следующим образом:

- первичная, раскрывает материалы документального обеспечения хозяйственно-экономической деятельности и данные оперативного учета. К подобного рода информации можно отнести устав, учетную политику, счета, накладные, коммерческие договора;
- сводная, отражающая обобщенные данные по результатам бухгалтерского учета, которые могут быть аккумулированы в материалах корпоративной финансовой отчетности с различным временным интервалом предоставления;
- детализированная, раскрывающая движение корпоративных финансовых потоков по отдельным функциональным направлениям менеджмента. В основе данной информации находятся материалы управленческого и налогового учета, производственная техническая документация, карты продаж продукции;
- стратегическая, которая раскрывает долгосрочные цели компании и приоритетные инструменты, способствующие их достижению. К данной информации относится прежде всего корпоративная стратегия развития, а также доклады по устойчивому развитию [8, с. 430].

По мнению Е.С. Моисеенко, достижение максимального эффекта становится возможным при комплексном использовании всех элементов информационно-аналитического пространства [20, с. 17]. Значимость данного подхода определяется необходимостью достижения наиболее полного соответствия оперативных задач, тактических целей и стратегических приоритетов управления финансовыми результатами в системе менеджмента. Только в этом случае разработанные инструменты и внедренные проектные инициативы обеспечат положительную динамику роста маржинальности бизнеса. При этом учетно-аналитическая поддержка принятия решений в области менеджмента финансовых результатов постоянно расширяется, обрастая новыми возможностями за счет применения цифровых продуктов и вне-

дрения дополнительных аналитических форм отчетности. Вариативность внешней среды требует от менеджмента оперативной реакции на новые вызовы конкурентного пространства и макроэкономические риски путем применения новых, более

действенных инструментов, опирающихся на расширенный учетно-аналитический поток информации [12, с. 45].

На рисунке 1 представим принципы целеполагания в системе менеджмента финансовых результатов.

Рис. 1. Принципы целеполагания в системе менеджмента финансовых результатов

В целом важно отметить, что при формулировке целей управления финансовыми результатами необходимо обеспечить соблюдение следующих фундаментальных принципов:

- конкретность: поставленная цель отражает именно тот финансовый результат, который необходимо достичь в рамках управляемого временного периода;
- измеримость: значение целевого финансового результата необходимо выразить в конкретных цифрах стоимостной оценки, что устраняет риски двойной интерпретации в будущем;
- достижимость: поставленная цель должна быть достижима с учетом положения организации на конкурентном рынке и имеющихся ресурсных возможностей. Постановка недостижимой цели демотивирует менеджмент и персонал, а также ослабляет стремление к её достижению ввиду объективной бессмысленности действий;
- релевантность: цели в области управления финансовыми результатами должны максимально коррелировать с основными направлениями тактического менеджмента и стратегического видения развития

организации. Расхождение в понимании тактики и стратегии управления финансовыми результатами приведет к дисбалансу в системе корпоративного менеджмента и снизит его эффективность. В то же время общее видение целей в рамках предприятия в целом должно соответствовать пониманию целей в разрезе основных структурных подразделений с учетом их функциональных зон ответственности. В этом случае создается ситуация, при которой достижение целей по функциональным направлениям хозяйственно-экономической деятельности приводит к достижению общей цели;

- временная ограниченность: период достижения цели должен иметь лимитированный временной интервал, что формирует условия для стимулирования бизнес-процессов и создает четкие рамки для проведения диагностики. Временная ограниченность позволяет максимально рационально использовать элементы имеющегося ресурсного потенциала при их наибольшей отдаче в конкретный период времени.

Анализ научных публикаций показывает, что механизм управления финансовыми результатами в наиболее общем виде

должен быть сконцентрирован на достижении их максимально положительной величины. Многие авторы предлагают различные инструменты действенного достижения данной цели, каждый из которых обладает своими особенностями использования и методическими алгоритмами адаптации. Е.Е. Есакова и А.С. Буравлева отмечают необходимость совершенствования управления дебиторской задолженностью для повышения финансовых результатов [11, с. 162]. Дебиторская задолженность рассматривается в качестве ликвидного актива, сумма которого должна максимально полно использоваться в коммерческом обороте для обеспечения приращения коммерческого эффекта.

А.Ч. Ионова и А.Е. Коваленко в своем исследовании делают упор непосредственно на управлении денежными потоками, грамотное перераспределение которых способствует увеличению финансовых результатов [13, с. 118]. Ключевые проблемы связаны с повышенной неопределенностью делового пространства функционирования организации, требующего построения нескольких сценарных вариантов развития финансовой ситуации в условиях макроэкономической нестабильности и широкого спектра геополитических рисков, провоцирующих значительные изменения предпринимательской среды и коммерческих коммуникаций. В статье авторского коллектива под руководством С.О. Новосельского предложены три модели управления запасами, оптимальное сочетание которых является фактором роста финансовых результатов [23, с. 55]. Запасы являются ключевой составляющей материалоемкости производства, снижение удельной стоимости обслуживания которых может привести к росту маржинальности производства.

По мнению К.А. Козловой, для оптимизации управления финансовыми результатами основной упор необходимо делать на повышении выручки от реализации, которое может быть достигнуто на основе интенсификации применения средств стимулирования сбыта [14, с. 342]. Разработка качественной рекламной компании приведет к росту потребительского спроса на продукцию и расширит возможности для роста прибыли. Актуальность бюд-

жетирования как инструмента управления финансовыми результатами рассматривают в своей статье С.В. Кондратова и А.Г. Симонян [15, с. 143]. К числу положительных качеств бюджетирования необходимо отнести:

- комплексный мониторинг движения всех финансовых потоков в корпоративной системе;
- четкий контроль расходования средств с учетом обозначенных приоритетов, то есть максимально целевое использование ресурсов;
- контроль соотношения дебиторской и кредиторской задолженностей, а также соблюдения требований платежной дисциплины стейкхолдерами;
- превентивная оценка целесообразности финансирования инвестиционных проектов.

Наряду с бюджетированием в системе инструментов управленческого механизма целесообразно задействовать контроллинг. Именно контроллинг, по мнению А.Д. Мирошниченко, позволит выстроить оперативное движение финансовых потоков, исключаящее нецелевое использования ресурсов [19, с. 320]. Использование контроллинга может быть расширено до уровня аудита, в рамках которого дается оценка соответствия фактическим финансовым показателям данных, представленных в отчетности. Значимость аудита, по мнению Т.К. Мусаева, состоит в том, что он обеспечивает максимальную достоверность информации, которая в дальнейшем применяется при управлении финансовыми результатами в системе менеджмента [21, с. 143].

Как отмечают В.Д. Мазейко и О.М. Недюхина, величина финансового результата напрямую зависит от эффективности управления производственно-сбытовой деятельностью [18, с. 152]. В пространстве производственно-сбытовой деятельности необходимо добиться снижения затратоемкости и увеличения объемов реализации. Комплексное решение обеих задач сформирует актуальные предпосылки для повышения финансовых результатов. В статье В.Н. Смирновой представлено краткое описание основных инструментов управления финансовыми результатами, каждый из

которых обладает значимостью и требует использования в менеджменте [28, с. 68]. Для перспективного управления применяются такие инструменты, как планирование и прогнозирование, которые позволяют рассмотреть ожидаемые величины финансовых результатов, опираясь на текущую экономическую конъюнктуру.

Текущий этап эволюции социально-экономического пространства требует масштабирования использования цифровых технологий как в системе корпоративного менеджмента, так и в рамках отдельных бизнес-процессов, что обеспечивает поддержку принимаемым управленческим решениям, снижает затратоемкость отдельных хозяйственно-экономических операций, расширяет емкость пространства деловых коммуникаций со всеми стейкхолдерами.

Важным элементом механизма управления финансовыми результатами является аналитическое сопровождение, включающее диагностику эффективности на основе использования научнообоснованных показателей. К задачам аналитического сопровождения относятся:

- ретроспективная оценка эффективности хозяйственно-экономической деятельности в позиции управления финансовыми результатами;
- исследование факторов, оказывающих влияние на величину и динамику финансовых результатов;

- формирование комплексной информационной базы для сценарного краткосрочного и среднесрочного прогнозирования величины финансовых результатов;
- обоснование стоимостных параметров проектов, направленных на рост маржинальности бизнес-процессов.

Данную точку зрения также разделяет и А.Р. Шайхутдинова, которая пишет о том, что значимым инструментом достижения успеха является также комплексный анализ хозяйственно-экономической деятельности на основе применения классических методологических приемов, обеспечивающих выявление актуальных резервов роста эффективности в разрезе того или иного направления функционального менеджмента [31, с. 63].

Методология оценки эффективности управления финансовыми результатами, согласно позиции В.Е. Лукмановой, опирается на шесть основных методов, интерпретация и сущностные характеристики которых раскрываются на рисунке 2 [17, с. 120].

Представленные на рисунке 2 методы так или иначе пересекаются между собой при формировании информационной базы или при расчете отдельных показателей. В этой связи для достижения целостной картины необходимо использовать весь спектр доступных методов исследования.

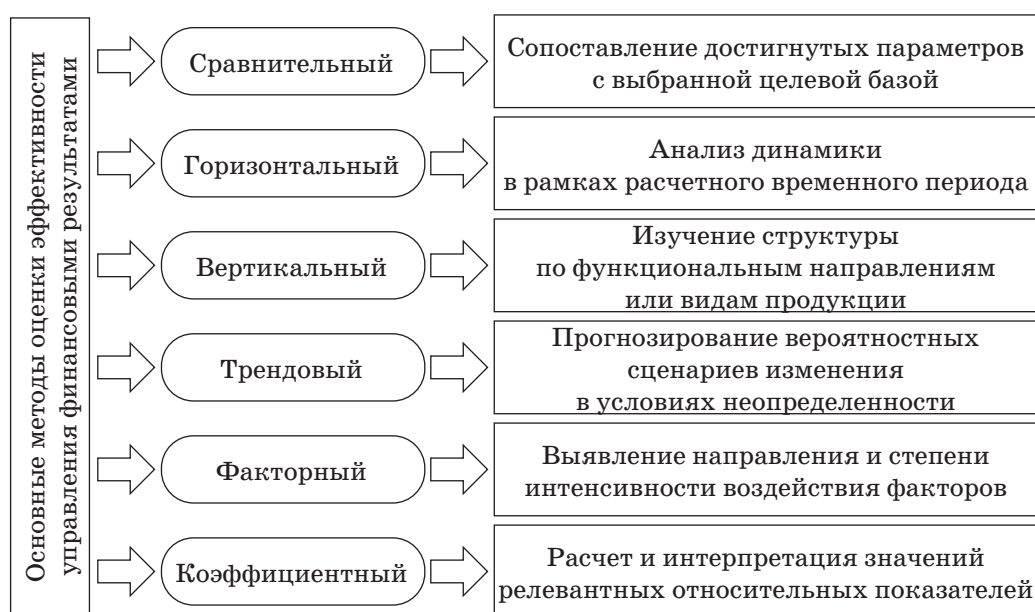

Рис. 2. Основные методы оценки эффективности управления финансовыми результатами

Как справедливо отмечают И.Д. Фаизов и З.З. Сафина, поиск резервов совершенствования управления финансовыми результатами является важнейшим направлением деятельности корпоративного менеджмента, обеспечивающим коммерческую эффективность текущих бизнес-процессов и стратегическую устойчивость на агрессивном конкурентном рынке [29, с. 1038]. Существующая конъюнктура хозяйственно-экономической деятельности отличается турбулентностью макроэкономической среды и агрессивным поведением субъектов рыночного пространства, что формирует жесткие требования к управлению финансовыми результатами в системе корпоративного менеджмента. По мнению А.В. Федорова и Т.М. Рогуленко, основ-

ные резервы концентрируются в повышении рационального использования доступного ресурсного потенциала, увеличении объемов продаж на основе интенсификации применения средств стимулирования сбыта, изменении структуры цепочек поставок сырья и сегментов реализации продукции [30, с. 40].

Механизм управления финансовым результатом носит циклический характер, так как требует постоянного переосмысления принимаемых решений с учетом достигнутых показателей хозяйственно-экономической деятельности и изменения конъюнктуры ведения бизнеса. На рисунке 3 представлен цикл механизма управления финансовым результатом.

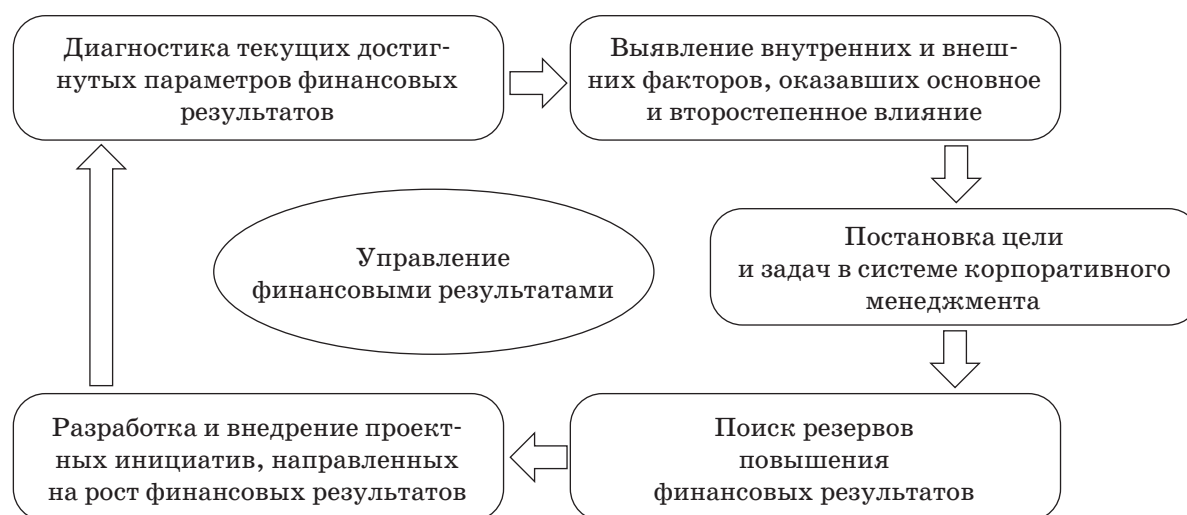

Рис. 3. Цикл механизма управления финансовым результатом

Циклический характер позволяет всегда находиться в поиске оптимальных управленческих решений, обеспечивающих повышение финансовых результатов. С учетом данных рис. 3 можно охарактеризовать следующие этапы механизма управления финансовыми результатами:

- диагностика текущих значений финансовых результатов, достигнутых по итогам хозяйственно-экономической деятельности, с опорой на учетно-аналитическую информационную базу легитимного свойства;
- выявление факторов, оказавших влияние на величину и динамику финансовых результатов на основе анализа внутренней среды и внешнего пространства ведения бизнеса;

- обоснование цели и постановка задач, обеспечивающих её достижение, по повышению финансового результата на основе согласования баланса имеющегося ресурсного потенциала и перспективных возможностей развития предприятия;
- проведение аналитических и управленческих мероприятий, направленных на поиск резервов повышения финансовых результатов;
- разработка проекта с последующим его внедрением, ожидаемая социально-экономическая эффективность которого будет способствовать повышению финансовых результатов.

Разработка предложений по совершенствованию системы управления финансовыми результатами в деятельности ООО «Сахар» должна опираться на исследование специфики внутреннего финансового пространства и учитывать особенности положения ресторана во внешней конкурентной среде. Итоги выполненных ранее исследований, выявивших ряд проблем в области управления финансовыми результатами, показали, что поиск резервов совершенствования управления финансовыми результатами в ООО «Сахар» является важнейшим направлением деятельности корпоративного менеджмента, обеспечивающим коммерческую эффективность текущих бизнес-процессов и стратегическую устойчивость на агрессивном конкурентном рынке. Решение первой задачи может быть осуществлено на основе применения классических методологических приемов комплексного анализа, обеспечивающих выявление актуальных резервов роста эффективности в разрезе того или иного направления функционального менеджмента. Важная роль в данном алгоритме принадлежит маргинальному анализу, позволяющему предоставить информацию о стоимостной оценке точки безубыточности, которая представляет собой такое состояние хозяйственно-экономической системы, при котором величина доходов равна сумме расходов. Практическая значимость проведенных расчетов с позиции менеджмента состоит в том, что каждая последующая операция, связанная с реализацией продукции, будет обеспечивать получение положительного финансового результата. С учетом сказанного, в табл. 1 представлены результаты операционного анализа финансовой деятельности и расчет точки безубыточности ООО «Сахар».

Результаты проведенного операционного анализа финансовой деятельности ООО «Сахар» позволяют сделать следующие выводы:

- за период расчета величина коэффициента валовой маржи уменьшается на 0,196, что является следствием сокращения доли валовой маржи в сумме выручки ресторана. Основ-

ная причина данной динамики состоит в том, что темпы роста выручки превышают темпы роста валовой маржи, а наиболее яркое подтверждение влияния данного фактора фиксируется в 2024 году;

- значительное увеличение выручки ресторана стало причиной повышения точки безубыточности: в 2023 году величина порога рентабельности выросла на 8,65%, а в 2024 году прирост составил 5,72 раза;
- сила воздействия операционного рычага в коммерческой деятельности ООО «Сахар» на протяжении трех лет больше единицы, что формирует благоприятные условия для наращивания выручки, которая трансформируется в прирост финансового результата большего объема.

На рисунке 4 представлены результаты операционного анализа финансовой деятельности ООО «Сахар».

Разработка предложений в области повышения финансовых результатов ООО «Сахар» во многом определяется положением ресторана во внешней конкурентной среде. В данном аспекте существенные сложности связаны с повышенной неопределенностью делового пространства функционирования ресторана, требующего построения нескольких сценарных вариантов развития финансовой ситуации в условиях макроэкономической нестабильности и широкого перечня геополитических рисков, провоцирующих значительные изменения предпринимательской среды и коммерческих коммуникаций.

Для оценки положения ООО «Сахар» в конкурентной среде предоставления ресторанных услуг города Курска воспользуемся методом экспертных оценок, итоги адаптации которого представлены на рис. 5 в виде графа рыночной конкурентоспособности.

На основе данных, представленных на рис. 5, можно сделать вывод о том, что ООО «Сахар» обладает рядом актуальных конкурентных преимуществ, которые могут быть использованы в целях повышения финансовых результатов. К числу наиболее актуальных конкурентных пре-

имущества ООО «Сахар» с точки зрения совершенствования управления финансовыми результатами необходимо отнести высокий потенциал клиентуры, качество сервиса и профессионализм персонала, выстроенность системы корпоративного

управления, а также активное стремление к расширению коммуникаций с текущими и потенциальными клиентами.

На рисунке 6 представлен чек-лист конкурентного положения ООО «Сахар» в среде городского ресторанного бизнеса.

Таблица 1

**Результаты операционного анализа
финансовой деятельности
и расчет точки безубыточности ООО «Сахар»**

Показатель	2022 год	2023 год	2024 год	Темп роста, %		Абсолютное отклонение 2024 г. от 2022 г., +/-
				2023 г./ 2022 г.	2024 г./ 2023 г.	
Выручка, в тыс. руб.	15 726	15 699	11 1644	99,83	≈в 7,1 раза	95 918
Переменные затраты, в тыс. руб.	10 641	11 555	97 392	108,59	≈в 8,4 раза	86 751
Валовая маржа, в тыс. руб.	5 085	4 144	14 252	81,49	≈в 3,4 раза	9 167
Коэффициент валовой маржи	0,323	0,264	0,128	—	—	-0,196
Постоянные затраты, в тыс. руб.	3 936	3 491	9 656	88,69	≈в 2,77 раза	5 720
Прибыль, в тыс. руб.	767	590	1 952	76,92	≈в 3,31 раза	1 185
Сила воздействия операционного рычага	6,629	7,023	7,301	—	—	0,672
Точка безубыточности, в тыс. руб.	12 172	13 225	75 640	108,65	≈в 5,72 раза	63 468
Запас финансовой прочности, в тыс. руб.	3 554	2 474	36 004	69,62	≈в 14,55 раза	32 450

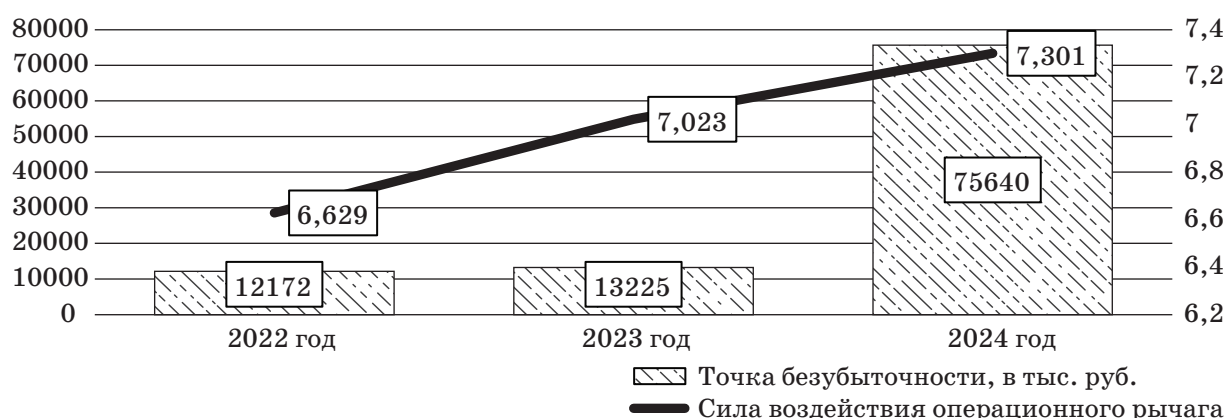

Рис. 4. Точка безубыточности и операционный рычаг ООО «Сахар»

Рис. 5. Граф рыночной конкурентоспособности ООО «Сахар»

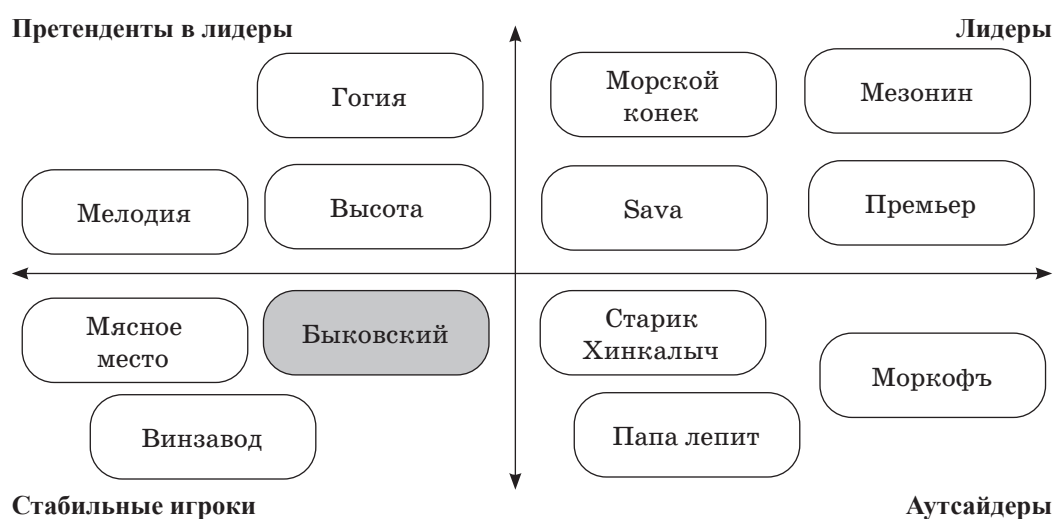

Рис. 6. Чек-лист конкурентного положения ООО «Сахар» в среде городского ресторанного бизнеса

Таким образом, результаты анализа внутренней и внешней среды деятельности ООО «Сахар» показали наличие резервов, связанных с ростом эффективности управления финансовыми результатами. Расчетное значение операционного рычага на протяжении всех трех лет больше единицы, то есть прирост выручки будет способствовать еще большему увеличению прибыли, что формирует благоприятные условия для расширения емкости коммерческой деятельности. Коммерческая деятельность и состояние корпоративного менеджмента ресторана отличаются на-

личием ряда актуальных конкурентных преимуществ, к которым в первую очередь необходимо отнести высокий потенциал клиентуры, качество сервиса и профессионализм персонала, выстроенность системы корпоративного управления, а также активное стремление к расширению коммуникаций с текущими и потенциальными клиентами. Отмеченный набор конкурентных факторов является базой для дальнейшего наращивания величины положительного финансового результата ООО «Сахар». Чек-лист положения ресторана «Быковский» в конкурентном про-

странстве города Курска показал его присутствие в зоне стабильных игроков, что обеспечивает фундамент для дальнейшего расширения коммерческой зоны влияния.

Выводы

Таким образом, грамотное целеполагание, построенное на принципах конкретности, измеримости, релевантности, достижимости, временной ограниченности, является важнейшим условием эффективности механизма управления финансовыми результатами. Выполненное в работе структурирование целеполагания управления финансовыми результатами позволило выделить стратегическую цель первого уровня менеджмента, тактические цели второго уровня менеджмента и оперативные задачи третьего уровня менеджмента. В качестве стратегической цели первого уровня менеджмента предложена цель в виде достижения долгосрочной устойчивости на конкурентном рынке в условиях неопределенности, к числу тактических целей второго уровня менеджмента отнесены формирование положительных значений и системно-растущей динамики прибыли, а также обеспечение максимально доступной маржинальности используемых бизнес-процессов. В группе оперативных задач третьего уровня менеджмента выделены увеличение выручки от реализации продукции и услуг, сокращение удельных затрат на производство и реализацию продукции при сохранении качества, снижение ресурсоемкости бизнес-процессов за счет инноваций и бережливого производства, цифровая трансформация актуальных форм бизнес-процессов. Важнейшее значение имеет системная взаимосвязь целей и задач на всех уровнях корпоративного менеджмента, образующих единый целенаправленный управленческий механизм. Поэтапное решение оперативных задач третьего уровня менеджмента будет способствовать достижению тактических целей второго уровня менеджмента, что приведет к обеспечению параметров стратегической цели первого уровня. Качественное управление финансовыми результатами является сложным и многогранным процессом, тре-

бующим учета специфики конкурентного пространства и детального погружения в хозяйственно-экономические процессы, включающего структурирование всех коммерческих коммуникаций. Построение корпоративного механизма управления финансовыми результатами происходит с учетом трех основных факторов:

- специализация хозяйственно-экономической деятельности;
- особенности развития социально-экономического пространства, в котором бизнес функционирует;
- специфика конкурентной среды.

Список литературы

1. Асанова Э.С. Управление финансовыми результатами предприятия в условиях цифровизации экономики / Э.С. Асанова, Н.В. Ежакова // Проблемы и перспективы развития системы учета, аудита и государственного управления в условиях цифровой экономики. — Симферополь, 2022. — С. 169–171.
2. Булавина М.А. Зарубежный опыт молодежного предпринимательства в решении социально-экономических проблем / М.А. Булавина, С.А. Попова, С.О. Новосельский // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2023. — Т. 14. — № 3(40). — С. 57–65.
3. Булавина М.А. Перспективы военной безопасности России в существующей геополитической конъюнктуре / М.А. Булавина, С.О. Новосельский // Межгосударственное противоборство в условиях глобализации и его влияние на управление национальной обороной Российской Федерации. — М., 2023. — С. 105–112.
4. Ветрова Е.А. Реализация бюджетной политики России в условиях геополитических рисков / Е.А. Ветрова, С.О. Новосельский, Г.Р. Темижева, А.Л. Золкин, Н.А. Фоменкова // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. — 2025. — Т. 13. — № 9(62). — С. 1796–1809.
5. Герсонская И.В. Особенности управления финансовыми результатами сельскохозяйственных предприятий / И.В. Герсонская, С.А. Шахватова, А.С. Присекина // Вектор экономики. — 2022. — № 12(78). — С. 55–63.
6. Головки О.В. Управление финансовыми результатами в условиях неопределенности // Дни науки: межкультурная коммуникация

- и кросс-культурный менеджмент. сборник статей научно-практической конференции. — Екатеринбург, 2023. — С. 118–130.
7. *Гостева В.Е.* Роль учетно-аналитической системы в обеспечении управления финансовыми результатами организаций // Лучшая студенческая статья 2023. Сборник статей VII Международного научно-исследовательского конкурса. — Пенза, 2023. — С. 128–131.
8. *Добрынина А.Д.* Использование учетно-аналитической информации о финансовых результатах для целей управления // Вектор научной мысли. — 2024. — № 6(11). — С. 429–431.
9. *Дульцева Д.В.* Управление финансовыми результатами в целях обеспечения экономической безопасности предприятия // Региональные аспекты обеспечения безопасности 2020: взгляд молодых исследователей. Сборник научных статей. — Уфа, 2020. — С. 51–54.
10. *Емец А.С.* Проблема трансформации механизма управления финансовыми результатами организации в условиях мобилизационной экономики // Вестник евразийской науки. — 2024. — Т. 16. — № S3. — С. 16–39.
11. *Есакова Е.Е.* Необходимость эффективного управления дебиторской задолженностью и ее влияние на финансовый результат деятельности организации / Е.Е. Есакова, А.С. Буравлева // Будущее науки — 2024. Сборник научных статей 11 Международной молодежной научной конференции. В 5 т. — Курск, 2024. — С. 161–164.
12. *Жиляков Д.И.* Интегральная оценка технологического развития пространственно локализованных агросоциохозяйственных систем региона / Д.И. Жиляков, А.Ф. Дорофеев, О.В. Петрушина, С.О. Новосельский, А.В. Шлеенко // Техника и оборудование для села. — 2025. — № 3(333). — С. 44–47.
13. *Ионова А.Ч.* Эффективное управление денежными потоками — залог устойчивого финансового результата / А.Ч. Ионова, А.Е. Коваленко // Инновационные направления развития в образовании, экономике, технике и технологиях. — Ставрополь, 2025. — С. 117–120.
14. *Козлова К.А.* Совершенствование управления финансовыми результатами деятельности рекламного агентства // Вестник Ангарского государственного технического университета. — 2023. — № 17. — С. 340–344.
15. *Кондратова С.В.* Бюджетирование, ориентированное на результат (БОР): современный подход к управлению финансовыми ресурсами / С.В. Кондратова, А.Г. Симонян // Горизонты экономики. — 2025. — № 2(89). — С. 139–145.
16. *Кулякова В.В.* Оптимизация управления финансовыми результатами предприятий малого бизнеса // Актуальные вопросы современной экономики. — 2022. — № 6. — С. 716–724.
17. *Лукманова В.Е.* Система методов и приемов количественного и качественного эмпирического исследования эффективности управления финансовыми результатами компании // Социально-экономические процессы современного общества / Чувашский государственный институт культуры и искусств Минкультуры Чувашии. — Чебоксары, 2021. — С. 118–122.
18. *Мазейко В.Д.* Анализ влияния эффективности управления производственно-сбытовой деятельностью на финансовые результаты организации / В.Д. Мазейко, О.М. Недюхина // Актуальные проблемы менеджмента в АПК: сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции. — Горки, 2023. — С. 151–153.
19. *Мирошниченко А.Д.* Управление финансовыми результатами компании на основе оперативного контроллинга бизнес-процессов // Международные стандарты учета и аудита: практика применения в условиях цифровой экономики. — М., 2022. — С. 318–323.
20. *Моисеенко Е.С.* Информационно-аналитическое обеспечение управления финансовыми результатами строительных предприятий // Развитие науки в XXI веке: научно-методические и практические аспекты. Сборник научных трудов по материалам XXIV Международной научно-практической конференции. — Анапа, 2025. — С. 15–20.
21. *Мусаев Т.К.* Аудит как эффективный инструмент управления финансовыми результатами // Учетно-аналитическое, налоговое и финансовое обеспечение развития АПК. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. — Саратов, 2024. — С. 142–146.
22. *Новосельский С.О.* Благотворительность как инструмент социально-экономического развития и расширения потенциала корпоративной социальной ответственности в условиях геополитической нестабильности / С.О. Новосельский, М.А. Булавина, С.А. Попова // Вопросы политологии. — 2023. — Т. 13. — № 6–1 (94–1). — С. 2653–2664.
23. *Новосельский С.О.* Менеджмент производственно-сбытовой деятельности компании

- на региональном рынке / С.О. Новосельский, О.В. Кириллова, А.Л. Золкин, Л.Н. Замбахидзе // Финансовый менеджмент. — 2025. — № 3. — С. 52–62.
24. *Слоботчиков О.Н.* Консерватизм цивилизационных ценностей как необходимость сохранения гармоничного мира // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 2.
25. *Слоботчиков О.Н.* Философия русского радикализма: история и современность / О.Н. Слоботчиков, М.С. Зайцев, Е.В. Афанасьева // Феномен роста популярности радикальных политических движений в Европе: причины и перспективы. В 2-х ч. — М., 2018. — С. 124–130.
26. *Слуцкий Л.Э.* Матрица выравнивания структурных диспропорций в социально-экономическом положении регионов России / Л.Э. Слуцкий, М.И. Кротов, В.И. Мунтиян // Проблемы современной экономики. — 2024. — № 1 (89). — С. 6–21.
27. *Слуцкий Л.Э.* О некоторых итогах евразийской интеграции (вступительное слово) // Проблемы современной экономики. — 2018. — № 4 (68). — С. 6.
28. *Смирнова В.Н.* Исследование инструментов управления финансовыми результатами коммерческих организаций // Актуальные вопросы общества, науки и образования. Сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции. — Пенза, 2024. — С. 67–70.
29. *Фаизов И.Д.* Современные инструменты управления финансовыми результатами экономического субъекта / И.Д. Фаизов, З.З. Сафина // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — № 25. — С. 1037–1042.
30. *Федоров А.В.* Внутрискрутурные процессы учета и контроля финансовых результатов как инструмент повышения эффективности управления дебиторской задолженностью / А.В. Федоров, Т.М. Рогуленко // Управление. — 2022. — Т. 10. — № 3. — С. 38–47.
31. *Шайхутдинова А.Р.* Факторный анализ финансовых результатов как инструмент управления организацией // Территория науки. — 2022. — № 5. — С. 63–65.

В.М. Кузьмина

кандидат исторических наук, доцент,
Юго-Западный государственный университет, Курск
E-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru

Ф.Н. Сaitова

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
Северо-Кавказская государственная академия, Черкесск
E-mail: saitovafatima@mail.ru

Ю.А. Тимакина

кандидат экономических наук, доцент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
E-mail: j.a.timakina@uwc-i.ru

С.О. Новосельский

кандидат экономических наук, доцент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
E-mail: nsvyatoslav@yandex.ru

АГРАРНЫЙ ЭКСПОРТ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН: АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОГНОЗ

V.M. Kuzmina

PhD in Historical Sciences, Associate Professor
Southwestern State University, Kursk
E-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru

F.N. Saitova

PhD in Agricultural Sciences, Associate Professor,
North Caucasus State Academy, Cherkessk,
E-mail: saitovafatima@mail.ru

Y.A. Timakina

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
E-mail: j.a.timakina@uwc-i.ru

S.O. Novoselsky

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
E-mail: nsvyatoslav@yandex.ru

AGRICULTURAL EXPORTS OF DEVELOPING COUNTRIES: CURRENT TRENDS AND FORECAST

Аннотация. Экспорт сельскохозяйственной продукции на сегодняшний день является одним из важных и стабильных факторов экономического развития как для развитых, так и развивающихся стран, в которых уровень доходов населения и в целом социальное благосостояние зависят от уровня аграрного экспорта. Глобализация торговли и рынков привела к тому, что от устойчивости поставок аграрной продукции в целом зависит социальная устойчивость общества, а это, в свою очередь, ставит новые вызовы перед правительствами и аграрными производителями. Аграрный экспорт необходимо изучать комплексно, поскольку в структуре торговли агропродовольственной продукцией сочетаются не только экономические интересы, но и ресурсные возможности стран, а также политические и иные факторы развития аграрного экспорта. Целью исследования является определение конкурентных позиций ряда стран в сфере аграрного экспорта, которые осложняются наличием барьеров, требующих их преодоления в самый ближай-

ший период. Изучение данной темы подразумевает использование диалектического и системного подходов в их взаимосвязи. В рамках данных подходов применялись методы статистического анализа, ранжирования, сравнения количественных и качественных показателей в динамике за 2010–2023 гг. на основе статистических баз данных, представленных в открытом доступе. Современный анализ аграрного экспорта развивающихся стран характеризуется синтезом ранее конкурирующих теоретических парадигм и акцентом на новые вызовы, связанные с глобализацией, изменением потребительских предпочтений и экологическими ограничениями. Аграрный экспорт рассматривается как фактор стратегического позиционирования в глобально фрагментированных производственных сетях, где создание стоимости определяется доступом к ресурсам, технологиям и рынкам.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрный экспорт, экономика, развивающиеся страны, внешнеэкономическая деятельность, государственная поддержка экспорта, конкурентные преимущества, барьеры на мировых рынках.

Abstract. Export of agricultural products today is one of the important and stable factors of economic development for both developed and developing countries, in which the level of income of the population and social well-being in general depend on the level of agricultural exports. The globalization of trade and markets has led to the fact that the social sustainability of society depends on the sustainability of agricultural supplies as a whole, and this, in turn, poses new challenges for governments and agricultural producers. Agricultural exports need to be studied comprehensively, since the structure of trade in agri-food products combines not only economic interests, but also the resource capabilities of countries, as well as political and other factors in the development of agricultural exports. The purpose of the study is to identify competitive advantages and barriers affecting the efficiency of agricultural exports of developing countries, and to develop recommendations for overcoming them in order to strengthen positions in world markets. The study of this topic implies the use of dialectical and systemic approaches in their interconnection. Within the framework of these approaches, methods of statistical analysis, ranking, comparison of quantitative and qualitative indicators in dynamics for 2010–2023 were used on the basis of statistical databases presented in the public domain. Modern analysis of agricultural exports of developing countries is characterized by a synthesis of previously competing theoretical paradigms and an emphasis on new challenges associated with globalization, changing consumer preferences and environmental restrictions. Agricultural export is considered as a factor of strategic positioning in globally fragmented production networks, where value creation is determined by access to resources, technologies and markets.

Key words: agriculture, agricultural exports, economy, developing countries, foreign economic activity, state support for exports, competitive advantages, barriers in world markets.

В условиях глобальных экономических, экологических и геополитических вызовов аграрный экспорт развивающихся стран приобретает всё большее значение не только как инструмент обеспечения продовольственной безопасности и экономического роста, но и как стратегический фактор формирования устойчивого развития на международной арене [1].

Во-первых, прогнозы в ближнесрочной перспективе относительно роста аграрного экспорта развивающихся стран не являются преувеличенными, поскольку за этими данными стоит не только рост экономик азиатских государств с лидирующим положением Китая и Индии, но и рост мирового дохода на душу населения. К азиатским странам подтянется Латинская Америка,

поскольку некоторые из ее стран имеют хороший потенциал расширения производства не только тропических фруктов, но и масленичных, и зерновых культур. Основным сдерживающим фактором развития аграрного экспорта для ряда развивающихся стран является низкая технологическая оснащённость, импортозависимость от удобрений и семян и политическая нестабильность [4].

Во-вторых, трансформация глобальных торговых отношений под давлением протекционизма, региональных интеграционных соглашений (например, Африканской континентальной зоны свободной торговли — AfCFTA) и новой роли Глобального Юга (BRICS+, Инициатива «Один пояс — один путь») открывает перед развиваю-

щимися странами как возможности, так и риски. Экспорт сельхозпродукции может стать «локомотивом» включения в мировые цепочки создания стоимости, но только при условии повышения качества продукции, соответствия международным стандартам (включая ESG-критерии), а также диверсификации рынков сбыта. В этой области исследовательская работа является инструментом стратегического прогнозирования и разработки долгосрочных экспортных политик [2–3].

В-третьих, актуальность подчёркивается экологическим императивом. Аграрный сектор — один из крупнейших источников выбросов парниковых газов и важнейший фактор деградации земель. В то же время именно в развивающихся странах сосредоточены огромные площади потенциально продуктивных, но пока не освоенных или деградированных земель. Современные исследования, проводимые крупными корпорациями или государственными исследовательскими центрами в области развития «умного» сельского хозяйства, необходимы не только для повышения рентабельности сельхозпроизводства, которое повлечет за собой рост конкурентоспособности стран на мировом аграрном рынке, но и для достижения Целей устойчивого развития Организации Объединенных Наций в направлении ликвидации голода (ЦУР 2), ответственного потребления и производства (ЦУР 12) и борьбы с изменением климата (ЦУР 13) [1].

Целью исследования является выявление конкурентных позиций ряда стран в сфере аграрного экспорта, который осложняется наличием барьеров, требующих их преодоления в самый ближайший период.

Материалы и методы

Изучение данной темы подразумевает использование диалектического и системного подходов в их взаимосвязи. В рамках данных подходов применялись методы статистического анализа, ранжирования, сравнения количественных и качественных показателей в динамике за 2010–2023 гг. на основе статистических баз данных, представленных в открытом доступе.

Информационной базой исследования являются информационно-статистические базы данных — Statista, statbase, статистические отчеты ОЭСР/ФАО, а также динамика и прогноз потребления сельскохозяйственной продукции по странам и регионам, рассчитанный ВТО.

Результаты и обсуждение

Агропродовольственный сектор является жизненно важным для экономики большинства развивающихся стран. Он обеспечивает занятость значительной части населения, формирует ВВП и является источником валютных поступлений. Международная торговля сельскохозяйственной и пищевой продукцией открывает для этих стран огромные возможности для экономического роста и развития. Однако ее эффективное развитие сдерживается комплексом серьезных внутренних и внешних проблем. Спорным остаётся и принцип свободной торговли продукцией сельского хозяйства, поскольку в мире растёт озабоченность стран своей продовольственной безопасностью [21]. Тем не менее растущий спрос на продукты питания заставляет страны продвигаться по пути гиперспециализации регионального производства сельскохозяйственной продукции параллельно с процессом гиперсегментации продовольственного рынка [19]. По мнению ряда аналитиков (Alena Myshko, Francesca Checchinato, Cinzia Colapinto, Vladi Finotto, Christine Mauracher), сельское хозяйство не может не отражаться на состоянии продовольственной безопасности и экологии стран, поэтому торговля сельскохозяйственной продукцией должна находиться под контролем государства [14].

Сегодня агропродовольственная отрасль — это не традиционное сельское хозяйство, а в первую очередь агробизнес, технологии, пищевая промышленность и продовольственная безопасность, поэтому должно происходить переосмысление производственно-сбытовых цепочек в аграрном экспорте, что очень важно для обеспечения устойчивого развития стран и недопущения социального неравенства в потреблении сельскохозяйственной про-

дукции [16]. В 2023 году мировая торговля продовольственными товарами демонстрирует выраженную тенденцию к восстано-

влению после значительных колебаний, вызванных глобальными экономическими и климатическими факторами (рис. 1).

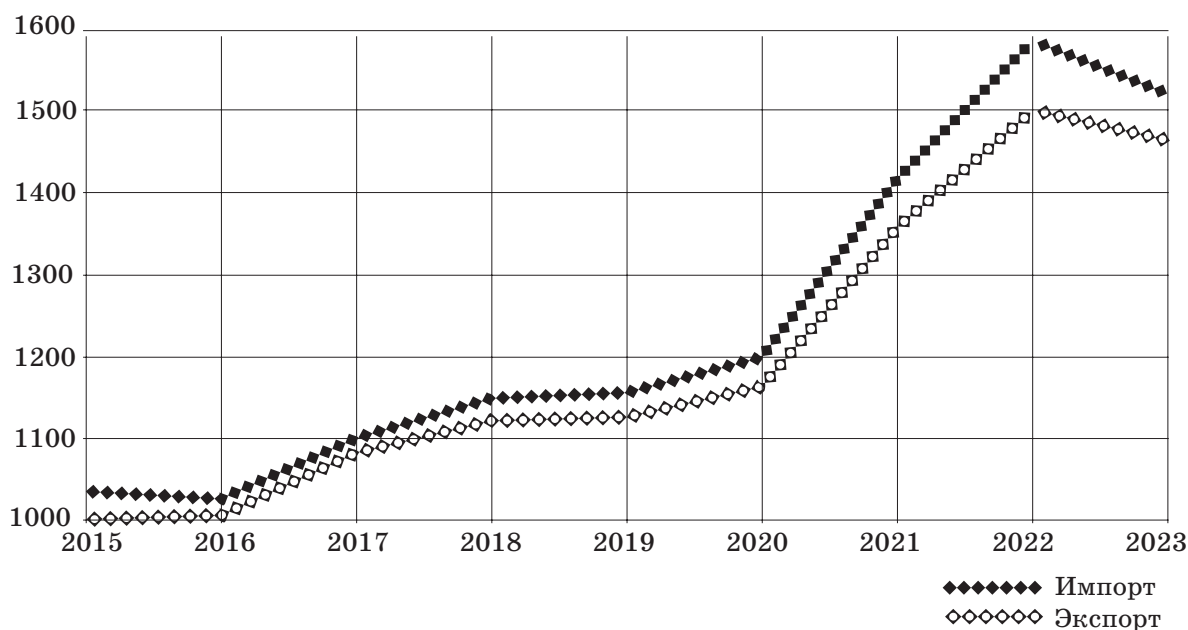

Рис. 1. Динамика мировой торговли агропродовольственной продукцией, в млн долл. США

Источник: https://www.wto.org/english/tratop_e/agric_e/ag_imp_exp_charts_e.htm

Структура мировой торговли агропродовольственной продукцией представляет собой динамичную, многоуровневую систему, в которой переплетаются экономические интересы, ресурсные возможности и политические стратегии. Основной тренд — это движение от торговли сырьевыми товарами к торговле более диверсифицированной, специализированной и готовой к употреблению продукцией с высокой добавленной стоимостью.

На рисунках 2–3 приведена структура мировой торговли агропродовольственной продукцией.

Анализ структуры торговли показывает, что основными направлениями остаются экспорт и импорт зерновых, мяса, а также растительной продукции. Динамика экспорта наглядно демонстрирует рост влияния развивающихся стран на глобальном рынке сельскохозяйственной продукции. Они уже являются не пассивными поставщиками сырья, а ключевыми драйверами спроса. Развивающиеся страны увеличили свою долю в мировом агропродовольственном экспорте с примерно 30% в 2000 году до более 45% в последние годы. Это главный структурный сдвиг в глобаль-

ной торговле. Однако их успех неравномерен.

В то время как некоторые страны (Бразилия, страны Юго-Восточной Азии) успешно интегрируются в глобальные цепочки стоимости, другие (страны Африки) сталкиваются с системными проблемами, мешающими им реализовать свой аграрный потенциал. Будущее будет зависеть от их способности диверсифицировать экспорт, инвестировать в инфраструктуру и адаптироваться к требованиям устойчивого развития.

На рисунках 4–7 представлена динамика структуры торговли агропродовольственной продукцией различных стран.

Обзор динамики структуры торговли агропродовольственной продукцией стран Африки указывает на доминирование экспорта первичных товарных культур и сырьевых продуктов — низкая степень переработки, высокая зависимость от мировых цен.

Результаты исследований (Taofeekat Temitope Nofiu, Rashidat Sumbola Akande, Hauwah K.K. Abdulkareem, Sodi Olaiwola Jimoh) влияния экспорта сельскохозяйственной продукции на устойчивое раз-

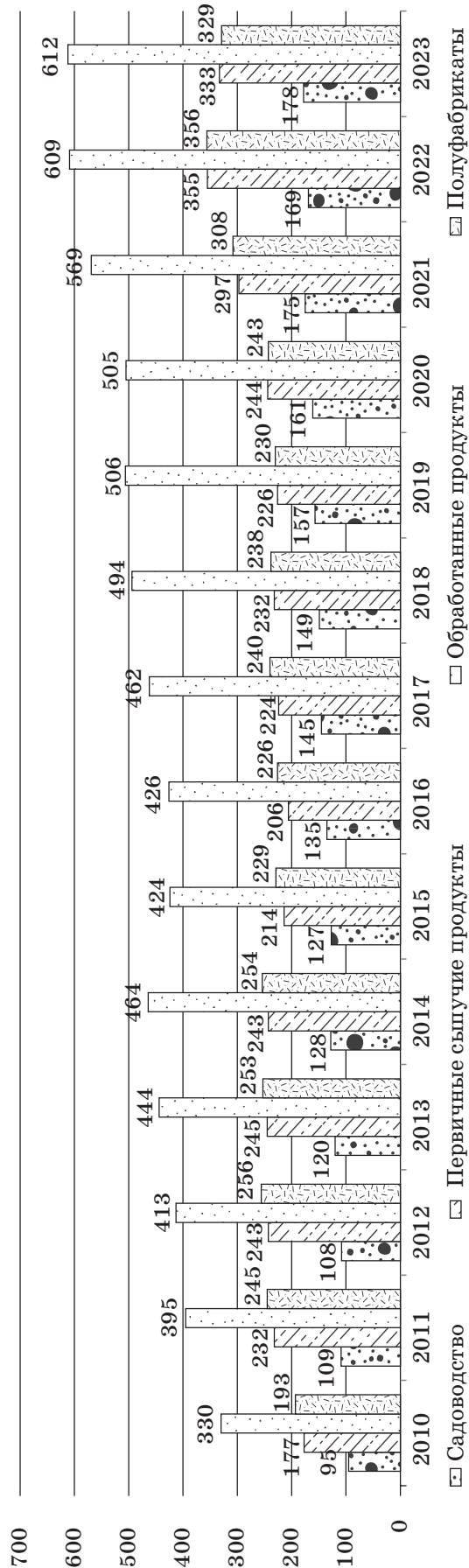

Рис. 2. Структура экспорта мировой торговли агропродовольственной продукцией, в млн долл. США

Источник: https://www.wto.org/english/tratop_e/agric_e/ag_imp_exp_charts_e.htm

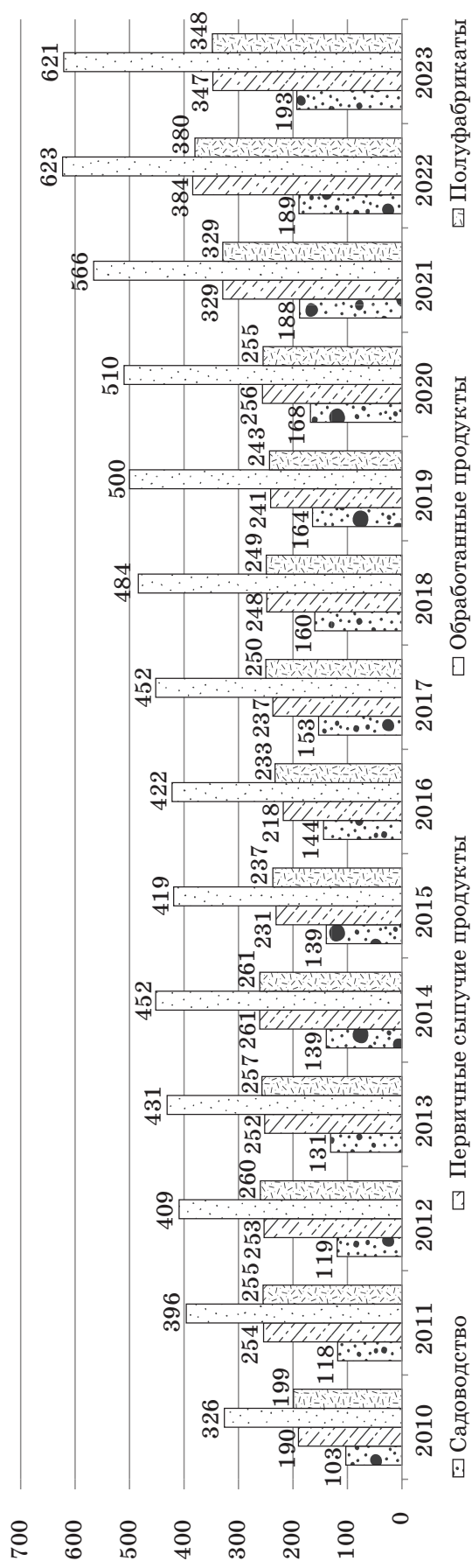

Рис. 3. Структура импорта мировой торговли агропродовольственной продукцией, в млн долл. США

Источник: https://www.wto.org/english/tratop_e/agric_e/ag_imp_exp_charts_e.htm

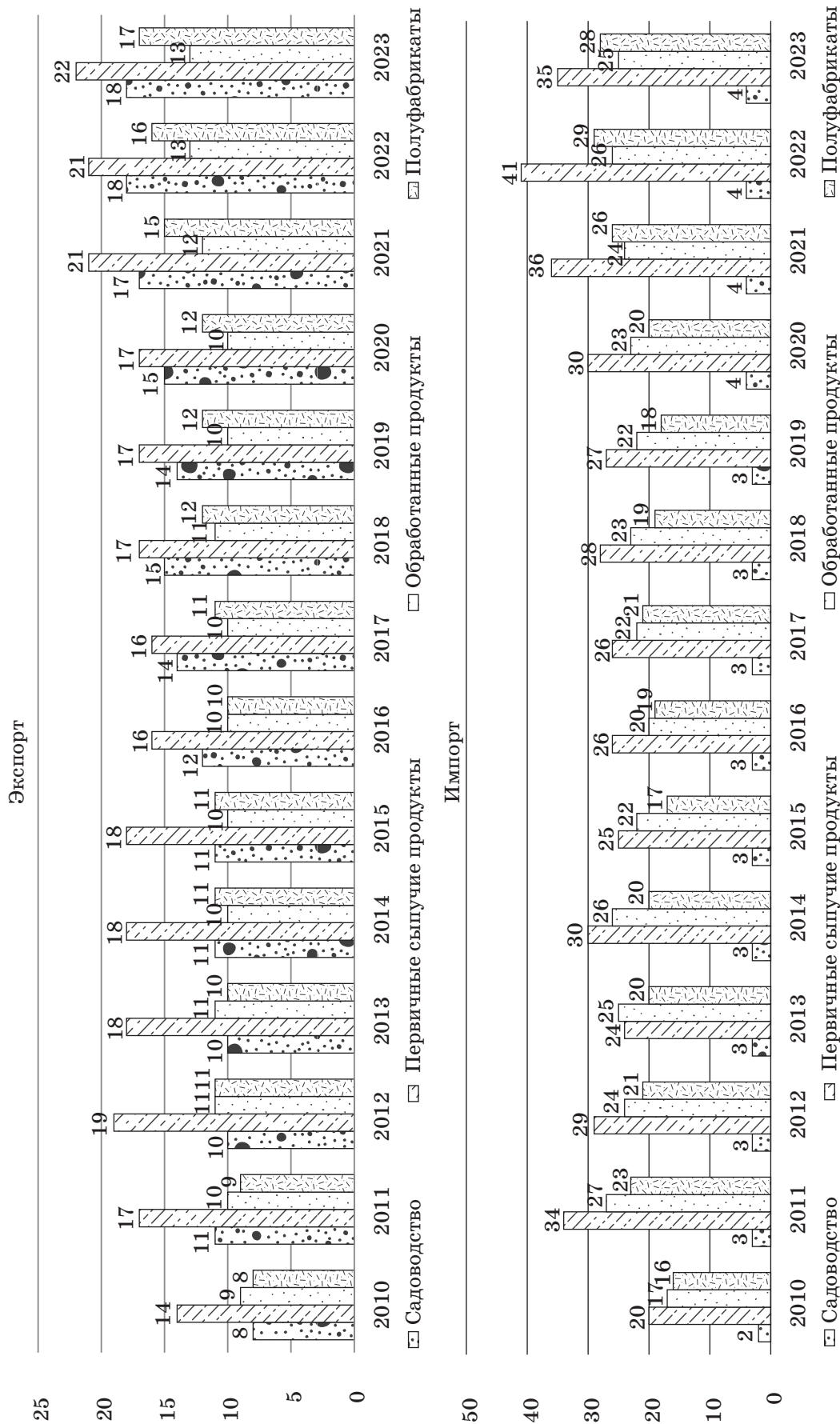

Рис. 4. Динамика структуры торговли агропродовольственной продукцией стран Африки,

Источник: https://www.wto.org/english/tratop_e/agric_e/ag_imp_exp_charts_e.htm

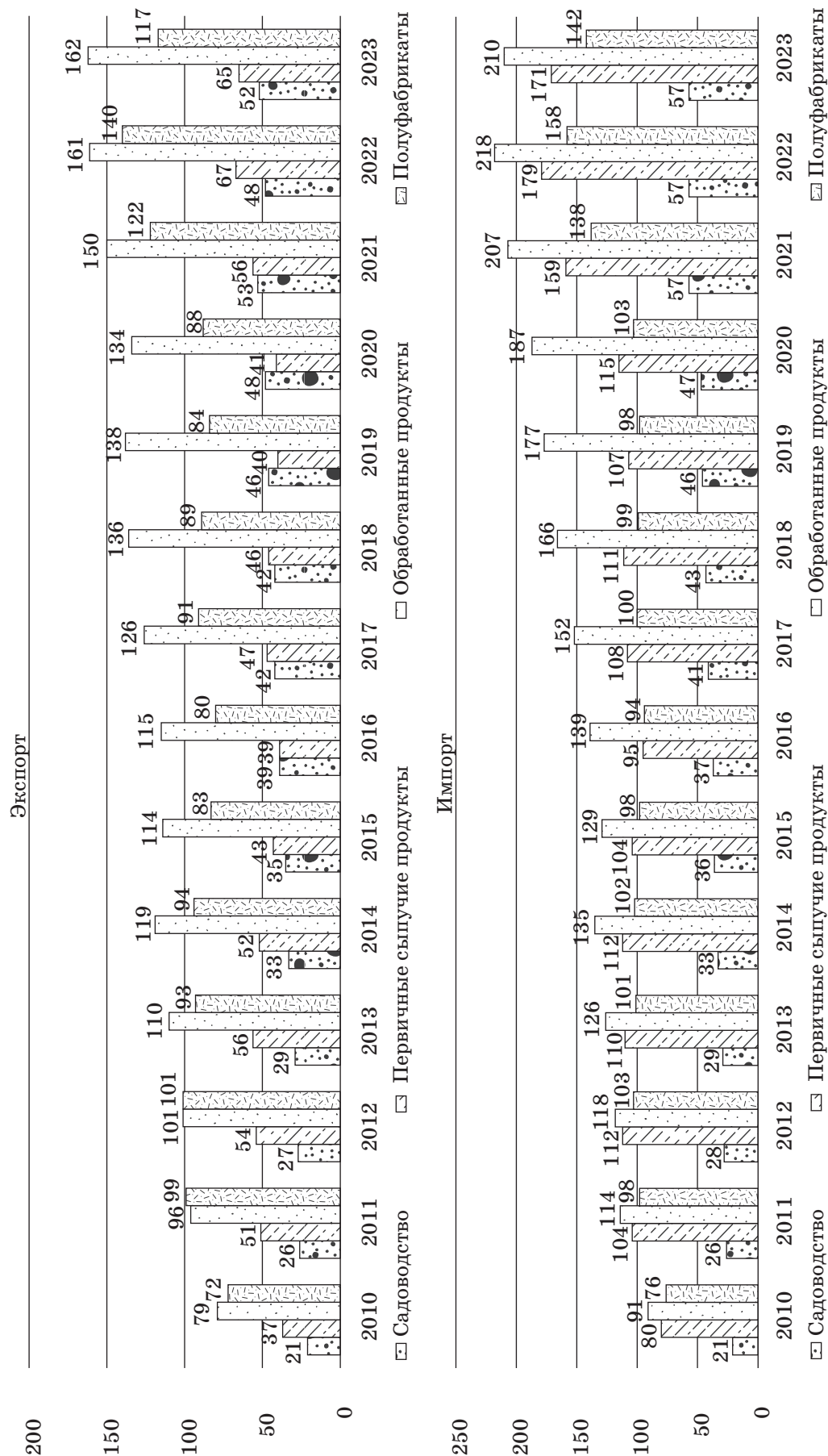

Рис. 5. Динамика структуры торговли агропродовольственной продукцией стран Азии,

в млн долл. США

Источник: https://www.wto.org/english/tratop_e/agric_e/ag_imp_exp_charts_e.htm

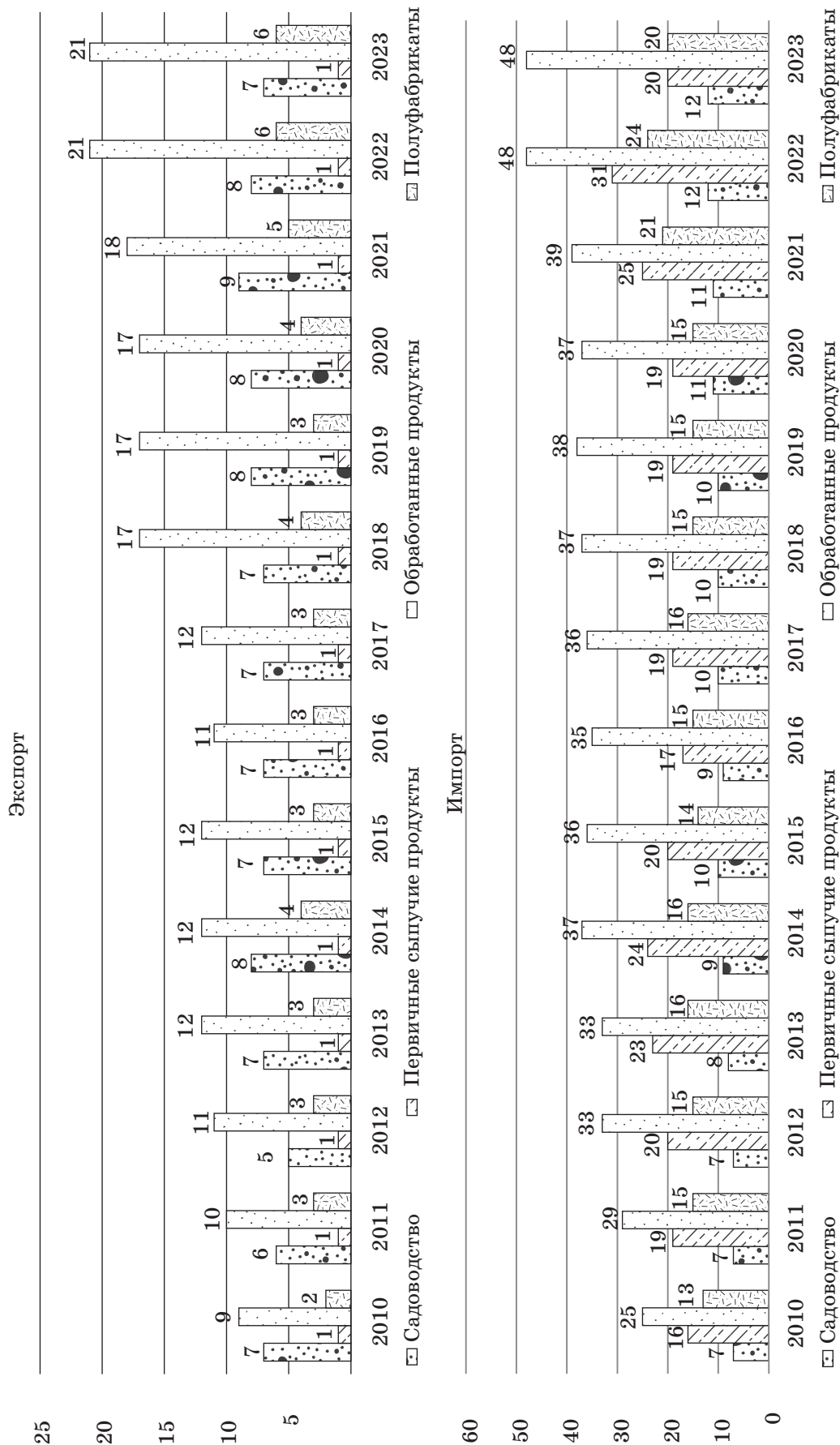

Рис. 6. Динамика структуры торговли агропродовольственной продукцией стран Ближнего Востока, млн долл. США

Источник: https://www.wto.org/english/tratop_e/agric_e/ag_imp_exp_charts_e.htm

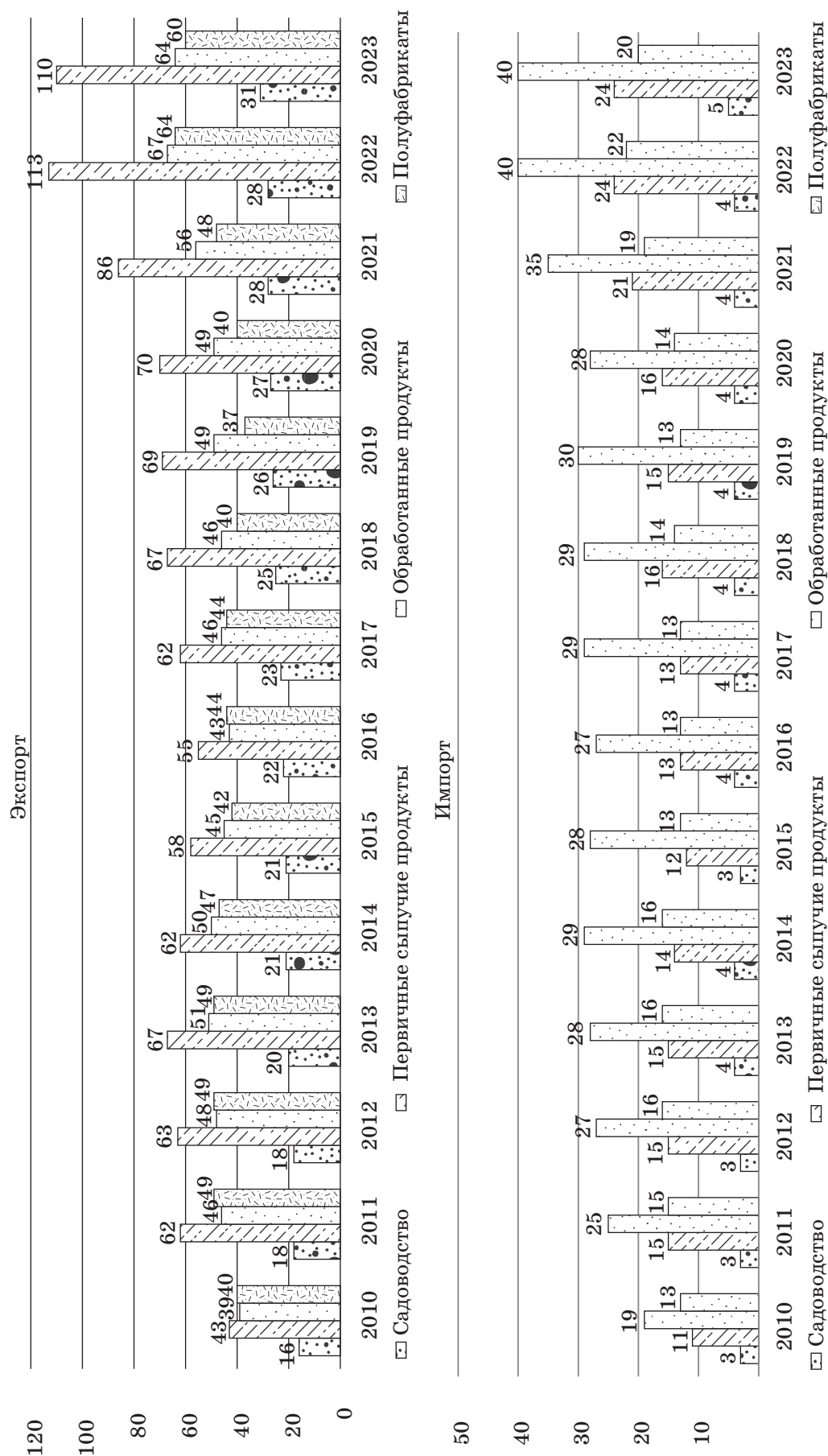

Рис. 7. Динамика структуры торговли агропродовольственной продукцией стран Южной Америки, млн долл. США

Источник: https://www.wto.org/english/tratop_e/agric_e/ag_imp_exp_charts_e.htm

витие 46 стран Африки с 1999 по 2020 г. подтверждают выводы о том, что экспорт сельхозсырья положительно сказывается на устойчивом развитии африканских стран, и процесс диверсификации экспорта — это необходимость, обусловленная стремлением к устойчивому развитию государств [18].

Исходя из представленных данных, можно сделать вывод о том, что экспорт свежих фруктов и овощей (садоводство) имеет тенденцию к увеличению, а значит, на него есть спрос в странах Запада. Например, в США в январе 2026 года Министерство здравоохранения и Министерство сельского хозяйства представили пересмотренные федеральные рекомендации по питанию (*Dietary Guidelines for Americans 2025–2030*), которые делают акцент на цельную пищу (овощи, фрукты, белок, цельнозерновые, полезные жиры), а не переработанную. Согласно данным статистической службы Европейского союза Eurostat, по уровню ежедневного потребления фруктов лидируют Италия, Португалия и Испания, а по количеству потребления овощей — Ирландия, Бельгия и Италия.

Эта тенденция позволяет странам Африки, несмотря на технологическую отсталость, климатические проблемы, быть значимым участником глобального аграрного рынка, а это, в свою очередь, отражается на росте ПИИ в аграрный сектор экономики некоторых африканских государств [11].

Азия является самым динамичным и противоречивым регионом в мировой агропродовольственной торговле. В Азии сосредоточены крупнейшие в мире импортеры и быстрорастущие экспортеры, что создает уникальную и сложную торговую структуру.

Анализ динамики структуры товарооборота агропродовольственной продукции стран Азии указывает на доминирование торговли базовыми сельхозтоварами и на наращивание экспорта переработанной продукции, продуктов с добавленной стоимостью и полуфабрикатов в ряде стран; наблюдается цифровизация торговли и логистики, продвижение устойчивых практик. Нехватка пахотных земель и водных ресурсов в большинстве густонаселенных

стран ограничивает возможности для наращивания производства. Импорт азиатских стран диверсифицирован и ориентирован на продукты высокого качества. Однако, как отмечают исследователи Meixiu Cheng и Yangfen Chen, нетарифные изменения, связанные с соглашениями о свободной торговле, оказывают негативное влияние на экспорт сельскохозяйственной продукции именно в развитые страны, в то время как в торговле с развивающимися странами нетарифные изменения оказывают стимулирующее воздействие для развития аграрного бизнеса стран Азии [13]. Peihua Zhao и Shuxian Gao также отмечают, что «зеленые» инновации при покупке-продаже сельскохозяйственной продукции не могут однозначно стимулировать развитие аграрного экспорта, иногда они выступают в качестве экологических торговых барьеров [15], которые возможно преодолеть с помощью финансовой поддержки отрасли со стороны государства [17].

Страны Ближнего Востока представляют собой один из наиболее зависимых от импорта продовольствия регионов мира. Это обусловлено объективными природно-климатическими факторами — засушливый климат, ограниченность водных и земельных ресурсов. В результате динамика и структура их агропродовольственной торговли имеют уникальные черты, определяемые геополитикой, демографией и экономикой.

Некоторые страны, не имеющие нефти, и страны Персидского залива, стремясь диверсифицировать экономику, развивают собственный агроэкспорт, ориентированный на продукты с высокой добавленной стоимостью. Ключевым трендом является переход от пассивного импорта к стратегическому управлению продовольственными рисками через диверсификацию поставщиков, зарубежные инвестиции и развитие высокотехнологичного локального производства. Однако, как отмечают исследователи, «зеленые» технологии и «зеленые» инновации для стран Ближнего Востока выступают в качестве технических барьеров в торговле сельскохозяйственной продукцией с развитыми странами [13], и только финансовая поддержка может способствовать увеличению

регионального экспорта сельскохозяйственной продукции [10].

Южная Америка утвердилась в роли незаменимого поставщика продовольствия для растущего населения мира, особенно для Азии. Динамика ее торговли характеризуется мощным экспортным ростом, основанным на богатых природных ресурсах.

Страны региона постепенно, хотя и медленно, наращивают экспорт продуктов с более высокой добавленной стоимостью, а не только сырья. Импорт относительно невелик и сосредоточен на продуктах, которые не производятся в регионе или производятся в недостаточном количестве. Как отмечают исследователи (Diana Giraldo, David Ríos, Carlos Navarro-Racines, Kemly Camacho, Armando Martínez-Valle, Steven D. Prager, Diego Obando, Carlos Zelaya, Deissy Martínez-Baron, Ángel G. Muñoz, Julian Ramirez-Villegas), которые провели анализ развития таких стран, как Гватемала, Гондурас, Никарагуа и Колумбия, будущее развитие региона зависит от решения таких серьезных структурных проблем, как переход к устойчивому и интенсивному сельскому хозяйству, преодоление логистических ограничений и адаптация к изменению климата [9]. Успех в этом определит не только процветание самого региона, но и стабильность глобальной продовольственной системы.

В течение следующего десятилетия прогнозируется, что стоимость мирового потребления сельскохозяйственной продукции и рыбы вырастет на 13% по сравнению с текущим уровнем в постоянных долларах США, при этом почти весь дополнительный объем потребления, как ожидается, будет приходиться на страны со средним и низким уровнем дохода. Этот рост будет в первую очередь обусловлен ростом более обеспеченного и все более урбанизированного населения в этих регионах. На рисунке 8 показано, как страны с разным уровнем дохода распределяют сельскохозяйственную продукцию и рыбу между продуктами питания, кормами, биотопливом и другими видами промышленного использования. Среди них продукты питания остаются основным фактором, определяющим мировой спрос на сельскохозяйственную продукцию.

Колебание цен на энергоресурсы также оказалось значимым фактором, влияющим на себестоимость сельскохозяйственной продукции, что наглядно видно на рис. 9. Фермерские хозяйства не в силах сдерживать рост цен на продукцию, поэтому только государство может регулировать цены благодаря обеспечению бесперебойных поставок как электроэнергии, так и топлива для того, чтобы не допустить роста потребительских цен.

Принятие новых торговых соглашений или противоречивых мер может привести к неожиданным последствиям для стран-производителей. Либерализация торговли в одной стране может подтолкнуть другие государства к защите своих производителей, создавая тем самым барьер для международного обмена. Аграрные дотации и субсидии также имеют существенное значение, поскольку они могут исказить рынок, притягивая внимание к определенным товарам, что в свою очередь меняет структуру спроса и предложения.

Прогнозируется, что в течение следующего десятилетия валовая стоимость мирового сельскохозяйственного производства (измеряемая в постоянных долларах США) увеличится на 14% и достигнет 3,96 триллиона долларов США в 2034 году. Основными источниками сельскохозяйственного роста продукции на экспортных рынках останутся страны Восточной Азии, Южной и Юго-Восточной Азии, Африки к югу от Сахары и Латинской Америки (рис. 10), обеспечивая 83% роста мирового производства по сравнению с 79% в предыдущем десятилетии.

Азиатско-Тихоокеанский регион имеет особое значение для будущего мирового сельскохозяйственного производства и, как ожидается, обеспечит 54% дополнительного мирового производства. Ожидается, что Индия возглавит рост в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на ее долю придется 40% прироста в регионе, за ней последует Китай, который, несмотря на снижение своей роли, все еще внесет значительный вклад. Значительная доля роста мирового сельскохозяйственного производства также ожидается в Латинской Америке и Карибском бассейне, хотя значимость этого региона снизится.

Рис. 8. Использование сельскохозяйственной продукции по видам и группам доходов

Примечание. Значения измерены в постоянных долларах США за период 2014–2016 гг.

Источник: ОЭСР/ФАО (2025), «Обзор сельскохозяйственного сектора ОЭСР-ФАО», статистика сельского хозяйства ОЭСР (база данных), <http://data-explorer.oecd.org/s/1hc>.

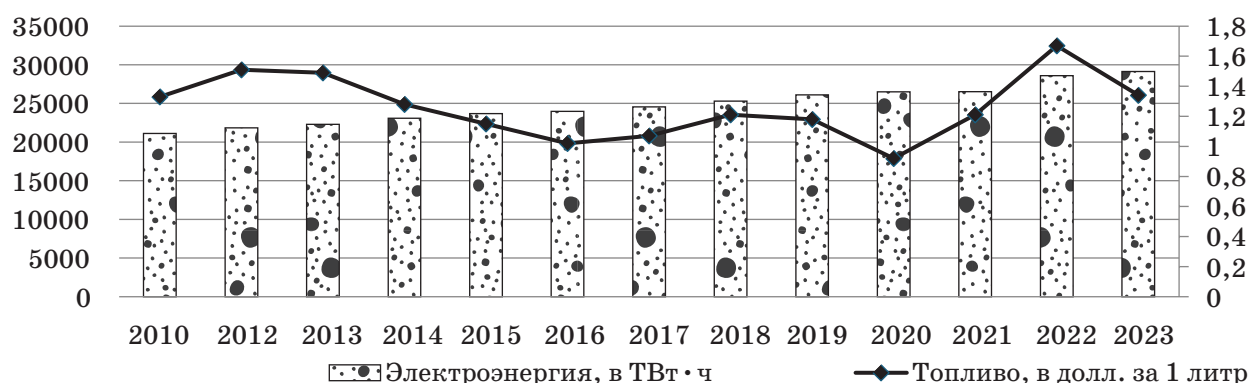

Рис. 9. Динамика цен на основные энергоресурсы (топливо, электроэнергия)

Источник: <https://statbase.ru/>

Прогнозируется, что общий объем производства зерновых культур будет расти примерно на 1,1% в год, как и в предыдущем десятилетии, достигнув 3,2 млрд тонн в 2034 году. Учитывая различия в темпах роста урожайности, прогнозируется, что страны с низким и средним уровнем дохода достигнут темпов роста производства зерновых примерно в 2,4 раза выше, чем в других странах с более высоким уровнем дохода. Прогнозируется, что страны Латинской Америки и Карибского бассейна достигнут относительно высоких темпов роста производства (1,8% в год) благодаря увеличению инвестиций в сельскохозяйственные технологии и инфраструктуру.

В Африке высокий рост производства (2,3% в год) обусловлен значительным повышением урожайности, отражающим усилия по модернизации сельского хозяйства. В Северной Америке рост урожайности будет поддерживать увеличение производства примерно на 0,6% в год, поскольку площадь посевов увеличится лишь незначительно. В связи с политикой устойчивого развития и земельными ограничениями в Европе прогнозируется стабильная сельскохозяйственная ситуация с умеренным увеличением урожайности и ежегодным ростом производства на 0,8%. В Океании и Азии планируется умеренный рост общего производства зерновых на 1,2 и 0,9% в год.

соответственно. На ближайшее десятилетие сельскохозяйственное производство будет расширяться в России, Пакистане,

Канаде, США, Аргентине. Индия, Китай и Европейский союз все вместе будет производить 46% пшеницы (рис. 11).

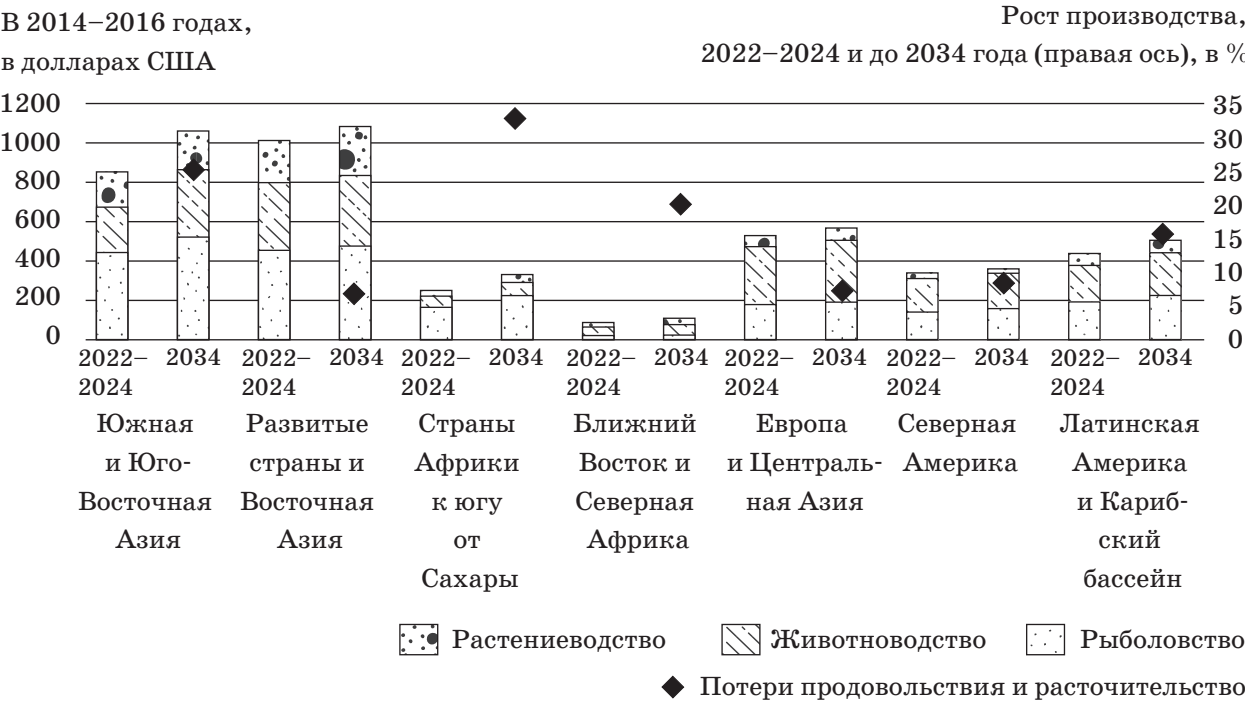

Рис. 10. Тенденции мирового сельскохозяйственного производства

Примечание: Значения измерены в постоянных долларах США за период 2014–2016 гг.

Источник: ОЭСР/ФАО (2025), «Сельскохозяйственный прогноз ОЭСР-ФАО», Статистика сельского хозяйства ОЭСР (база данных), <http://data-explorer.oecd.org/s/1hc>.

Остальной мир 36%	Остальной мир 28%	Остальной мир 49%	Остальной мир 33%
США 6%	Европа-27 5%	Европа 5%	Таиланд 4%
Россия 12%	Аргентина 5%	Австралия 5%	Вьетнам 5%
Европа-27 15%	Бразилия 11%	Индия 7%	Индонезия 6%
Индия 15%	Китай 22%	Россия 9%	Китай 25%
Китай 16%	США 29%	Европа-27 25%	Индия 27%
Пшеница	Маис	Другие зерновые	Рис

Рис. 11. Концентрация мирового производства зерновых в 2034 году (прогноз)

Примечание: Представленные цифры отражают долю в общемировых показателях.

Источник: ОЭСР/ФАО (2025), «Обзор сельскохозяйственного сектора ОЭСР-ФАО», статистика сельского хозяйства ОЭСР (база данных), <http://data-explorer.oecd.org/s/1hc>.

Международная торговля зерновыми культурами в целом в ближайшее время будет иметь тенденцию к росту. На это влияет традиционно высокий спрос на зер-

новые и корма в странах Азии и Африки, где рост населения сейчас показывает положительную динамику. Есть мнение, что к 2050 году каждый четвёртый жи-

тель Земли будет африканцем, в том числе до 25 лет — каждый третий, а в Азии и Африке будут проживать 4/5 населения планеты. Они дадут 93% общемирового

прироста населения. Тенденция увеличения экспорта зерновых будет лидирующей в сравнении с другими продуктами питания на ближайшее десятилетие.

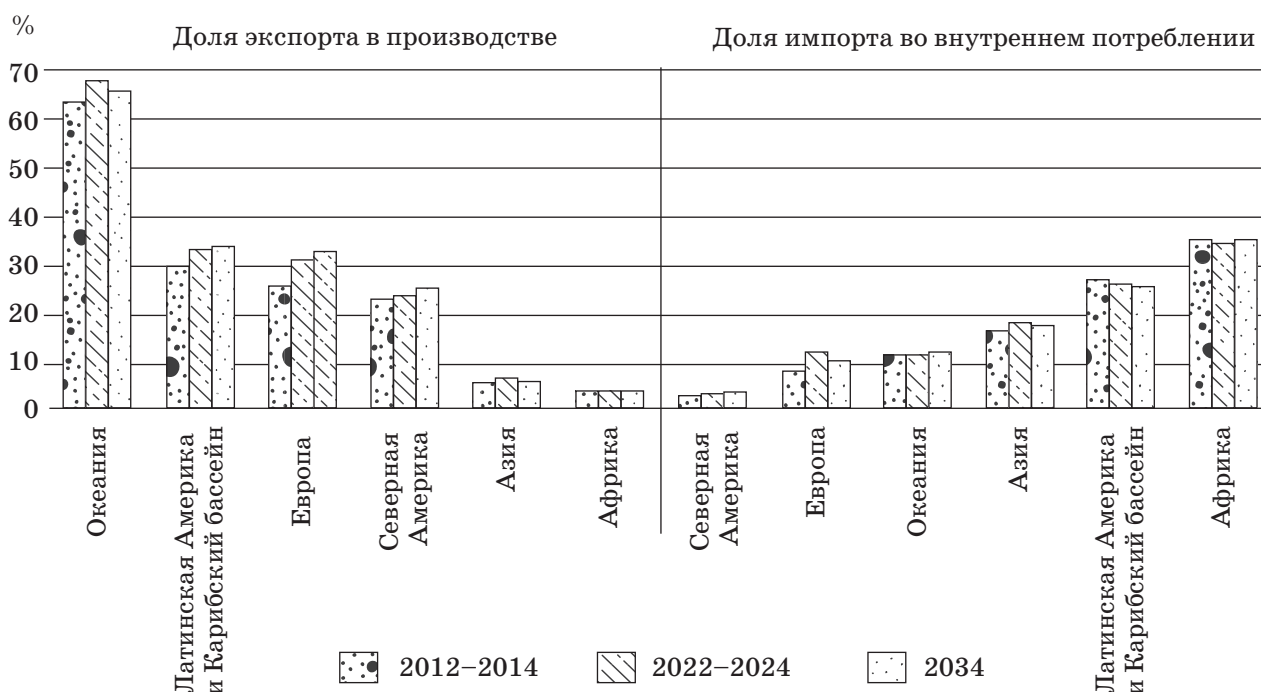

Рис. 12. Торговля зерновыми в процентах от производства и потребления

Источник: ОЭСР/ФАО (2025), «Обзор сельскохозяйственного сектора ОЭСР-ФАО», Статистика сельского хозяйства ОЭСР (база данных), <http://data-explorer.oecd.org/s/1hc>

Рисунок 12 показывает, что рост торговли зерновыми культурами к 2034 году будет обеспечен странами ЛАКБ, Европы, Северной Америки, в то время как Океания, Азия и Африка либо останутся на том же уровне, либо незначительно сократят свои поставки на экспорт. Прогноз относительно импорта практически у всех представленных на рисунке стран иллюстрирует тенденцию к его увеличению либо сохранению на прежних позициях в сравнении с предыдущими десятилетиями.

Инвесторы, принимая во внимание текущие экономические условия, должны заботиться о диверсификации своих рисков и адаптации к внешним вызовам. Сложности в аграрном экспорте также связаны с комплексом торговых барьеров, которые периодически выставляют те или иные страны с целью защиты национального производителя от зарубежных конкурентов [20]. Не всегда сложившаяся система торговых соглашений может снизить напряженность на мировом рынке сельскохозяйственной продукции.

Страны в лице своих правительств и международных организаций должны очень гибко реагировать на сложившуюся систему отношений как в политическом, так и экономическом плане, поскольку эти направления развития стран сегодня взаимосвязаны.

Заключение

Развивающиеся страны сталкиваются с множеством проблем, затрудняющих их участие в международной торговле агропродовольственной продукцией. Одной из главных проблем является рост протекционизма, который проявляется во введении тарифов и квот на импорт. Эта политика может привести к ограничению доступа местных производителей на зарубежные рынки, что особенно болезненно сказывается на странах, стремящихся увеличить объемы экспорта. Политическая нестабильность также существенно влияет на торговлю. Политическая обстановка будет иметь решающее значение.

Акцент на усилении политики устойчивого развития в сельскохозяйственном секторе (например, Европейский зеленый пакт), а также политика, благоприятствующая производству биотоплива, могут еще больше ужесточить рынки зерновых в предстоящем десятилетии. Меры политики Китая, направленные на повышение самообеспеченности и снижение зависимости от импорта, могут вызвать непредсказуемые изменения спроса на зерновые и в глобальных торговых моделях. Альтернативные торговые политики также могут спровоцировать рыночные реакции и изменить торговые потоки, балансы и цены. Увеличение зависимости от импорта зерна в ряде стран, особенно в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, как прогнозируется в данном обзоре, повысит их уязвимость к постоянным сбоям в торговле, которые не всегда могут быть полностью компенсированы внутренними запасами или увеличением производства. Поэтому функционирующая и надежная торговая система является ключевым фактором продовольственной безопасности в таких регионах. Современные тенденции свидетельствуют о неуклонной положительной динамике в пользу продукции с более высокой добавленной стоимостью, хотя по некоторым странам есть исключения. Для стабильного развития аграрного экспорта, независимо от того, будут ли это свежие овощи и фрукты или переработанная продукция, имеет значение преодоление серьезных структурных проблем, характерных для развивающихся стран. Это модернизация аграрного сектора, всех его производственных цепочек, внедрение цифровизации с целью развития «умного» сельского хозяйства, развитие логистики и инфраструктуры в целом. Но не стоит сбрасывать со счетов для обеспечения конкурентоспособности развивающихся стран на мировом рынке сельхозпродукции такие факторы, как внешнеторговое сотрудничество и преодоление таможенных барьеров, государственное регулирование цен, энергетическая безопасность и политическая стабильность. В целом, наше исследование показало, что развитие аграрного экспорта неизбежно и в дальнейшем, но для улучшения позиций развивающихся

стран на мировом рынке необходимо преодоление вызовов и барьеров как на региональных, так и на государственных уровнях.

Список литературы

1. Булавина М.А. Перспективы военной безопасности России в существующей геополитической конъюнктуре / М.А. Булавина, С.О. Новосельский // Межгосударственное противоборство в условиях глобализации и его влияние на управление национальной обороной Российской Федерации. — М., 2023. — С. 105–112.
2. Жилияков Д.И. Анализ функционирования системы образования в сельских территориях региона / Д.И. Жилияков, С.О. Новосельский, Ю.В. Лисицина, П.О. Коротков, Т.О. Оласунканми // International Agricultural Journal. — 2022. — Т. 65. — № 2.
3. Новосельский С.О. Роль оценки активов в процессе обеспечения финансовой устойчивости предприятий АПК / С.О. Новосельский, М. Евдокимова // Научное обеспечение агропромышленного производства: материалы Международной научно-практической конференции / Курская ГСХА. — 2014. — С. 258–260.
4. Новосельский С.О. Социально-экономическое развитие сельских территорий с учетом принципов «зеленой» экономики / С.О. Новосельский, Д.И. Жилияков, И.П. Салтык, И.А. Рашидова, Р.Г. Хащина, И.С. Пожилов // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. — 2023. — № 7. — С. 216–224.
5. Слоботчиков О.Н. Консерватизм цивилизационных ценностей как необходимость сохранения гармоничного мира // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 2.
6. Слоботчиков О.Н. Философия русского радикализма: история и современность / О.Н. Слоботчиков, М.С. Зайцев, Е.В. Афанасьева // Феномен роста популярности радикальных политических движений в Европе: причины и перспективы. В 2 ч. — М., 2018. — С. 124–130.
7. Слуцкий Л.Э. Матрица выравнивания структурных диспропорций в социально-экономическом положении регионов России / Л.Э. Слуцкий, М.И. Кротов, В.И. Мунтиян // Проблемы современной экономики. — 2024. — № 1(89). — С. 6–21.
8. Слуцкий Л.Э. О некоторых итогах евразийской интеграции (вступительное слово) // Про-

- блемы современной экономики. — 2018. — № 4(68). — С. 6.
9. *Chakradhar J., Ganguly A., Choudhury R.N., Jadhav P.* Trade policy uncertainty and agricultural exports: The mitigating roles of RTA and liberal democracies // *Transnational Corporations Review*. — 2025. — Vol. 17. — No 4. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1925209925000531>.
 10. *Giraldo D., Ríos D., Navarro-Racines C., Camacho K., Martínez-Valle A., Prager S.D., Obando D., Zelaya C., Martínez-Baron D., Muñoz A.G., Ramirez-Villegas J.* Local to regional-scale mechanisms behind successful climate services for agriculture in Latin America // *Climate Risk Management*. — 2025. — Vol. 49. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S221209632500035X>.
 11. *Mabeta J., Smutka L., Mrkvička T.* Impact of foreign direct investment on agricultural production and exports of SADC countries // *Social Sciences & Humanities Open*. — 2025. — Vol. 11. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S259029112500227X>.
 12. *Meixiu Cheng, Yangfen Chen.* The differential effect of tariffs and non-tariff changes on agricultural exports: evidence from China's RTAs // *China Agricultural Economic Review*. — 2025. — Vol. 17. — No 4. — P. 679–696. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1756137X25000152>.
 13. *Muxia Li.* The impact of green technical barriers to trade on green innovation strategies of Chinese exporting companies // *International Review of Economics & Finance*. — 2025. — Vol. 104. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1059056025008858>.
 14. *Myshko A., Checchinato F., Colapinto C., Finotto V., Mauracher Chr.* Towards the twin transition in the agri-food sector? Framing the current debate on sustainability and digitalization // *Journal of Cleaner Production*. — 2024. — Vol. 452. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0959652624015117>.
 15. *Peihua Zhao, Shuxian Gao.* Green trade barriers, financial support and agricultural exports, // *International Review of Economics & Finance*. — 2025. — Vol. 97. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1059056024007500>.
 16. *Pojić M., Xianglu Zhu, Tiwari B.K.* Overview of the agri-food sector and its key challenges // *Innovative Biorefinery Processes for Agri-Food Value Chains*. — 2025. — P. 21–32. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/chapter/edited-volume/abs/pii/B9780443288104000177>.
 17. *Reaz Md., Bowyer D., Vitale C., Mahi M., Dahir A.M.* The nexus of agricultural exports and performance in Malaysia: a dynamic panel data approach // *Journal of Agribusiness in Developing and Emerging Economies*. — 2020. — Vol. 10. — No 5. — P. 545–556. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2044083920000485>.
 18. *Taofeekat Temitope Nofiu, Rashidat Sumbola Akande, Hauwah K.K. Abdulkareem, Sodiq Olaiwola Jimoh.* Does the relative size of agricultural exports matter for sustainable development? Evidence from Sub-Saharan Africa // *World Development Sustainability*. — 2025. — Vol. 6. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2772655X25000114>.
 19. *Vargas-Canales J.M., Sánchez-Torres Y., Estrada S., Orozco-Cirilo S., Valdes-Cobos A., de Gortari-Rabiela R., Ayanegui-Méndez S.R.* The future of the agri-food sector and agribusiness // *Journal of Agriculture and Food Research*. — 2025. — Vol. 24. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666154325008920>.
 20. *Wiig A., Kolstad I.* Lowering barriers to agricultural exports through technical assistance // *Food Policy*. — 2005. — Vol. 30. — No 2. — P. 185–204. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0306919205000230>.
 21. *Xuejun Wang, Zhi Cao, Liang Xu.* Economic impact of agricultural trade liberalization under the CPTPP and China's policy response // *Journal of Asian Economics*. — 2025. — Vol. 100. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S104900782500137X>.

С.О. Новосельский

кандидат экономических наук, доцент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
E-mail: nsvyatoslav@yandex.ru

А.В. Шлеенко

кандидат экономических наук, доцент,
Юго-Западный государственный университет, Курск
E-mail: shleenko77@mail.ru

М.М. Ищенко

кандидат экономических наук, доцент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
E-mail: mmargo.i@mail.ru

О.В. Брикетова

магистрант,
Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: briketova_olga07@mail.ru

КАДРОВЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В БЮДЖЕТНЫХ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

S.O. Novoselsky

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
E-mail: nsvyatoslav@yandex.ru

A.V. Shleenko

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
South-West State University, Kursk
E-mail: shleenko77@mail.ru

M.M. Ishchenko

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
E-mail: mmargo.i@mail.ru

O.V. Briketova

Postgraduate student,
Moscow Regional Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow
E-mail: briketova_olga07@mail.ru

HR MANAGEMENT IN PUBLICLY FUNDED PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Аннотация. В статье рассмотрены особенности организации кадрового менеджмента в бюджетных дошкольных учреждениях с учетом специфики профильной деятельности. Управление персоналом в образовательных организациях достаточно сильно отличается от механизма кадрового менеджмента, используемого в коммерческих структурах. Эффективность функционирования учреждений сферы образования оценивается не по объему аккумулированной прибыли, а по качеству сформированного социального эффекта, величина которого определяется на основе использования широкого спектра показателей. В основе оценки социальной эффективности может находиться как ряд количественных критериев, обладающих повышенным уровнем релевантности, так и набор качественных характеристик, формируемых на основе диагностики мнений

представителей местного сообщества. Выделенная особенность оказывает существенное влияние на построение действенной системы управления персоналом дошкольной образовательной организации. Выполнение социальных функций, присущее образовательным учреждениям, транслируется и на систему кадрового менеджмента, представители которой должны учитывать специфику деятельности организации при поиске инструментов влияния на человеческий капитал. Одной из ключевых особенностей является бесспорное преобладание нематериального стимулирования над приемами материального поощрения трудовой активности, применение которых ограничено условиями бюджетного финансирования. Большие возможности заложены в развитии вовлеченности персонала и построении благоприятного морально-психологического климата на основе регулярного применения классических методов в области корпоративной идентичности и командообразования. Вовлеченность работника образовательного учреждения в трудовой процесс не только снижает риски некачественного выполнения трудовых обязанностей, но и создает базис для роста творческой активности, обеспечивающей разработку инновационных педагогических приемов.

Ключевые слова: кадровый менеджмент, управление персоналом, образовательные организации, бюджетные учреждения, вовлеченность.

Abstract. This article examines the specifics of HR management in publicly funded preschool institutions, taking into account the specific nature of their core activities. Human resource management in educational institutions differs significantly from the HR management mechanisms used in commercial structures. The performance of educational institutions is assessed not by the volume of accumulated profits, but by the quality of the social impact achieved, the magnitude of which is determined using a wide range of indicators. Social performance assessments can be based on a range of quantitative criteria with a high level of relevance, as well as a set of qualitative characteristics formed by assessing the opinions of local community representatives. This particular characteristic has a significant impact on the development of an effective HR management system for preschool educational institutions. The social functions inherent in educational institutions are also reflected in the HR management system, whose representatives must consider the specific nature of the organization's activities when seeking tools to influence human capital. One of the key features is the clear predominance of non-material incentives over material rewards for work activity, the use of which is limited by budgetary funding. Significant opportunities lie in developing employee engagement and creating a favorable moral and psychological climate, based on the regular application of a set of classic methods in the areas of corporate identity and teambuilding. Involvement of educational institution employees in the work process not only reduces the risk of poor performance but also creates a foundation for increased creativity, enabling the development of innovative teaching methods.

Key words: HR management, personnel management, educational organizations, public institutions, engagement.

Актуальность этой работы обусловлена значимостью управления персоналом для обеспечения социально-экономической эффективности функционирования организации любого институционального формата. Для предприятий коммерческого типа ключевая цель состоит в получении прибыли и максимизации её величины, что напрямую зависит от производительности труда и ресурсоотдачи человеческого капитала. Базовые цели функционирования некоммерческих организаций состоят в достижении социальных эффектов, что в значительной степени коррелирует с качеством выполнения трудовых функций

сотрудниками. В этой связи эффективное функционирование системы кадрового менеджмента всегда обладает повышенной значимостью, так как закладывает базис для достижения целевых ориентиров реализуемых социально-экономических процессов. Для существующей конъюнктуры рынка труда характерна большая текучесть в отношении сотрудников образовательных учреждений, которая формирует широкий спектр вызовов как для руководства, так и для кадровых служб в области удержания квалифицированных педагогов. Кроме того, специфика трудовой деятельности сотрудников требует постоян-

ного совершенствования педагогических компетенций, актуальных для достижения результатов в рамках образовательного процесса, что также должно быть отражено в пространстве кадрового менеджмента. Текущие особенности рынка труда и присутствующие трансформации в обществе, в том числе связанные с цифровизацией, оказывают значительное влияние на механизмы управления персоналом, что требует от представителей кадрового менеджмента поиска новых и более эффективных инструментов воздействия. Таким образом, ведение трудовой деятельности в дошкольных образовательных учреждениях имеет широкий спектр отличительных особенностей, которые должны быть учтены при разработке инструментов управления персоналом для достижения максимальных социальных эффектов, исключения общественных рисков и профессионального развития педагогического состава.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей и уточнении методических аспектов управления персоналом в бюджетных дошкольных образовательных учреждениях. При этом решаются следующие задачи:

- выделить особенности управления персоналом в дошкольных образовательных организациях;
- систематизировать методы организации кадрового менеджмента в бюджетных организациях дошкольного образовательного типа;
- разработать модель управления персоналом в образовательных организациях на основе системы менеджмента качества.

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении особенностей построения кадрового менеджмента в образовательных учреждениях дошкольного типа.

Практическая значимость исследования заключается в расширении методологического инструментария, который может быть использован для совершенствования управления персоналом в бюджетных образовательных организациях.

Методологическую основу исследования составляют диалектический метод, методы анализа, синтеза, индукции, де-

дукции, сравнения, а также формально-правовой метод.

Результаты и обсуждение

Управление персоналом в бюджетных дошкольных организациях обладает рядом особенностей, которые коррелируют со спецификой деятельности учреждения. В этой связи нельзя не согласиться с позицией И.В. Размахова, который пишет о том, что управление персоналом в образовательных организациях достаточно сильно отличается от механизма кадрового менеджмента, используемого в коммерческих структурах [30, с. 45]. Ключевая отличающая характеристика состоит в том, что эффективность функционирования учреждений сферы образования оценивается не по объему аккумулированной прибыли, а по качеству сформированного социального эффекта, величина которого определяется на основе использования широкого спектра показателей. А.М. Андреева и Е.А. Яковлева в числе основных особенностей кадрового менеджмента в данном аспекте рассматривают, во-первых, государственное регулирование, которое заключается в активном участии органов государственной власти во всех процессах, связанных с управлением персоналом и осуществлением трудовой деятельности, во-вторых, управленческий консерватизм, проявляющийся в использовании традиционных методов воздействия на сотрудников при минимальной интеграции передовых инструментов, отвечающих текущим социально-экономическим трансформациям [2, с. 7]. В.А. Анохина считает, что ключевой особенностью управления персоналом в дошкольных образовательных организациях (ДОО) является социальный характер их деятельности [3, с. 25; 4, с. 28]. С.О. Ряжских также разделяет данную точку зрения и акцентирует внимание на том, что выполнение социальных функций, присущее образовательным учреждениям, транслируется и на систему кадрового менеджмента, представители которой должны учитывать специфику деятельности организации при поиске инструментов влияния на человеческий капитал [31, с. 290]. В контексте данных особенностей

использование инструментов кадрового менеджмента обладает рядом ограничений:

- материальное стимулирование не может быть привязано к показателям маржинальности, так как цель деятельности организации исключает достижение прибыли;
- интенсивность ведения трудовой деятельности обеспечивается использованием дополнительных стимулирующих надбавок, доля которых в общей величине оплаты труда незначительна;
- ключевым стимулом качественного выполнения трудовых функций является персональная осознанная социальная ответственность сотрудников перед обществом [34, с. 50].

Аналогичного мнения придерживается и И.А. Подлесных, которая пишет о том, что одной из ключевых особенностей является бесспорное преобладание нематериального стимулирования над приемами материального поощрения трудовой активности, применение которых ограничено условиями бюджетного финансирования [27, с. 11].

Л.А. Амирова и Л.В. Сюникаева в своей публикации поднимают проблему использования инновационных методов кадрового менеджмента при управлении персоналом в ДОО [1, с. 237]. Существующая система управления персоналом в ДОО отличается значительным уровнем консерватизма и малой восприимчивостью к внедрению инновационных инструментов. В то же время объективно существующие социально-экономические трансформации в обществе требуют использования передовых подходов в управлении человеческим капиталом. Кроме того, консерватизм в системе кадрового менеджмента снижает привлекательность трудовой деятельности в ДОО для молодых кадров.

Рассматривая особенности управления персоналом в ДОО, А.В. Марков и Н.В. Александров акцентируют внимание на присутствии жестких квалификационных требований к персоналу [22, с. 276]. Данная особенность накладывает существенный отпечаток на функционирование системы кадрового менеджмента

та в дошкольных учреждениях, так как привлекать к трудовой деятельности необходимо только специалистов, имеющих профильное образование. Мнение Н.В. Фатеевой по данному вопросу состоит в том, что специфика трудовой деятельности сотрудников требует постоянного совершенствования педагогических компетенций, актуальных для достижения результатов в рамках образовательного процесса, что также должно быть отражено в пространстве кадрового менеджмента [39, с. 465]. Сотрудники ДОО должны обладать документально подтвержденными компетенциями в области педагогической и воспитательной деятельности, так как их труд связан с непосредственным контактом с детьми.

Т.М. Лобойко в перечне наиболее значимых особенностей управления персоналом в ДОО выделяет необходимость использования человекоориентированного подхода [20, с. 102]. Человекоцентричность кадрового менеджмента связана с повышенной сложностью педагогического труда, который требует не только расширенных профессиональных компетенций, но и полного эмоционального погружения в образовательный процесс. Побочным явлением в данном случае можно считать эмоциональное выгорание педагогов, которое значительно снижает качество воспитательно-педагогического процесса. Дополнительные сложности возникают при использовании инклюзивных моделей дошкольного образования, требующих максимального погружения педагога в образовательный процесс. В этой связи современные практики кадрового менеджмента в ДОО разработали комплекс методов эмоциональной разгрузки педагогов, которые желательно массово внедрять в деятельность профильных учреждений [6, с. 58].

В текущих условиях социально-экономического развития важной особенностью управления персоналом в ДОО является перманентный дефицит квалифицированных кадров на рынке труда. К такому мнению приходят в своей статье С.В. Прошлецова и Ю.А. Мальцева, которые отмечают системное превышение спроса над предложением [29, с. 382]. Для существующей конъюнктуры рынка труда характерна

большая текучесть сотрудников образовательных учреждений, которая формирует широкий спектр вызовов как для руководства, так и для кадровых служб в области удержания квалифицированных педагогов. Дефицит педагогических кадров, особенно молодого поколения, является значимой проблемой для кадрового менеджмента, которая требует решения на государственном уровне за счет повышения привлекательности труда педагога, в том числе путем расширения материальной обеспеченности его деятельности.

Правовые аспекты управления персоналом в ДОО также имеют свои особенности в соответствии с нормами действующего законодательства. Основные отличительные черты концентрируются в следующих направлениях:

- нормирование организации труда и времени выполнения трудовых функций;
- регламентация трудовых процессов на основе законодательных норм и внутренних актов;
- предъявление требований к документально подтвержденным компетенциям и уровню образования;
- формирование заработной платы с учетом занимаемой должности, стажа и квалификационного разряда.

Ряд особенностей управления персоналом в ДОО связаны с подбором и отбором сотрудников [23, с. 1].

Имеющимся проблемам при комплектовании кадров также посвящена статья Е.А. Серебренниковой, которая отмечает острый дефицит квалифицированных и ответственных педагогов на рынке труда [33, с. 7]. В этой связи можно назвать следующие сложности, возникающие при решении данной задачи:

- присутствие на рынке труда региона ограниченного круга квалифицированных специалистов, обладающих необходимыми профильными компетенциями для выполнения трудовой деятельности в сфере образования и воспитания детей;
- нежелание молодых специалистов заниматься трудовой деятельностью в рамках ДОО в связи с низкой оплатой труда и непрестижностью про-

фессионального статуса в современном обществе;

- отсутствие в системе кадрового менеджмента профильных сотрудников, способных на качественно высоком уровне выполнять функции отбора и подбора персонала.

Проблему подбора персонала в ДОО поднимает в своей статье и Н.А. Маликова [21, с. 237], при этом дается оценка основных методов отбора персонала: классическое собеседование, анализ квалификационного портфолио, пробное занятие с детьми, кейс-методики и профессиографическое интервью. Основываясь на критерии текучести персонала, Н.А. Маликова пришла к выводу о том, что наиболее эффективными методами отбора являются пробное занятие с детьми, кейс-методики и профессиографическое интервью. В этой связи необходимо отметить, что использование данных методов требует, во-первых, наличия высококвалифицированных специалистов в структуре службы кадрового менеджмента, во-вторых, наличия достаточного времени для проведения отбора, в-третьих, достаточного предложения на рынке труда по данным категориям специалистов. На рисунке 1 представлены особенности управления персоналом в дошкольных образовательных организациях.

Использование цифровых технологий оказывает значимое влияние на процесс управления персоналом в ДОО. Одной из таких технологий является цифровизация аттестации персонала, которая позволяет оперативно оценивать степень выраженности профессиональных компетенций, необходимых для качественного выполнения трудовых функций [7, с. 110].

На функционирование системы управления персоналом в ДОО оказывают влияние как факторы внутренней среды, так и внешние факторы. А.А. Ковшова и В.В. Попова к числу основных внешних относят социально-экономические и правовые факторы, а в категории внутренних называют общеорганизационные, поддерживающие и процессные [16, с. 49]. Факторы внешней среды практически не контролируются руководством ДОО, они в определенном смысле имеют объектив-

ный характер. Единственным инструментом влияния можно считать сигналы обратной связи, характеризующие эффективность воздействия социально-экономических и нормативно-правовых факторов.

Факторы внутренней среды входят в пространство корпоративного менеджмента ДОО, и на них должен быть сделан упор при разработке инструментов управления персоналом.

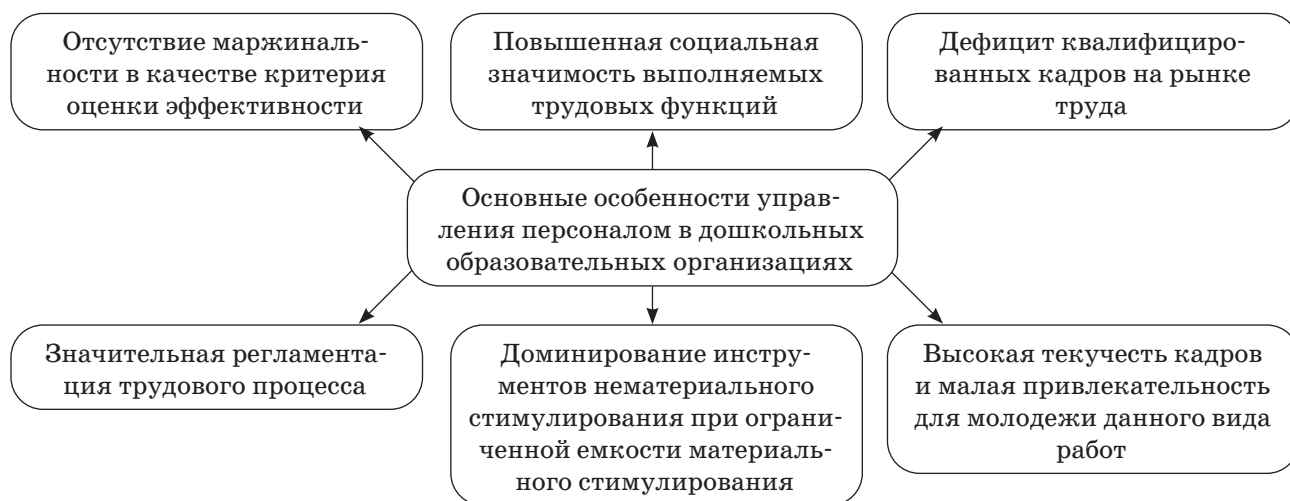

Рис. 1. Основные особенности управления персоналом в дошкольных образовательных организациях

Методика управления персоналом в бюджетных дошкольных образовательных организациях опирается на использование классических методов и инструментов, применение которых корректируется с учетом социальной ориентации выполняемых функций и с исключением маржинальности в качестве определяющей цели. В этой связи, соглашаясь с мнением Л.Ж. Сейдахметовой и К.Ж. Сейтбекова, можно отметить, что любой из методов управления персоналом в ДОО может быть отнесен к одной из трех основных групп:

- административные, связанные с использованием организационно-распорядительного механизма и нормативно-правовой документации для регламентации деятельности сотрудников и ритмичности выполнения ими трудовых функций;
- экономические, в основе которых находятся финансовые инструменты стимулирования трудовой активности;
- социально-психологические, связанные с использованием инструментов нематериального стимулирования и построением благоприятного морально-психологического климата в коллективе, основанного на исклю-

чении межличностных конфликтов и достижении корпоративной идентичности в рамках корпоративной культуры [32, с. 253].

На рисунке 2 представлены группы методов, используемых в системе управления персоналом дошкольных образовательных организаций.

Трансформации социально-экономического пространства и вызовы на рынке труда требуют внедрения инновационных инструментов в пространство кадрового менеджмента. Внедрение инноваций обеспечит:

- применение дифференцированных управленческих подходов к каждой категории персонала;
- создание условий для применения человекоориентированных практик в пространстве кадрового менеджмента;
- создание предпосылок для рационального использования возможностей человеческого капитала.

Реализация каждого метода подразумевает применение определенного набора инструментов, которые также отражены на рисунке. При этом использование тех или иных инструментов воздействия должно происходить с учетом специфики использования персонала в рамках профильной

деятельности ДОО. Использование тех или иных методов требует получения обратной связи от сотрудников учреждения, позволяющей выявить наиболее актуальные проблемы в функционировании системы управления персоналом. Для решений

данной задачи Р.В. Загоскина предлагает проводить регулярное анкетирование среди сотрудников с целью выявления текущих и потенциальных проблем, а также разработки подходов для их оперативного устранения [12, с. 106].

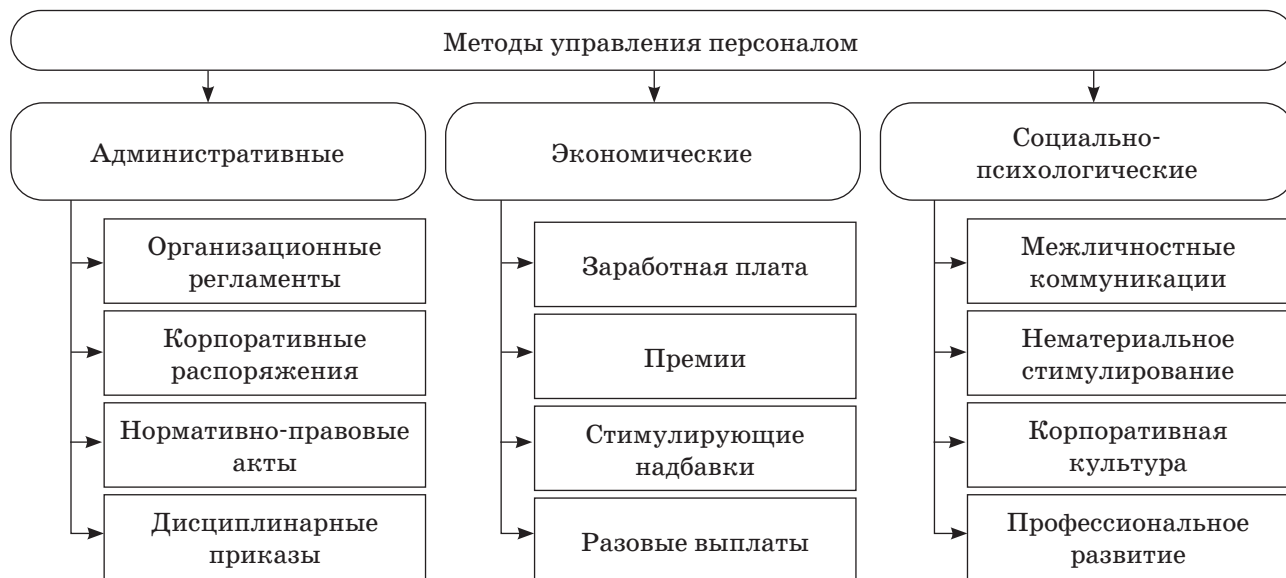

Рис. 2. Группы методов, используемых в системе управления персоналом дошкольных образовательных организаций

Ключевая роль в использовании административного метода принадлежит руководству ДОО. Опираясь на административный аппарат, руководство ДОО должно:

- выстроить оптимальную структуру административного подчинения между руководством и персоналом детского сада;
- сформировать рациональную систему бумажного и электронного документооборота, обеспечивающую своевременность и полноту доведения информации до сотрудников учреждения;
- разработать эффективную модель коммуникаций и управления при соблюдении условий оперативности и обратной связи.

К числу административных методов управления Е.В. Куликова и М.И. Чаплыгина также относят стимулирование сотрудников свободным рабочим временем [19, с. 21]. Отгулы могут быть предоставлены за ведение дополнительной трудовой деятельности в сверхурочное время, а также за достижение высоких результатов при выполнении трудовых обязанностей.

Кроме того, административные регламенты предоставляют возможность получения академического отпуска на время учебы и освоения программ повышения квалификации с сохранением заработной платы.

Нормативно-правовая составляющая административных методов ограничивается составлением внутренних локальных распорядительных документов, которые не должны противоречить положениям действующего законодательства.

Использование административных методов позволяет изменить структуры управления персоналом в ДОО, что позволит повысить рост оперативности и гибкости управления. Использование инновационных структур управления позволяет внедрять в образовательный процесс новые формы обучения воспитанников, что расширяет потенциал воспитательно-педагогической деятельности.

В целом подсистема административных методов управления должна обеспечивать ритмичность деятельности ДОО, пресекать нарушения трудовой дисциплины и непрофессиональное выполнение трудовых обязанностей.

В научной среде повышенное внимание уделяется экономическим методам управления персоналом в ДОО. В статье Л.А. Гагариной и Е.В. Коноваловой отмечается, что руководство ДОО в значительной степени ограничено в использовании экономических методов управления, так как величина заработной платы и стимулирующих надбавок формируется с учетом штатного оклада в соответствии с занимаемой должностью, величина которого устанавливается распоряжениями соответствующих органов государственной власти [10, с. 25]. Наличие дополнительных способов материального стимулирования не позволяет сформировать актуальные мотивы для интенсификации участия в трудовых процессах ввиду их малой финансовой значимости. В этой связи при построении мотивационного механизма приходится оперировать главным образом нематериальными инструментами. В этой связи формируются управленческие альтернативы:

- оптимальное манипулирование доступным объемом инструментов материального стимулирования в виде стимулирующих надбавок, разовых премий, грантов, поощрительных выплат;
- грамотный поиск иных инструментов стимулирования трудовой активности, не связанных с разного рода формами материального вознаграждения.

К числу наиболее действенных инструментов нематериального стимулирования Н.И. Кузнецова относит предоставление возможностей для профессионального развития, дополнительного образования и карьерного роста, вовлеченность в дружный коллектив, обладающий уникальной корпоративной идентичностью, постоянное тиражирование мнения в общественной среде о социальной значимости данного вида труда [18, с. 44]. Каждый из отмеченных инструментов требует проработки и детализации для обеспечения эффективного использования, но общие векторы в условиях ограниченности бюджетного финансирования должны быть нацелены на данные аспекты.

Для расширения возможностей использования экономических методов управле-

ния в системе кадрового менеджмента ДОО И.В. Полторацкая и М.Н. Эйдемиллер предлагают использовать эффективный контракт [28, с. 75]. Внедрение эффективного контракта позволяет выстроить четкую систему причинно-следственных связей между результатами воспитательно-педагогической деятельности и объемом материального вознаграждения сотрудников. Позиция этих авторов сводится к тому, что эффективный контракт может стать действенным инструментом стимулирования труда в ДОО и привлечения молодых специалистов. В то же время использование эффективного контракта создает ряд рисков, к числу которых в первую очередь необходимо отнести:

- ограниченность финансовой поддержки со стороны бюджета при минимальных возможностях коммерциализации дополнительных форм образования;
- инертность управленческого механизма, связанного с консервативностью функционирования кадрового менеджмента в ДОО;
- необходимость наличия высококвалифицированных сотрудников, способных адекватно выполнять требования эффективного контракта.

Использование эффективного контракта будет способствовать внедрению инновационных технологий в воспитательный и образовательный процессы, о необходимости которых пишут в своей статье Э.М. Панчева и Д.С. Гордеева [25, с. 28].

С учетом социально ориентированной и некоммерческой специфики деятельности ДОО повышенной актуальностью обладают социально-психологические методы воздействия. А.О. Воронкова исследует проблематику формирования имиджа педагога [9, с. 45]. Для создания авторитетного имиджа педагога в социальном пространстве ДОО применяется широкий спектр информационных технологий, которые тиражируют мнение о необходимости уважения педагогической деятельности и значимости вовлечения воспитанников в образовательный процесс.

Л.Г. Богославец и Е.А. Серебренникова обращают внимание на важность

коммуникаций в системе социально-психологических методов управления персоналом ДОО [5, с. 398]. Социально ориентированная специфика деятельности учреждения требует построения качественных внутренних и внешних коммуникаций. Внутренние коммуникации зависят от межличностных и административно-управленческих отношений в рамках трудового коллектива. Построение доброжелательных внутренних коммуникаций позволяет сформировать положительный морально-психологический климат в коллективе, благоприятно влияющий на эффективность выполнения трудовых функций. Внешние коммуникации сопряжены с взаимодействием сотрудников с представителями местного сообщества, и в первую очередь с родителями. Важность проработки данных коммуникаций заключается в исключении рисков общественных конфликтов и уменьшении психологической напряженности по линии педагог — воспитатель — родители. Для комплексного управления внешними коммуникациями важно использовать персональный сайт ДОО, который должен оперативно предоставлять родителям всю необходимую информацию о текущей и будущей деятельности учреждения.

Значимое место в системе социально-психологических методов управления персоналом в ДОО занимает обеспечение профессионального роста. Основными условиями для профессионального роста являются:

- регулярное прохождение профильных программ повышения квалификации со всем необходимым набором подтверждающей документации;
- активное использование приобретенных компетенций путем внедрения новых моделей в воспитательный процесс и образовательную деятельность.

Согласно позиции Л.С. Ватченко и Д.С. Гордеевой, профессиональный рост может выступить в качестве действенного инструмента мотивации трудовой активности [8, с. 55]. Грамотное использование данного стимула позволяет руководству ДОО вовлекать активных сотрудников в процессы регулярного повышения ква-

лификации, которые создают условия для повышения качества воспитательно-педагогической деятельности. Кроме того, получение более высокого профессионального статуса в образовательной среде является основанием для повышения заработной платы. Сделанный вывод находит подтверждение в результатах эмпирического исследования типов мотивации сотрудников ДОО, представленного в статье В.С. Зыряновой [13, с. 306]. Обработка результатов тестирования показала, что среди педагогического состава ДОО доминирует профессиональный тип мотивации, в рамках которого основными стимулами для проявления трудовой активности являются профессиональные особенности трудовой деятельности и социальная значимость её результатов.

Для управления профессиональным развитием для сотрудников ДОО должны быть созданы благоприятные условия для освоения профильных программ повышения квалификации или дополнительного обучения, расширяющих использование профессионально-личностных компетенций.

Создание благоприятной среды для трудовой деятельности играет важнейшую роль в системе социально-психологических методов управления. Для решения данной задачи в статье М.К. Ивановой и М.С. Павловой предлагается внедрение well-being-подхода, который включает четыре основных блока:

- физическое здоровье;
- эмоциональное здоровье;
- здоровое питание;
- финансовое благополучие [14, с. 207].

В рамках каждого блока в системе управления персоналом ДОО реализуются определенные программы. В частности, блок «физическое здоровье» предполагает реализацию таких программ, как «идеальное утро», «здоровая спина», «ЗОЖ-марафон», а блок «эмоциональное здоровье» включает в себя программы «медитация», «психологическая разгрузка», «тайм-менеджмент».

Большие возможности заложены в развитии вовлеченности персонала и построение благоприятного морально-психоло-

гического климата на основе регулярного применения набора классических методов в области корпоративной идентичности и командообразования. К.А. Кисин и К.Н. Сероштанова обращают внимание на проблему вовлеченности сотрудников ДОО в трудовой процесс, которая требует комплексного решения [15, с. 70]. Вовлеченность позволяет сформировать повышенную ответственность за результаты профессиональной деятельности, а также мотивирует на выполнение дополнительных работ с целью достижения наилучшего результата. Особенности педагогического труда требуют максимальной вовлеченности сотрудников, так как воспитательно-образовательный процесс осуществляется в отношении детей, то есть присутствует дополнительная социальная ответственность. В свою очередь управление вовлеченностью является сложным процессом, связанным с кропотливой работой не только руководства, но и всех сотрудников учреждения. Повышение уровня вовлеченности сотрудников может быть достигнуто за счет:

- создания благоприятного морально-психологического климата в трудовом коллективе;
- установления доброжелательных межличностных коммуникаций с элементами неформального дружеского общения;
- внедрения программ корпоративной идентичности и социального согласия.

Таким образом, вовлеченность работника образовательного учреждения в трудовой процесс не только снижает риски некачественного выполнения трудовых обязанностей, но и создает базис для роста творческой активности, обеспечивающей разработку инновационных педагогических приемов. При управлении персоналом в ДОО велика роль наставничества. Актуальным преимуществом наставничества является возможность передачи положительного опыта трудовой деятельности без непосредственного отвлечения от неё [24, с. 13].

Для совершенствования управления персоналом в ДОО рассматриваются разного рода инновационные модели кадрового менеджмента. В отечественной литературе

данному подходу также уделяется должное внимание. К примеру, для обеспечения эффективности управления персоналом в ДОО С.В. Королева считает необходимым комплексное внедрение модели систем менеджмента качества [17, с. 38]. Разделяя данную точку зрения, на рис. 3 представим модель управления персоналом в ДОО на основе системы менеджмента качества.

В аналогичном ключе рассуждает авторский коллектив в составе З.Н. Петриной, С.В. Гришиной и О.В. Борискиной, которые для повышения эффективности системы управления персоналом в ДОО рекомендуют использование технологической модели эффективного менеджмента [26, с. 2]. В рамках данной модели система управления персоналом рассматривается как структура, состоящая из пяти основных блоков: правовая база, информационная база, методы организации труда, группа специалистов управления, комплекс технических средств, — взаимодействие между которыми осуществляется через современную модель управления, включающую технократический, психологический и экономический элементы, способствует достижению положительных результатов в системе кадрового менеджмента.

Выводы

1. Персонал в контексте функционирования дошкольной образовательной организации может рассматриваться как часть корпоративного капитала, обладающего определенными характеристиками, рациональное потребление и воспроизводство которых обеспечивает эффективность хозяйственных процессов и корпоративную конкурентоспособность.
2. Ведение трудовой деятельности в дошкольных образовательных учреждениях имеет широкий спектр отличительных особенностей, которые должны быть учтены при разработке инструментов управления персоналом для достижения максимальных социальных эффектов, исключения общественных рисков и профессионального развития педагогического состава.

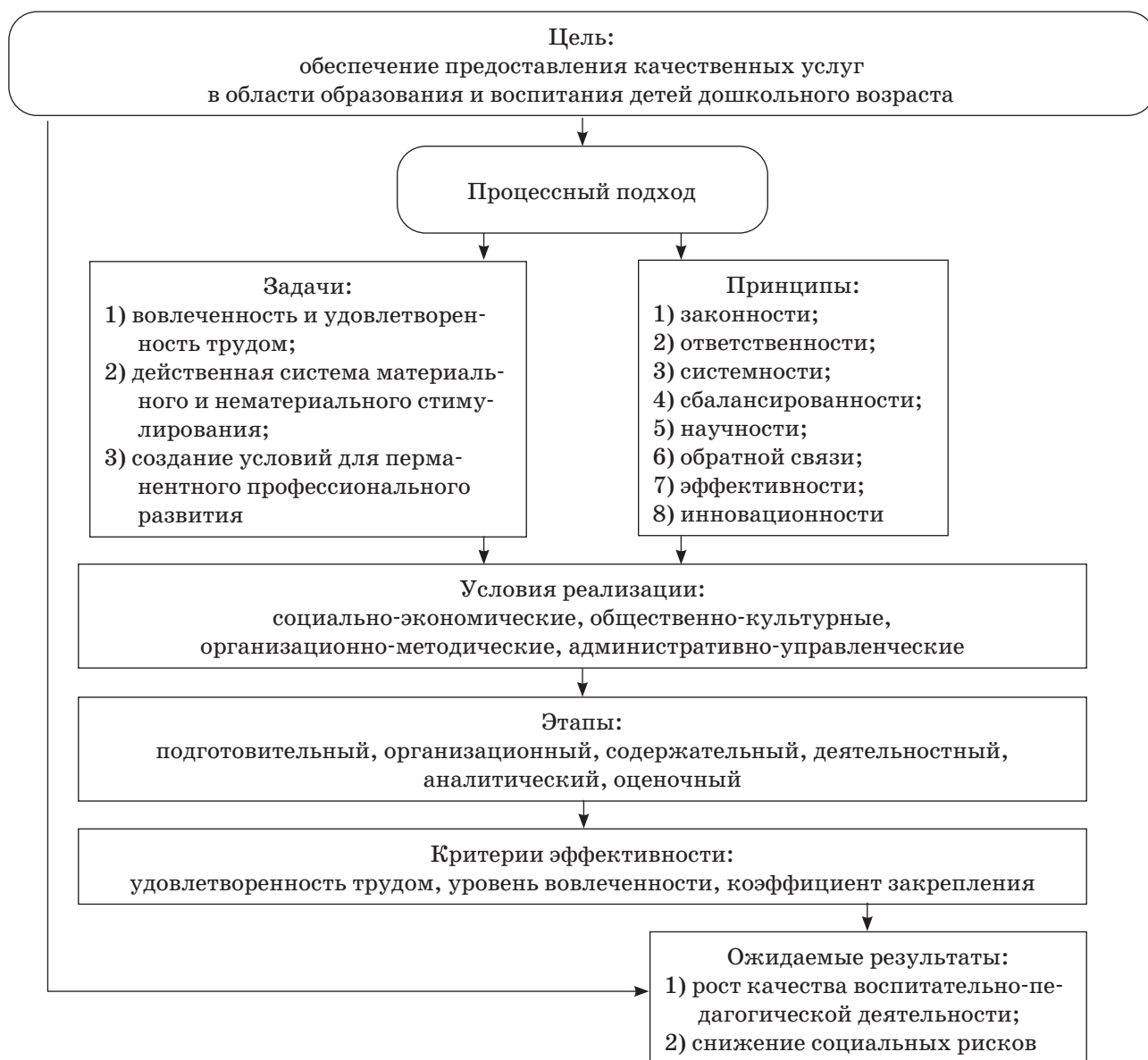

Рис. 3. Модель управления персоналом в ДОО на основе системы менеджмента качества

3. К числу ключевых отличительных особенностей управления персоналом в дошкольных образовательных организациях относятся отсутствие маржинальности в качестве критерия оценки эффективности, повышенная социальная значимость выполняемых трудовых функций, дефицит квалифицированных кадров на рынке труда, значительная регламентация трудового процесса, доминирование инструментов нематериального стимулирования при ограниченной емкости материального стимулирования, высокая текучесть кадров и малая привлекательность для молодежи данного вида работ.

4. Система управления персоналом в дошкольной образовательной организации может быть определена как область управления организацией, основным объектом которой является кадровый потенциал, а также его профессиональные компетенции, необходимые для качественного ведения воспитательно-педагогической деятельности.

5. Вся совокупность методов управления персоналом может быть разделена на три группы — административные, экономические и социально-психологические методы, каждая из этих групп характеризуется специфическим набором персонализированных инструментов.

6. Социально ориентированный характер деятельности дошкольных образовательных организаций минимизирует пространство применения экономических методов, а также достаточно жестко регламентирует алгоритмы использования административных методов.
7. Основную нагрузку в системе кадрового менеджмента несут социально-психологические методы, в рамках которых целесообразно обеспечить внедрение инновационных инструментов, учитывающих объективно существующие трансформации социально-экономической системы и общественного восприятия значимости трудовой деятельности в целом.

Список литературы

1. Амирова Л.А. Инновации и их роль в управлении персоналом дошкольной образовательной организации / Л.А. Амирова, Л.В. Сюникаева // Педагогическая наука и педагогическое образование в классическом университете: материалы ежегодной Международной национальной научно-практической конференции. — Уфа, 2021. — С. 235–238.
2. Андреева А.М. Особенности управления персоналом дошкольной образовательной организации / А.М. Андреева, Е.А. Яковлева // Учитель в современном мире: проблемы и перспективы начального общего образования. Материалы X Международной научно-практической конференции. — Уфа, 2023. — С. 6–9.
3. Анохина В.А. Актуальные проблемы управления персоналом дошкольной образовательной организации на этапе ее создания // Актуальные проблемы дошкольного образования. XXI Международная научно-практическая конференция. — М., 2023. — С. 24–27.
4. Анохина В.А. Особенности управления персоналом в дошкольной образовательной организации // Актуальные проблемы дошкольного образования. Материалы XXII Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию ЮУрГГПУ. — Челябинск, 2024. — С. 27–31.
5. Богославец Л.Г. Коммуникативные аспекты управления персоналом в дошкольной образовательной организации / Л.Г. Богославец, Е.А. Се-
ребренникова // Евразийское научное объединение. — 2021. — № 2-6(72). — С. 397–400.
6. Булавина М.А. Зарубежный опыт молодежного предпринимательства в решении социально-экономических проблем / М.А. Булавина, С.А. Попова, С.О. Новосельский // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2023. — Т. 14. — № 3(40). — С. 57–65.
7. Булавина М.А. Перспективы военной безопасности России в существующей геополитической конъюнктуре / М.А. Булавина, С.О. Новосельский // Межгосударственное противоборство в условиях глобализации и его влияние на управление национальной обороной Российской Федерации. — М., 2023. — С. 105–112.
8. Ватченко Л.С. Актуальность мотивационного аспекта трудовой деятельности персонала дошкольной образовательной организации / Л.С. Ватченко, Д.С. Гордеева // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. — 2018. — № 1(30). — С. 53–58.
9. Воронкова А.О. К проблеме формирования имиджа педагога дошкольной образовательной организации // Вопросы педагогики. — 2019. — № 4-1. — С. 44–47.
10. Гагарина Л.А. Проект мотивации педагогического персонала дошкольной образовательной организации / Л.А. Гагарина, Е.В. Коновалова // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. — 2022. — № S6(41). — С. 25–26.
11. Железняков С.С. Реализация государственной информационной политики на муниципальном уровне / С.С. Железняков, Е.Ю. Подосинников, С.О. Новосельский // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2016. — № 7(17). — С. 96–106.
12. Загоскина Р.В. Опыт исследования технологий управления персоналом в дошкольной образовательной организации // Актуальные проблемы психологии в образовании. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — М., 2017. — С. 104–107.
13. Зырянова В.С. Мотивация персонала как инструмент успешного функционирования дошкольной образовательной организации // Молодая мысль: наука, технологии, инновации: материалы XV (XXI) Всероссийской научно-технической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. — Братск, 2023. — С. 305–308.

14. *Иванова М.К.* Well-being-подход в дошкольной образовательной организации Якутии: в поисках эффективного инструмента управления педагогическим персоналом / М.К. Иванова, М.С. Павлова // Проблемы современного педагогического образования. — 2024. — № 84-3. — С. 205–209.
15. *Кисин К.А.* Особенности управления вовлеченностью педагогических работников / К.А. Кисин, К.Н. Сероштанова // Менеджмент XXI века: образование в эпоху цифровой экономики. Сборник научных статей по материалам XVII Международной научно-практической конференции. — М., 2019. — С. 69–72.
16. *Ковшова А.А.* Основные факторы влияния на эффективность профессионального развития педагогического персонала дошкольных образовательных организаций в ХМАО / А.А. Ковшова, В.В. Попова // Теория и практика управления в системе рыночных отношений. Сборник научных статей по материалам II Международного кадрового форума. — М., 2017. С. 48–53.
17. *Королева С.В.* Управление персоналом в системе менеджмента качества в дошкольной образовательной организации // Педагогическое образование в России. — 2021. — № 4. — С. 34–40.
18. *Кузнецова Н.И.* Мотивация сотрудников дошкольной образовательной организации // Интерактивная наука. — 2018. — № 12(34). — С. 43–45.
19. *Куликова Е.В.* Управление мотивацией персонала дошкольной образовательной организации / Е.В. Куликова, М.И. Чаплыгина // Интернет-журнал Науковедение. — 2017. — Т. 9. — № 1. — С. 21.
20. *Лобойко Т.М.* Проблема управления персоналом в дошкольной образовательной организации // Современный образ детства и векторы развития дошкольного образования / Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. — 2020. — С. 102–103.
21. *Маликова Н.А.* Эффективные способы поиска и отбора персонала дошкольной организации // Актуальные проблемы личностно-профессионального становления педагога: вызовы, тенденции и перспективы. Сборник научных статей III Международного форума, посвященного Году защитника Отечества, в 2 ч. — Воронеж, 2025. — С. 236–239.
22. *Марков А.В.* Особенности системы управления персоналом в дошкольных образовательных учреждениях / А.В. Марков, Н.В. Александров // Устойчивое развитие регионов России в эпоху трансформационных процессов. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Чебоксары, 2024. — С. 275–279.
23. *Новосельский С.О.* Оценка политической активности российских избирателей / С.О. Новосельский, Н.Ю. Босердт, В.А. Халина // Политика, экономика и инновации. — 2017. — № 1(11). — С. 1.
24. *Новосельский С.О.* Управление социальной сферой муниципального образования / С.О. Новосельский, Э.В. Сукманов, С.П. Голованов // Научный вестник Крыма. — 2016. — № 3. — С. 13.
25. *Панчева Э.М.* Инновационные технологии дополнительного образования персонала в дошкольной образовательной организации / Э.М. Панчева, Д.С. Гордеева // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. — 2018. — № 1 (30). — С. 27–31.
26. *Петрина З.Н.* Технологическая модель эффективности управления персоналом в дошкольной образовательной организации / З.Н. Петрина, С.В. Гришина, О.В. Борискина // Вопросы дошкольной педагогики. — 2023. — № 9(68). — С. 1–4.
27. *Подлесных И.А.* Мотивация профессиональной деятельности педагогов как предмет мониторинга // Известия института педагогики и психологии образования. — 2019. — № 3. — С. 9–13.
28. *Полторацкая И.В.* Управление персоналом ДОУ в новых социально-экономических условиях / И.В. Полторацкая, М.Н. Эйдемиллер // Академический вестник. Вестник Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования. — 2019. — № 4(46). — С. 73–76.
29. *Прошлецова С.В.* Оппортунизм трудового персонала в дошкольной образовательной организации: результаты эмпирических исследований / С.В. Прошлецова, Ю.А. Мальцева // Российские регионы в фокусе перемен. Сборник докладов XV Международной конференции. — Екатеринбург, 2021. — С. 381–384.
30. *Размахов И.В.* Совершенствование управления персоналом в муниципальной бюджетной организации дошкольного образования // Современная школа России. Вопросы модернизации. — 2022. — № 9(44). — С. 44–47.

31. *Ряжских С.О.* Совершенствование управления деятельностью организации на основе инструментов оценки персонала // Eurasia Science. Сборник статей I международной научно-практической конференции. — М., 2022.
32. *Сейдахметова Л.Ж.* Работа с персоналом в дошкольной образовательной организации / Л.Ж. Сейдахметова, К.Ж. Сейтбеков // Профессия, что всем даёт начало: роль педагога в современном образовании. Сборник материалов. — М., 2023. — С. 252–254.
33. *Серебренникова Е.А.* Управление персоналом на этапе комплектования кадров в дошкольной образовательной организации // Традиции и новации в дошкольном образовании. — 2021. — № 1(18). — С. 5–8.
34. *Слоботчиков О.Н.* Консерватизм цивилизационных ценностей как необходимость сохранения гармоничного мира // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 2.
35. *Слоботчиков О.Н.* Философия русского радикализма: история и современность / О.Н. Слоботчиков, М.С. Зайцев, Е.В. Афанасьева // Феномен роста популярности радикальных политических движений в Европе: причины и перспективы. В 2-х ч. — М., 2018. — С. 124–130.
36. *Слуцкий Л.Э.* Матрица выравнивания структурных диспропорций в социально-экономическом положении регионов России / Л.Э. Слуцкий, М.И. Кротов, В.И. Мунтиян // Проблемы современной экономики. — 2024. — № 1(89). — С. 6–21.
37. *Слуцкий Л.Э.* О некоторых итогах евразийской интеграции (вступительное слово) // Проблемы современной экономики. — 2018. — № 4(68). — С. 6.
38. *Сукманов Э.В.* Политика и механизм управления персоналом в страховом секторе / Э.В. Сукманов, С.О. Новосельский, А.Ю. Смотров // Наука и практика регионов. — 2016. — № 1(2). — С. 48–53.
39. *Фатеева Н.В.* Изучение состояния проблемы организации кадрового планирования в образовательном учреждении // Актуальные вопросы благополучия личности: психологический, социальный и профессиональный контексты. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. — Ханты-Мансийск, 2022. — С. 463–467.

Г.В. Шилов

кандидат технических наук, доцент,
Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского, Москва
E-mail: shilov_g@rambler.ru

**ОБЪЕКТНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ
В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ПРЕОДОЛЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗРЫВА
МЕЖДУ СПЕЦИАЛИСТАМИ ПО ИТ И МЕНЕДЖЕРАМИ**

G.V. Shilov

PhD in Technical Sciences, Associate Professor,
University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky, Moscow
E-mail: shilov_g@rambler.ru

**OBJECT ORIENTED ANALYSIS IN MANAGEMENT:
BRIDGING THE SEMANTIC GAP
BETWEEN IT SPECIALISTS AND MANAGERS**

Аннотация. В статье рассматривается проблема семантического разрыва между специалистами в области информационных технологий и управленческим персоналом, которая признается одним из ключевых барьеров на пути успешной цифровой трансформации бизнеса. Автор обосновывает гипотезу о том, что методология объектно ориентированного анализа, в частности использование унифицированного языка моделирования, может служить эффективным инструментом для преодоления данного разрыва. Исследуется, как объектно ориентированные модели, отражающие реальные бизнес-сущности и процессы, создают общий понятийный язык, обеспечивают точность формализации требований и способствуют созданию адекватных программных решений. В статье приводятся практические примеры применения диаграмм UML (диаграммы прецедентов, классов и деятельности) для решения типичных управленческих задач, включая оптимизацию цепочки поставок и автоматизацию процесса согласования заявок. Особое внимание уделяется сравнительному анализу традиционного текстового технического задания и визуального моделирования, а также оценке экономической эффективности внедрения объектно ориентированного подхода в практику управления. Автор делает вывод о том, что объектно ориентированный анализ позволяет перевести управленческую деятельность из области неформализованных требований в область точных, визуализированных и структурных моделей, что способствует снижению рисков и повышению качества разрабатываемых информационных систем.

Ключевые слова: объектно ориентированный анализ, унифицированный язык моделирования, семантический разрыв, управленческие решения, ИТ-специалисты, менеджеры, формализация требований, бизнес-моделирование, цифровая трансформация, диаграмма прецедентов, диаграмма классов, диаграмма деятельности.

Abstract. The article examines the problem of the semantic gap between information technology specialists and managerial personnel, which is recognized as one of the key barriers to successful digital business transformation. The author substantiates the hypothesis that the methodology of object oriented analysis, particularly the use of the Unified Modeling Language, can serve as an effective tool for overcoming this gap. The study explores how object oriented models that reflect real business entities and processes create a shared conceptual language, ensure the accurate formalization of requirements, and contribute to the development of adequate software solutions. The article provides practical examples of using UML diagrams (use case, class, and activity diagrams) to address typical managerial tasks, including supply chain optimization and automation of the request approval process. Special attention is given to a comparative analysis of traditional textual technical specifications and visual modeling, as well as to the evaluation of the economic effectiveness of implementing an object oriented approach in management practice. The author concludes that

object oriented analysis enables the transition of managerial activities from the domain of informal requirements to the domain of precise, visualized, and structured models, thereby reducing risks and improving the quality of information systems being developed.

Key words: object oriented analysis, Unified Modeling Language, semantic gap, managerial decision-making, IT specialists, managers, requirements formalization, business modeling, digital transformation, use case diagram, class diagram, activity diagram.

Современная управленческая деятельность неразрывно связана с использованием сложных информационных систем, которые призваны автоматизировать бизнес-процессы, обеспечивать аналитику и поддерживать принятие решений. Однако процесс создания таких систем сталкивается с фундаментальной проблемой — семантическим разрывом между двумя ключевыми группами участников: заказчиками-менеджерами, которые формулируют бизнес-требования на языке своей предметной области, и исполнителями-разработчиками, которые мыслят категориями кода, алгоритмов и структур данных. Как справедливо отмечают С.С. Балоян и А.Е. Сенникова, успешное развитие любой экономической или управленческой системы невозможно без выработки единого коммуникационного поля [1, с. 492].

Данный разрыв проявляется в том, что менеджеры не всегда точно могут описать, «что» должна делать система, а разработчики неверно интерпретируют, «как» это должно быть реализовано с точки зрения бизнес-логики. Текстовые технические задания, написанные на естественном языке, часто допускают двусмысленности и разночтения. Результатом является создание системы, которая не соответствует реальным потребностям бизнеса, что приводит к колоссальным затратам на доработку, демотивации команд и упущенной выгоде [4, с. 15]. В исследованиях В.И. Бархатова и Д.С. Бенца подчеркивается, что цифровая трансформация предприятий невозможна без преодоления коммуникативных барьеров между бизнес-подразделениями и ИТ-службами [2, с. 227].

Цель данной статьи — продемонстрировать, что методология объектно ориентированного анализа и проектирования предлагает системный подход к преодолению этого разрыва.

Результаты и обсуждение

Объектно ориентированный анализ позволяет строить визуальные модели бизнес-среды, которые являются понятными, точными и служат единым источником истины как для менеджеров, так и для ИТ-специалистов.

1. Природа семантического разрыва в управлении

Семантический разрыв — это различие в понятиях, терминологии и ментальных моделях, используемых представителями разных профессиональных сфер. В контексте управления и ИТ он имеет двустороннюю природу (рис. 1).

Со стороны менеджера управленец оперирует такими понятиями, как «бюджет», «логистический маршрут», «ключевые показатели эффективности», «клиентский опыт», «рентабельность», «воркфлоу», «дорожная карта», SWOT-анализ, обратная связь, управление эффективностью, командообразование, ROI [16, с. 55]. Его мышление процессно ориентировано и нацелено на достижение бизнес-результатов [23, с. 23].

Со стороны разработчика специалист мыслит в терминах «база данных», «API», «микросервисы», «алгоритмы», «структуры данных», «фреймворки», «репозиторий», «контейнеризация», «системный дизайн», «транзакции». Его мышление структурно ориентировано и нацелено на создание технически эффективных и надежных решений. Попытка напрямую «перевести» бизнес-требования в код без промежуточного формализованного этапа моделирования обречена на искажения. Текстовое техническое задание становится «испорченным телефоном», где ключевая суть бизнес-процесса может потеряться [13, с. 87].

Автор статьи разделяет позицию Э.М. Кариевой с соавторами, согласно кото-

рым «инфраструктура поддержки любого процесса, включая ИТ-разработку, должна базироваться на единых понятийных

конструкторах» [12, с. 23]. В нашем случае таким конструктором является объектно-ориентированный анализ [8, с. 3913].

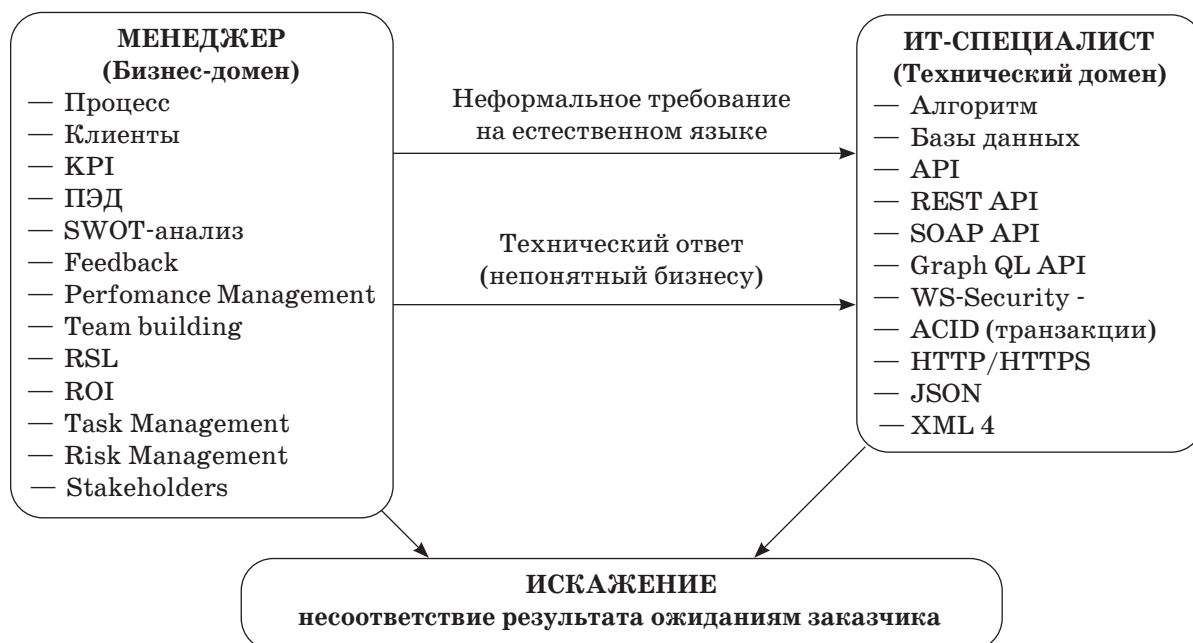

Рис. 1. Схема семантического разрыва между менеджером и ИТ-специалистом

2. Объектно ориентированный анализ как методология

Основная идея объектно ориентированного анализа заключается в том, что система представляется в виде совокупности взаимодействующих объектов, которые являются экземплярами классов. Эти классы и объекты напрямую отражают сущности реального мира. Именно эта особенность делает объектно ориентированный анализ идеальным инструментом для моделирования бизнес-среды [14, с. 233].

Ключевыми принципами объектно ориентированного анализа, значимыми для управления, являются четыре [7, с. 5]:

- абстракция — выделение существенных характеристик бизнес-объекта и игнорирование несущественных деталей;
- инкапсуляция — сокрытие внутренних деталей реализации объекта за его публичным интерфейсом;
- модульность — разбиение системы на слабо связанные, но сильно сцепленные внутри модули;
- иерархичность — построение иерархий классов и объектов, отражающих уровни управления.

Унифицированный язык моделирования является стандартным визуальным языком для объектно ориентированного анализа [6, с. 1803]. Его диаграммы предоставляют набор «карт», с помощью которых можно все-сторонне описать систему [9, с. 27]. Рассмотрим, как основные типы UML-диаграмм помогают преодолеть семантический разрыв на примере задачи «Оптимизация управления складскими запасами».

3. Практическое применение UML-диаграмм

3.1 Диаграмма прецедентов (Use Case Diagram)

Диаграмма прецедентов отвечает на вопрос «Что система делает для своих пользователей?». Она описывает функциональность системы с точки зрения внешних акторов (ролей) [15, с. 55] (рис. 2).

Для системы управления складом акторами являются:

- «Кладовщик»,
- «Менеджер по закупкам»,
- «Система учета поставщиков».

Прецедентами выступают:

- «Учесть поступление товара»,

- «Провести инвентаризацию»,
- «Сформировать заказ на пополнение запасов»,
- «Получить отчет об остатках»,
- «Уведомить о поставке» [24].

Данная диаграмма определяет границы автоматизированной системы и описывает все ключевые функции, которые она

предоставляет внешним пользователям для эффективного управления складскими операциями. Для менеджера диаграмма дает ясное представление о том, кто и какие операции может выполнять в системе. Для разработчика диаграмма определяет контекст системы и ключевые модули, которые предстоит реализовать.

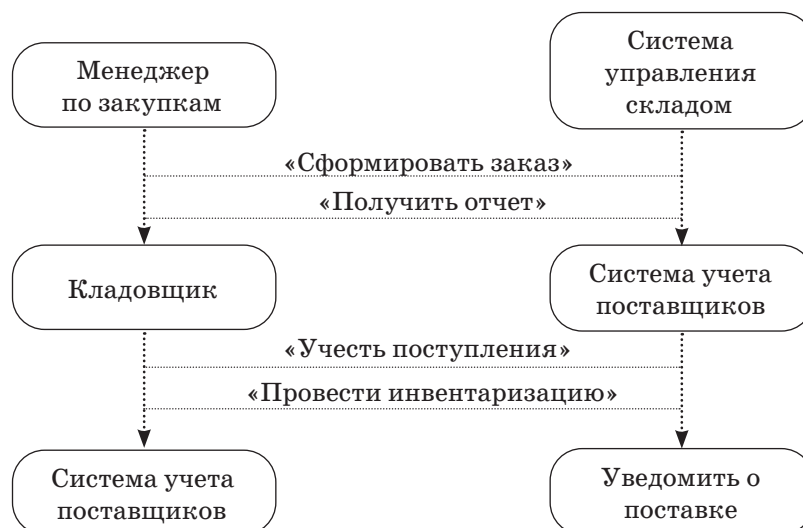

Рис. 2. Фрагмент диаграммы прецедентов для системы управления складом

3.2. Диаграмма классов (Class Diagram)

Диаграмма классов — это статическая структурная диаграмма, которая отвечает на вопрос «Из чего состоит система?». Она описывает сущности (классы), их атрибуты (данные) и взаимосвязи [17, с. 178].

Для менеджера диаграмма является формализованным глоссарием. Он видит, что «Заказ» состоит из нескольких «Позиций Заказа», каждая из которых ссылается на «Товар» [11, с. 45]. Это исключает возможные разночтения. Для разработчика диаграмма классов — это прямой прототип будущих классов в коде. Она определяет структуру базы данных и отношения между таблицами.

Пример фрагмента (описательно):

- класс «Товар» содержит атрибуты: идентификатор, наименование, артикул, текущий остаток, минимальный остаток;
- класс «Позиция Заказа» содержит атрибуты: количество, цену закупки;
- класс «Заказ» содержит атрибуты: номер, дату создания, статус, общую сумму;

- связи: «Заказ» содержит множество «Позиций Заказа» (композиция), каждая «Позиция Заказа» ссылается на один «Товар» (ассоциация).

3.3. Диаграмма деятельности (Activity Diagram)

Диаграмма деятельности отвечает на вопрос «Как выполняется процесс?». Она похожа на блок-схему и идеально подходит для описания бизнес-процессов [5, с. 203].

Для процесса «Согласование заявки на закупку» диаграмма деятельности включает следующие элементы:

- начальное состояние;
- действие «Создать заявку на закупку» (исполнитель — менеджер);
- узел решения «Сумма заявки > лимита?»;
- ветка «да»: действие «Направить на согласование руководителю отдела»;
- ветка «нет»: действие «Направить на согласование менеджеру по закупкам»;

- действие «Проверить соответствие бюджету»;
- узел решения «Бюджет утвержден?»;
- действие «Сформировать заказ поставщику»;
- конечное состояние.

Для менеджера диаграмма наглядно показывает алгоритм, прописанный во внутренних регламентах компании. Для разработчика диаграмма задает бизнес-логику, которую необходимо запрограммировать, включая все условия и потоки выполнения.

4. Преимущества внедрения объектно ориентированного анализа в управленческую практику

Обобщая приведенные примеры и опираясь на работы отечественных и зарубежных авторов, можно выделить следующие преимущества внедрения объектно ориентированного анализа в управленческую деятельность.

1. Создание единого языка общения.

Модели UML становятся «нейтральной территорией», где и менеджер, и разработчик могут указать на конкретный элемент и однозначно его трактовать.

2. Повышение качества и снижение рисков.

Раннее выявление противоречий в требованиях на этапе моделирования в десятки раз дешевле, чем их исправление на этапе кодирования или тестирования.

3. Ускорение процесса разработки.

Четкие и непротиворечивые модели позволяют разработчикам быстрее приступать к кодированию и снижают количество итераций обсуждения.

4. Поддержка и эволюция системы.

Объектно ориентированная модель является превосходной документацией. При появлении новых бизнес-требований легко проанализировать, какие сущности и процессы затронуты.

5. Поддержка принятия управленческих решений

Моделирование бизнес-процессов «как есть» и «как должно быть» позволяет менеджерам проводить реинжиниринг процессов до внедрения ИТ-системы, оптими-

зируя самую управленческую деятельность [22, с. 112].

В таблице 1 представлено сравнение традиционного текстового технического задания и моделирования на основе UML.

Таблица 1

Сравнительная характеристика способов формализации требований

Критерий	Текстовое ТЗ	UML-моделирование
Наглядность	Низкая	Высокая
Однозначность интерпретации	Низкая	Высокая
Сложность поддержки актуальности	Высокая	Средняя
Возможность анализа связей	Ограничена	Полная
Требования к квалификации аналитика	Средние	Высокие
Стоимость ошибки на поздних этапах	Очень высокая	Низкая

5. Рекомендации по внедрению

На основе проведенного анализа предлагаем следующие рекомендации для руководителей и ИТ-аналитиков.

1. Начинать моделирование с диаграммы прецедентов, согласовывая границы системы с ключевыми стейкхолдерами.
2. Разрабатывать глоссарий классов на ранних этапах, закрепляя за каждым термином однозначное определение.
3. Использовать диаграммы деятельности для критически важных бизнес-процессов, где возможны ветвления и исключения.
4. Проводить регулярные валидационные сессии с менеджерами, показывая им модели, а не текстовые спецификации.
5. Интегрировать UML-модели в систему управления требованиями (например, Enterprise Architect, Lucidchart, Draw.io с экспортом).

Как справедливо отмечает Дж. Джестон, ссылаясь на О.Б. Репкина, «успешность любой деятельности в современной

экономике прямо пропорциональна качеству коммуникаций и формализации знаний» [10, с. 101]. Объектно ориентированный анализ в этом смысле является не только инструментом, но и философией управления.

Выводы

Цифровая трансформация является не столько вопросом технологий, сколько вопросом эффективной коммуникации. Семантический разрыв между бизнесом и ИТ был и остается одним из главных вызовов. Методология объектно ориентированного анализа, подкрепленная мощью визуального языка UML, предлагает не просто набор инструментов, а целостную философию для построения этого жизненно важного моста. Использование объектно-ориентированного анализа позволяет перевести управленческую деятельность на новый уровень: из области неформализованных требований и текстовых поручений в область точных, визуализированных и структурных моделей. Это, в свою очередь, способствует снижению проектных рисков, повышению качества конечных информационных систем и росту удовлетворенности как менеджеров, так и разработчиков. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку типовых шаблонов UML-моделей для различных отраслей промышленности и сферы услуг.

Список литературы

1. Балоян С.С. Анализ развития малого и среднего бизнеса в экономике России / С.С. Балоян, А.Е. Сенникова // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — № 33. — С. 489–494.
2. Бархатов В.И. О развитии малого и среднего бизнеса сельских территорий / В.И. Бархатов, Д.С. Бенц // Вестник Челябинского государственного университета. — 2022. — № 6 (464). — С. 224–234.
3. Булавина М.А. Перспективы военной безопасности России в существующей геополитической конъюнктуре / М.А. Булавина, С.О. Новосельский // Межгосударственное противоборство в условиях глобализации и его влияние на управление национальной обороной Российской Фе-

- дерации. — М., 2023. — С. 105–112.
4. Буч Г. Язык UML. Руководство пользователя / Г. Буч, Дж. Рамбо, А. Джекобсон. — М.: ДМК Пресс, 2011. — 496 с.
5. Буч Г. UML. Классика CS. — 2-е изд. / Г. Буч, Дж. Рамбо, А. Джекобсон. — СПб.: Питер, 2021. — 494 с. — URL: http://lib.ysu.am/disciplines_bk/90b613116c1e0df8426ecf8e43ca35a.pdf
6. Ветрова Е.А. Реализация бюджетной политики России в условиях геополитических рисков / Е.А. Ветрова, С.О. Новосельский, Г.Р. Темижева, А.Л. Золкин, Н.А. Фоменкова // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. — 2025. — Т. 13. — № 9 (62). — С. 1796–1809.
7. Вигерс К. Разработка требований к программному обеспечению / К. Вигерс, Дж. Битти. — 3-е изд. — М.: Русская редакция, 2014. — 736 с.
8. Генералов Д.А. Индикативная оценка сбалансированности развития социально-экономической системы региона / Д.А. Генералов, Н.В. Жахов, А.В. Шлеенко, С.О. Новосельский // Экономика, предпринимательство и право. — 2023. — Т. 13. — № 10. — С. 3909–3922.
9. Гома Х. Объектно ориентированное моделирование и проектирование: принципы, практика и применение. — М.: ДМК Пресс, 2023. — 784 с.
10. Джестон Дж. Управление бизнес-процессами. Практическое руководство по успешной реализации проектов / Дж. Джестон, Й. Нелис. — М.: Альпина Паблишер, 2020. — 512 с.
11. Жилияков Д.И. Интегральная оценка технологического развития пространственно локализованных агросоциохозяйственных систем региона / Д.И. Жилияков, А.Ф. Дорофеев, О.В. Петрушина, С.О. Новосельский, А.В. Шлеенко // Техника и оборудование для села. — 2025. — № 3 (333). — С. 44–47.
12. Кариева Э.М. Анализ развития проблем развития малого и среднего бизнеса в Пермском крае / Э.М. Кариева, А.И. Иванов, С.А. Зеленина // Финансовый бизнес. — 2024. — № 8 (254). — С. 21–25.
13. Коберн А. Современные методы описания функциональных требований к системам. — М.: Лори, 2019. — 516 с.
14. Ларман К. Применение UML 2.0 и шаблонов проектирования. — М.: Вильямс, 2014. — 736 с.
15. Муратова А.Е. Проблемы современного разви-

- тия малого и среднего бизнеса в строительной отрасли / А.Е. Муратова, И.Ю. Пospelова // Проблемы развития экономики и предпринимательства. Сборник научных трудов XVIII всероссийской научно-практической конференции. — М., 2021. — С. 55–59.
16. Новосельский С.О. Менеджмент производственно-сбытовой деятельности компании на региональном рынке / С.О. Новосельский, О.В. Кириллова, А.Л. Золкин, Л.Н. Замбахидзе // Финансовый менеджмент. — 2025. — № 3. — С. 52–62.
 17. Рамбо Дж. UML-2.0 — Объектно ориентированное моделирование и разработка / Дж. Рамбо, М. Блаха. — СПб.: Питер, 2022. — 656 с.
 18. Слоботчиков О.Н. Консерватизм цивилизационных ценностей как необходимость сохранения гармоничного мира // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 2.
 19. Слоботчиков О.Н. Философия русского радикализма: история и современность / О.Н. Слоботчиков, М.С. Зайцев, Е.В. Афанасьева // Феномен роста популярности радикальных политических движений в Европе: причины и перспективы. В 2 ч. — М., 2018. — С. 124–130.
 20. Слуцкий Л.Э. Матрица выравнивания структурных диспропорций в социально-экономическом положении регионов России / Л.Э. Слуцкий, М.И. Кротов, В.И. Мунтиян // Проблемы современной экономики. — 2024. — № 1(89). — С. 6–21.
 21. Слуцкий Л.Э. О некоторых итогах евразийской интеграции (вступительное слово) // Проблемы современной экономики. — 2018. — № 4(68). — С.6.
 22. Управление проектами / А.И. Балашов и др. — М.. Юрайт, 2026. — 302 с. — URL: https://pureportal.spbu.ru/files/100486571/_._.pdf
 23. Фаулер М. UML. Основы. — 3-е изд. — СПб.: Символ-Плюс, 2011. — 192 с.
 24. Object Management Group (OMG). Unified Modeling Language (UML), Version 2.5.1. — 2017. — 796 p.

DOI 10.24412/2587-6236-2026-251-124-131
УДК 32.329

О.П. Лебедева

кандидат философских наук, доцент,
кафедра мировой политики и межкультурного развития,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
E-mail: oplebedeva@bk.ru

УРОКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ДЛЯ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (СОЦИАЛЬНЫЕ УТОПИИ И ПРОЕКТЫ АЛЕКСАНДРА БОГДАНОВА-МАЛИНОВСКОГО)

О.П. Лебедева

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of World Politics and Intercivilizational Development,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
E-mail: oplebedeva@bk.ru

LESSONS IN INTELLECTUAL HISTORY FOR PARTY BUILDING (SOCIAL UTOPIAS AND PROJECTS BY ALEXANDER BOGDANOV-MALINOVSKY)

Аннотация. История создания и развития Коммунистической партии большевиков только кажется пусть и долгим, встречавшим сопротивление прямых классовых врагов, но, по сути, магистральным путем. Однако эта магистральность и определенность перспектив большевистского движения с самого начала его зарождения кажущаяся. Внутри партии существовали силы и конкретные люди, предлагавшие свое видение светлого завтра. Лидерство В.И. Ульянова (Ленина) не всегда было бесспорным. Статья посвящена личности, деятельности и идеям одного из самых ярких первоначально соратников, а затем и соперников Ленина — Александру Александровичу Богданову. Этот человек проиграл Ленину-прагматику в политических битвах нулевых годов XX века, но выиграл для отечественной науки статус первенства и силы русской научной мысли во многих концептуальных областях. Автор пытается представить предметное поле будущих исследований — роль революционных романтиков, теоретиков-интеллектуалов в партийном строительстве, пути использования их потенциала.

Ключевые слова: партия, партийное строительство, большевизм, богостроительство, утопия, тектология, эмпириомонизм, диалектический материализм, пролетарская культура, «кровное братство».

Abstract. The history of the creation and development of the Bolshevik Communist Party may seem long and arduous, with direct class enemies standing in its way, but it is, in essence, a trunk road. However, this road and the certainty of the Bolshevik movement's prospects have been illusory from its inception. Within the party, there were forces and individuals who offered their own vision of a brighter tomorrow. The leadership of Vladimir Ilyich Ulyanov (Lenin) was not always uncontested. The article is devoted to the personality, activities, and ideas of Alexander Alexandrovich Bogdanov, one of Lenin's most prominent associates and later rivals. Although Bogdanov lost to Lenin's pragmatic approach in the political battles of the early 20th century, he played a significant role in establishing the dominance and strength of Russian scientific thought in various conceptual fields. The author aims to identify the subject matter for future research, focusing on the role of revolutionary romantics and intellectual theorists in party building and exploring potential applications.

Key words: party, party building, Bolshevism, God-building, utopia, pragmatism, tectology, empiriomonism, dialectical materialism, proletarian culture, and «blood brotherhood».

Человек, известный в нашей истории, главным образом, под именем Александра Александровича Богданова, был удивительной, крайне увлекающейся, эксцен-

тричной, сильной, необычайной по множеству и разнообразию своих способностей личностью. Математик, экономист, философ, педагог, врач, политик, писатель, ор-

ганизатор-практик — кем только не был этот незаурядный человек в течение своей в общем-то и не очень долгой жизни. Верно подмечено исследователями его жизни и творчества, что «биография А.А. Богданова драматична и интеллектуально плотно насыщена» [7. с. 6].

Он вел довольно жесткую борьбу за власть в партии с Лениным накануне и сразу после революции 1905–1907 гг. [5]. До конца жизни смело, а возможно, и отстраненно как человек теории и гипотезы, невзирая на реальное соотношение сил в практической политике, этот интеллектуал и интеллигент-большевик разрабатывал свой вариант «светлого коммунистического завтра». Идеалист в политике, революционный романтик и богостроитель из первого поколения коммунистов-большевиков как теоретик и философ, человек оригинального и дальновидного ума, быстро разошелся во мнениях о смысле и путях революции сначала с Лениным, а позднее, уже в двадцатые, и со Сталиным.

Разногласия с будущими вождями носили сложный характер. В их противостоянии сталкивались не просто личные амбиции, претензии на лидерство и влияние, но и нечто большее, мировоззренческое, интеллектуальное. Они были носителями разных образов будущего, путей, ведущих к светлому и счастливому обществу людей труда. Их общее мировоззрение и философские представления о мире отличались весьма существенно. Характерная черта личности Богданова — фантастический полет мысли, в прямом и переносном смысле, при ярко выраженной системности и логичности мышления талантливого математика и философа, не уместившийся в самый простой и прагматичный вариант интерпретации марксизма [2].

Богданов — псевдоним. Настоящая фамилия этого человека — Малиновский. Конспиративных прозвищ у Александра Малиновского в пору его революционной биографии было немало — Вернер, Воробей, Сысойка, Максимов, Рахметов, Рядовой и другие [2]. Но в историю он вошел под псевдонимом Богданов по следующей причине. Именно под этой фамилией в 1897 году была издана, по словам самого Богданова, «изувеченная цензурой»,

но марксистская по основным идеям книга «Краткий курс экономической науки». Эта книга сделала автора популярным и неординарным лидером мнений на некоторое время в социал-демократических кругах. Ее горячо оценивал в том числе и Владимир Ульянов, написавший положительную рецензию. В ту пору они были единомышленниками, бывшими социал-демократами, недавно пережившими идейный, коммунистический перелом. Популярность и сама политическая карьера Богданова-Малиновского могли быть в дальнейшем продолжительнее и масштабнее, если бы не хитроумная, жесткая реакция Ленина на растущее влияние оппонента и соперника в последующие годы [2].

Богданову (Малиновскому) не удалось окончить естественный факультет Московского университета, на котором он успешно и вдохновенно обучался некоторое время. Математика была его призванием. Но в декабре 1894 года молодой человек был арестован за участие в революционном движении и симпатии к социал-демократам и выслан из Москвы. Неповоротливость, неэффективность имперской системы управления выражалась, среди прочего, в неумении влиять на студенческое движение должным образом, обратить себе во благо таланты и энергию молодости, во все времена вступающую в конфликт с порядками «отцов», бракующую их как отживших свое. Яркая и трагичная биография студента-революционера Богданова по своему типична для России конца XIX — начала XX вв. Лишние в системе царской власти, критически, самостоятельно мыслящие, эти люди станут лишними и в системе новой советской бюрократии [2; 7].

В дальнейшем, уже в Харькове, Богданов выучился на врача. В крупные города и классические университеты доступ ему был заказан как революционеру. Около двух лет он прослужил врачом-психиатром, а с 1903 года биография Богданова будет связана с активным большевистским движением. Начнется период ссылок, тюрем и эмиграции, беспощадной внутрипартийной борьбы, сотрудничества и противостояния с самим Лениным [2; 5].

Осенью 1904 года Богданов вернулся в Россию и стал одним из самых актив-

ных организаторов вооруженного восстания в Петербурге. 1907 год ознаменовался для большевиков серьезными разногласиями. Речь шла о том, должна ли фракция большевиков принимать участие в работе III Государственной думы. Находящийся в эмиграции Ленин был сторонником участия и вообще использования всех возможных легальных форм борьбы. Особенностью личности Ленина было сочетание решительности, прагматизма, жесткости с необычайной гибкостью, если этого требовали задачи революционной борьбы [5–7]. В 1907 году Богданов, будучи лидером большевистского печатного издания «Вперед» и сформировавшегося на его основе политического движения, выступал категорически против всех легальных форм участия в политике.

Один из многочисленных неординарных проектов революционера Богданова — создание в 1909 году группы «Вперед». Эта организация формально имела статус литературной организации, но на деле она стала философско-идеологическим движением, пытавшимся заложить основы будущей пролетарской культуры. Движение «Вперед» объединяло вокруг себя харизматичных новаторов, таких как сам А. Богданов, а также Л. Троцкий, М. Горький, А. Луначарский, А. Коллонтай. Будущий Пролеткульт — это во многом выпестованное, любимое детище Богданова и его единомышленников. В середине 1917 года несколько бывших «впередовцев» создали эту организацию для развития новой пролетарской культуры [2; 1].

В 1909 г. произошла еще одна крупная ссора между Богдановым и Лениным. Речь шла о школе, созданной Богдановым и Луначарским на Капри для русских студентов-революционеров. Эта организация противопоставляла себя Ленину, находившемуся тогда в Париже, и выдвигаемым им политическим и философским идеям. Ленин называл рабочую школу на Капри литераторским центром богостроительства. Создавался этот центр в основном на деньги М. Горького [2; 1].

Богостроительство было достаточно оригинальным явлением начала XX века в России. На почве еще не утраченных до конца народнических идей, романти-

зации и идеализации социально-политических идеалов марксизма, гиперболизации некоторых общих черт христианства и марксизма сложилось это течение. Социальным идеалам социализма, коллективизму придавался особый восторженно-религиозный смысл. Наиболее яркими представителями богостроительства внутри марксизма были Луначарский, Богданов, Базаров, Горький.

Особым пафосом поиска новой религии-идеологии проникнут фантастический роман, коммунистическая утопия Богданова «Красная звезда» [4]. Как это ни странно, в этом романе-мечте, первом в своем жанре, выпукло выражено мировоззрение Богданова. Коммунист Леонид знакомится с марсианами и жизнью на Марсе. Богданов создает модель идеального будущего, описывая жизнь на этой планете. Высочайший уровень технического прогресса, коллективизм и взаимопомощь, эмпатия, простота и доброжелательность общения описаны Богдановым с величайшим пие-тетом, почти религиозным экстазом. В ленинском же понимании атеизм и материализм являлись незыблемыми основами марксизма, никакой христианский социализм, по его мнению, категорически невозможен. Богостроители попытались создать свой тип революционного движения [6]. Некоторые исследователи рассматривают Богданова в качестве родоначальника христианского социализма и непосредственного предшественника современного трансгуманизма [3].

Ленин впоследствии настоял на исключении Богданова, других богостроителей и отзовистов из Центрального Комитета РСДРП, а потом и из партии. Фактического, заметного участия в работе коммунистической партии Богданов с 1909 года не принимал [5]. Но его активная общественная и научная деятельность были еще далеко не закончены.

Философский, самостоятельный и вдумчивый склад личности Богданова обнаружился довольно рано. Сам он полагал, что его первая философская книга была написана еще в 1898 году для ответов на самые широкие вопросы рабочих. Она имела название «Основные элементы исторического взгляда на природу». В 1910 году он напи-

сал трехтомную работу «Всеобщая организационная наука». В 1913 году увидела свет его книга «Тектология. Всеобщая организационная наука» [7]. В них Богданов заложил основы системного подхода, будущей кибернетики и синергетики, мультидисциплинарного подхода в науке, первым сформулировал понятие системы и ее саморазвития. По его мнению, целое всегда больше суммы частей, функционирование и развитие системы не подчиняется линейным, упрощенным закономерностям. Свой новаторский подход он называл тектологией. По замыслу Богданова, тектология должна была стать «теорией всего», применимой в реальной практике, в том числе она должна была работать в социальном познании и практике. Мысли Богданова развивались созвучно теории поля, дальнего действия и идей в духе Курта Левина о применимости постулатов теории поля в общественных науках. В дальнейшем создатель кибернетики Норберт Винер признавался, что был знаком с идеями тектологии Богданова и они оказали большое влияние на формирование представлений о кибернетике. Тектология возродилась в 60-е гг. и занимает свое место в современной науке [7; 2].

В феврале-октябре 1908 года, живя в Женеве, Владимир Ульянов (Ленин) написал книгу «Материализм и эмпириокритицизм», в мае 1909 года она была издана [6]. Эта книга несколько выбивается из общего уклада будущего вождя пролетарской революции, сосредоточенного, в первую очередь, на социальной тематике, предельно приближенной к практике партийной борьбы, ее стратегическим и тактическим целям. Книга стала хрестоматийной в дальнейшем при изучении основ диалектического материализма в СССР, ленинского понимания материи и ее свойств, сложившегося на фоне бурных открытий в естествознании, т.н. «кризиса в физике». Эта «странность» могла быть истолкована по-разному, в том числе и как доказательство ленинской гениальности, если речь шла о советской идеологии и пропаганде. Но реальной причиной создания этого достаточно объемного и выбивающегося из основных научных интересов Ленина труда стала внутрипартийная борьба за влияние с Александром

Богдановым. Не будем забывать, что партия начала века объединяла, главным образом, интеллигентов и интеллектуалов, и информация в форме книг, статей, идей, непрерывно ведущихся дискуссий была важным фактором влияния.

Первоначально книга вошла в партийную жизнь под названием «Десять вопросов референту» и была использована И.Ф. Дубровинским для выступлений против взглядов Богданова по поручению Ленина в Женеве в мае 1908 года. Интересный прием использовал Ленин, наделенный не столько философскими талантами, сколько гениальным мастерством в политической риторике и хитроумных, коварных интригах, в борьбе с Богдановым. Богданов-Малиновский назван Лениным махистом [6]. Только так он и именуется на страницах философского труда, знакомого каждому советскому студенту по курсу философии. Богданов — не самостоятельная единица, не оригинальный и самобытный мыслитель на страницах ленинской книги. Он всего лишь подражатель заурядного, категорически чуждого большевикам исследователя. В историю Богданов, пользовавшийся большой популярностью в партии начала XX века, яркий и крупный человек, войдет как примкнувший к большевикам ревизионер и оппортунист.

Ленин регулярно использовал прием, который в риторике называется литотой, то есть максимальным преуменьшением реальных свойств и качеств в целях психологического уничтожения сильного противника. Большой оригинал, сильный и самостоятельный теоретик, революционер во всем, Богданов у Ленина — подражатель и обнаруживающий старомодные слабости богоискатель. За красивой, интеллектуальной оберткой философских дискуссий скрывались истинные мотивы вступления Ленина на опасную для его будущего и отсроченного на десятилетия авторитета мыслителя почву рассуждений о материи и методологических основах физики, в которых, как покажет история естествознания XX–XXI столетий, он оказался откровенно не силен. История физики как теоретической, так и прикладной, показала глубину мысли и силу провиде-

ния Богданова и тупиковый путь ленинских методологических рассуждений о материи. Ленин и сам признавался, что «Материализм и эмпириокритицизм» — книга, выполняющая серьезные политические, текущие задачи дня. Он торопил товарищей с изданием книги [7]. В июне 1909 года предстояло расширенное заседание газеты «Пролетарий», бывшей фактическим центром большевистской работы. Предстоял серьезный бой с Александром Богдановым и его сторонниками. Одной из составляющих разногласий было положение о взаимоотношениях философии, науки и политики.

Одна из идей Богданова и близких ему по духу большевиков заключалась в том, что можно быть марксистом, непосредственно участвуя в политической борьбе на стороне интересов пролетариата, а философские взгляды каждого отдельного члена партии не имеют к делу никакого отношения. Философия не связана с политикой.

В ходе жарких дискуссий Богданов и его сторонники не только будут объявлены т.н. махистами, но и буржуазными философами, что было серьезнее для той ситуации и партийной карьеры и влияния Богданова, стоящими на враждебных всем трудящимся позициях непознаваемости объективной реальности, идеализма, поповщины и устаревшего понятия материи. Непревзойденный мастер полемики и интриги, Ленин выиграл в краткосрочной перспективе в партийном противостоянии с Богдановым, но развитие физики и других естественных и точных наук показало глубокий ум, научную прозорливость Богданова, значительно опередившего время во многих областях знания. Энергия этого оригинального и незаурядного человека ушла на мечты о светлом будущем людей труда, на организацию газет, школ, организаций во благо пролетариата, вместо блестящей карьеры ученого, способного на создание не просто новых теорий, а принципиально новаторских парадигм научного мышления.

В 1920 году, в совершенно иных исторических обстоятельствах, увидело свет второе издание «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина, к которому прила-

галась вступительная статья В. Невского, непосредственно отражавшая отношение Ленина и близкого к нему круга политиков к Богданову [5; 6]. У статьи было говорящее название «Диалектический материализм и философия мировой реакции». Ленинская философская книга и статья Невского вновь стали сигналом к началу серьезной, показательной травли. Как и в прошлый раз, Ленин на публику «загребал жар чужими руками», его настроение и мысли озвучивались другими людьми, устами преданных партийцев. В 1923 году в том же духе в газете «Правда» вышел фельетон Я. Яковлева (Эпштейна) «Меньшевизм в пролеткультурной одежде». Были и другие публикации в центральных изданиях, где сам Богданов и развиваемая им система взглядов характеризовались как явление реакционное, оппортунистическое, не соответствующее моменту и интересам пролетарской революции. Жесткой критике подвергаются в 20-е гг. и собственно философские воззрения Богданова. Один из ведущих специалистов по диалектическому материализму того времени Н. Карев опубликовал серию статей «Тектология или диалектический материализм (К критике «Тектологии» А. Богданова)». Другой авторитетный для большевиков автор того времени И. Вайнштейн опубликовал примерно в это же время монографию «Организационная теория и диалектический материализм. Системная критика А. Богданова». Богданов давал на критику содержательные ответы, открыто участвовал в полемике. Богданов считал себя большевиком до конца жизни. В некоторых отношениях он был радикальнее Ленина и, конечно, значительно радикальнее т.н. «экономистов», выступавших в начале XX века за выдвижение рабочим классом в политической борьбе преимущественно требований роста заработной платы, улучшения условий труда и жизни [5].

Базовым положением большевистской идеологии является идея классовой борьбы как всеобщего принципа общественной жизни. Классовая борьба обнаруживает себя в том числе и в культуре: духовная культура, по мнению Богданова, является проявлением классовой идеологии. В бесклассовом обществе должна существовать

принципиально иная, по сравнению с прошлым, универсальная культура. Одним из важных признаков новой пролетарской культуры является игнорирование национальной составляющей (т.н. культурного кода), проявляющейся в первую очередь в сельской, крестьянской составляющей. Своей важнейшей миссией пролетарская культура считала универсальный, общечеловеческий характер [1].

Культуре в построении нового мира уделялась особая роль. Построение социализма, по Богданову, — это «вопрос метода» [1]. Богданов писал об этом так: «Социализм осуществится только тогда, когда старому культурному миру, с его опытом тысячелетий и вполне сложившимися методами, будут противопоставлены не только политическая сила и «хозяйственный план», а новый мир культуры, с новыми, высшими методами» [3; с. 331]. Оставаться ли в рамках старой культуры — это вопрос жизни и смерти для победившего пролетариата. Логика и методы старой жизни обрекут на поражение и сделают пролетариев объектом социальных манипуляций со стороны тех, для кого старая культура является поистине родной и естественной [3].

И здесь у Ленина и Богданова также имелись существенные расхождения. Ильич ратовал за то, чтобы все усилия были направлены на завоевание и удержание политической власти. Эта часть социального проекта была тщательно и крайне здраво и поэтапно продумана. Богданов расставлял приоритеты иначе. На первом плане в социалистических преобразованиях старого мира у него — культурная подготовка, требующая времени и значительных усилий. «Мгновенное просветление» множества заинтересованных людей произойти не может. Что же Богданов подразумевал под культурной подготовкой? Это способность к самостоятельному творчеству, которая сделает пролетариат полноценным социальным субъектом нового мира. Новая культура должна была ассимилировать старую, но преобразовать ее, заставить служить своим идеологическим целям. Однако основные усилия должны быть сосредоточены на создании своего, принципиально нового.

В модели новой пролетарской культуры Богданова соблюдены все принципы системности, о которой он так много и плодотворно рассуждал как философ. Пролеткульт Богданова — это проект, основанный на следующих важнейших и системообразующих идеях: любовь к труду, гордость труда, классовая борьба (чтобы жить и развиваться, пролетариат должен постоянно бороться), коллективизм, сотрудничество и товарищеская дисциплина внутри пролетариата, конкретность и целостность отражения жизни. К этому же набору у Богданова примыкал требующий отдельных пояснений принцип единства методов. Он означал демократизацию научного знания, обучения, оно должно стать более доступным для рабочих. При этом научная объективность, точность и строгость должны были сохраниться. Пролетариату нужна, по утверждениям Богданова, «новая энциклопедия знаний», подготовленная при непосредственном участии самих пролетариев [1–3].

Интересны рассуждения Богданова о лидерах и лидерстве. Они тоже достаточно оригинальны. В будущем, в рамках растущей товарищеской дисциплины, элементы индивидуального честолюбия должны раствориться. Лидерство должно стать не формальным и бюрократическим, а основанным на интересах дела и реальном авторитете. Так Богданов предостерегал от бюрократизации авангарда революционеров, готовых принести в качестве новой культуры приглашенный и упрощенный вариант ортодоксального марксизма в виде лозунгов-кричалок. Вождизм, и тем более культ личности, рассматривался как опасное для дела революции явление. Суть революции — не в вождях, а в ее методах, по Богданову [1; 2].

Как же определялось понятие «товарищеское сотрудничество», понятие, само по себе расплывчатое и неопределенное? Согласно воззрениям Богданова, это коллективное обсуждение и коллективное решение, рассматриваемое как специфическая организационная форма. Неустанный революционный романтик и философ нового мира, Александр Богданов рассматривал коллективизм, противопоставленный бюрократизму управленческих элит,

как высшую форму универсализма, призванную «очеловечить Вселенную». В этом контексте не стоит забывать о богостроительстве и идеях космизма в мировоззрении Богданова.

Одна из крайне важных задач пролетарской культуры — освобождение от «фетишей» (терминология Богданова). В качестве основополагающих фетишей старого мира рассматривались частная собственность, товарная ценность, власть рынка и конкуренции, а следовательно, мир банков, бирж, рекламы, бумажных денег и наживы. Все эти фетиши, по Богданову, абсолютно бесчеловечны, потому что имеют отвлеченный, оторванный от реальных потребностей человека и коллектива характер. Для обоснования этой мысли богостроитель Богданов использовал евангельское выражение: «Суббота для человека, а не человек для субботы». Под общечеловеческим понималось то, что всегда было, то, что люди не создавали [3]. Нормы пролетарской культуры должны быть гибкими и пластичными. Искусство, основанное на классовом опыте в целом, а не голые, упрощенные лозунги должны лечь в ее основу. Центральной фигурой произведений искусства должен быть коллектив, а не отдельная личность с ее индивидуалистическими метаниями, моральным выбором и поисками добра [3; 4].

Интеллигент Богданов весьма специфично относился к роли интеллигенции в культурной революции и развитии общества в целом. Она не самостоятельна, является промежуточным социальным слоем и призвана работать на культурное, идеологическое усиление тех или иных классов. В практическом плане ее нельзя ставить во главу угла при решении важных задач будущего. Пролеткульту нужна собственная, новая интеллигенция. Это выходцы из пролетариата, как нельзя лучше чувствующие и понимающие эту социальную среду. Из простого соединения писателя-интеллигента старой школы с сочувствием пролетариату и желанием служить делу пролетарской революции нового искусства не получится. Некоторое время в ходе культурной революции рабочим, достигавшим успехов в обучении, присваивали звание «рабочий-интеллигент» [1; 3].

Составной частью новой пролетарской культуры должен был стать Пролетарский университет. В нем должны были обучаться, по замыслу Богданова и его единомышленников, взрослые люди с жизненным опытом и хорошо осознаваемыми классовыми интересами пролетариата для «завершения идейной выработки». В процессе обучения эти люди, хорошо мотивированные к самостоятельной и коллективной деятельности, должны были ознакомиться с различными методами и практиками в различных областях деятельности. К профессорам будущего Пролетарского университета тоже, конечно, предъявлялись особые требования: курс лекций должен составляться на основе вопросов обучающихся. При этом Богданов отделял культуру и обучение пролетариев, живущих при капитализме, от новой пролетарской культуры социализма с принципиально иными задачами. Культура и образование рассматривались как крайне динамичное явление.

При советской власти Богданов попытался на практике создать ячейку «подлинного кровного братства», занимался рискованными медицинскими экспериментами со взаимным переливанием крови, в том числе, ставил опыты и на самом себе. При советской власти некоторое время он был директором первого в мире Института переливания крови. Богдановым был задуман новый проект — «кровное братство». Врач по законченному образованию, он предполагал, что взаимное переливание крови от молодых к старым и наоборот взаимно полезно. Одних оно сделает моложе и сильнее, а других мудрее, спокойнее и выносливее. К тому же предполагалось, что коллективизм и сотрудничество имеют под собой и биологическую основу. Кровь, как особая субстанция, занимала ум Александра Александровича многие годы. Уже в утопическом романе 1909 года о технологической социалистической цивилизации Марса «Красная звезда» неоднократно встречается тема крови, хотя она в этом тексте, конечно, не первостепенная.

Институт переливания крови был создан в конце 1925 года по личному распоряжению Сталина. Судьба Богданова и ему подобных в это время определялась на са-

мом верху [7]. Но уже в феврале следующего года Сталин написал совсем другие, резкие строки. Политическая конъюнктура в это время менялась стремительно. «Луначарские, Покровские, Рожковы, Гольденберги, Богдановы, Красиные и т.д., — таковы первые пришедшие на память образчики бывших вождей-большевиков, отошедших потом на вторые роли», — писал вождь [8]. Богданов, отстаивавший идеи непосредственного, живого коллективизма и сотрудничества, осуждавший бюрократию как организационную форму, конечно, пришелся не ко двору. Троцкий в поздний период своей жизни объяснял свои разногласия со Сталиным тем, что время революционных романтиков сменилось эпохой партийной бюрократии и жесткой организационной системы, которую успешно выстроил Иосиф Виссарионович [9].

7 апреля 1928 года ученый, энтузиаст и революционер Александр Богданов скончался после неудачного опыта на самом себе. Причиной в конечном счете стала все та же особая одержимость, смелость мысли и поступков, готовность к самым необычным экспериментам. Он обменялся кровью с больным туберкулезом молодым человеком, который не только выжил, но и благополучно выздоровел.

Обреченность старых большевиков неплохо описана историками в самых разных источниках. Часто также обсуждается вопрос, могла ли социалистическая система быть более долговечной и смогла

бы она быть реально прагматичной, если бы бережнее обходилась со своими романтиками-интеллектуалами и их мнением в долгосрочной перспективе [2; 7].

Список литературы

1. *Абехтиков Е.Е.* О противоречиях в пролеткульте // Вестник КГУ. — 2020. — № 1. — С. 43–46.
2. Александр Александрович Богданов / под ред. М.В. Локтионова. — М.: Политическая энциклопедия, 2021. — 448 с.
3. *Богданов А.А.* Вопросы социализма // Богданов А.А. Вопросы социализма: работы разных лет / под ред. Л.И. Абалкина (отв. ред.), Г.Д. Гловели, В.К. Парменова, Н.К. Фигуровской. — М., 1990. — С. 295–356.
4. *Богданов А.А.* Красная звезда. Инженер Мени. — М.: АСТ, 2024. — 288 с.
5. История Коммунистической партии Советского Союза / Б.Н. Пономарев, М.С. Волин, В.С. Зайцев и др. — М.: Политиздат, 1982. — 784 с.
6. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. — М.: Политиздат, 1968. — Т. 18. — 526 с.
7. *Любути К.Н., Толмачев В.Д.* Александр Богданов: от философии к тектологии. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. — 244 с.
8. *Сталин И.В.* Сочинения. — 2-е изд. — 1947. — Т. 7.
9. *Троцкий Л.Д.* Сталин. — М.: АСТ, 2024. — 439 с.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Университета мировых цивилизаций» рассматривает присланные материалы по тематике журнала с целью возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой «статья принята к публикации в журнале «Вестник Университета мировых цивилизаций»».

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется *строго в соответствии с требованиями*.

Требования, предъявляемые к оформлению рукописей статей

1. Для издания принимаются только ранее не опубликованные авторские материалы — научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, соответствующие тематике и профилю журнала «Вестник Университета мировых цивилизаций». Допускается до 4 соавторов.

Объем статьи для кандидатов и докторов наук составляет от 13 000 до 40 000 знаков, рекомендуемый объем статьи для аспирантов и соискателей — до 15 000 знаков. Статьи публикуются на русском языке.

2. Сведения об авторе должны быть представлены как на русском, так и на английском языке: имя, отчество, фамилия; ученая степень, ученое звание; должность или профессия; место работы, учебы, включая подразделение (кафедра, факультет), наименование учреждения/организации, населенного пункта, контактная информация (E-mail и другая контактная информация для публикации в журнале), наименование страны (для иностранных авторов). Имя автора приводится в именительном падеже.

В коллективных работах имена авторов приводятся в принятой ими последовательности.

3. Аннотация и ключевые слова. Должно быть указание: Аннотация (Abstract) и Ключевые слова (Key words), они должны быть представлены как на русском, так и на английском языках.

Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: предмет, цель работы, метод или методология проведения работы, результаты работы, новизна, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. В аннотации не допускается цитирование. Аббревиатуры должны быть расшифрованы. Рекомендуемый объем аннотации — минимум 150–250 слов.

Ключевые слова выбирают из текста материала рукописи и приводят в именительном падеже. Указываются от 5 до 10 ключевых слов или словосочетаний.

4. Основные требования к тексту статьи. Текст идет сразу после ключевых слов. Рекомендуется придерживаться данной логической структуры при написании: введение, методика, результаты, обсуждение, заключение.

Шрифт текста рукописи — Times New Roman, кегль (размер шрифта) — 14, междустрочный интервал 1,5; поля — 2 см со всех сторон. В таблицах шрифт Times New Roman, кегль (размер шрифта) — 12, интервал одинарный. Для сносок и примечаний шрифт Times New Roman, кегль (размер шрифта) — 10, интервал одинарный, абзацный отступ — 1,25 см.

Не допускается использования функции автопереносов. Абзацы («красная строка») должны выставляться автоматически. Для оформления текста не используются специальные стили и шрифты. Римские цифры обозначаются латинскими буквами. Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом их употреблении в тексте. Рисунки должны отвечать тексту и быть пронумерованы.

Рекомендуемое минимальное количество источников — 10. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после буквы «с», — на номер страницы в источнике (например, [1, с. 26]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например (1).

Ссылки на официальные документы, нормативные правовые акты, электронные ресурсы, газетные заметки без указания автора — подстрочные, в список литературы такие источники не включаются. Для вставки сносок используется сквозная нумерация.

5. Пристатейный список литературы должен быть пронумерован — каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100-2018, ГОСТ Р 7.0.108-2022 и ГОСТ Р 7.0.5-2008.

6. Все материалы представляются в редакцию в электронном виде по электронной почте:

izdimc@mail.ru.

7. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

8. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Подробную информацию и образец оформления статей можно скачать на сайте журнала:

<http://imc-j.ru/oformlenie-rukopisej>.

ЦИВИЛИЗАЦИОНИСТИКА

Учебник и практикум
в 5 томах

Том 3. Персонологическая цивилизационистика

Автор:

Кирсанов К.А. — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научного центра по исследованию истории и развития мировых цивилизаций АНО ВО «УМЦ»

Предлагаемое издание состоит из 5 томов и ориентировано на практическое применение знаний. Каждый том состоит из учебника и практикума.

Третий том учебника посвящен рассмотрению базовых положений цивилизационистики. Показано, что проектная деятельность играет фундаментальную роль в реализации футурологического потенциала цивилизационного строительства. Обоснованы подходы к выбору цивилизационно ориентированного направления развития. Практикум представлен научно-деловыми играми по теме учебника и вопросами для самопроверки. Соответствует требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

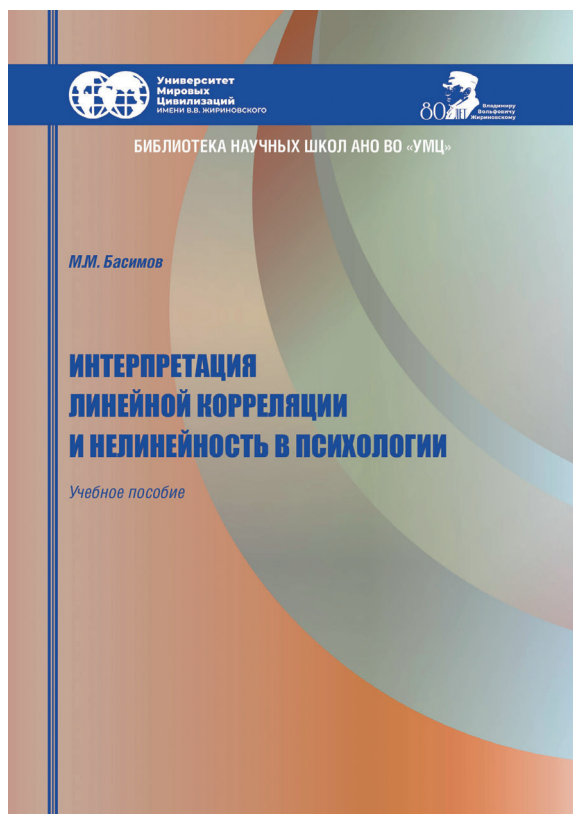
Учебник и практикум предназначен для студентов высших учебных заведений, обучающихся на разных направлениях подготовки, а также всех интересующихся цивилизационистикой как научным фундаментом взаимодействия интеллектуальных систем.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИНЕЙНОЙ КОРРЕЛЯЦИИ И НЕЛИНЕЙНОСТЬ В ПСИХОЛОГИИ

Учебное пособие

Автор:

Басимов М.М. — доктор психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научного центра по исследованию истории и развития мировых цивилизаций АНО ВО «УМЦ»

Пособие раскрывает, как интерпретации линейных статистических связей в психологических исследованиях, преодолению возникающих при этом методических ошибок при традиционных интерпретациях коэффициента корреляции, так и проблемы изучения простейших нелинейных связей, что крайне актуально в психологических исследованиях. Студенты получают знания и навыки вербальной интерпретации коэффициента корреляции по силе связи в рамках методики преобразования его интервалов на основе критического значения и объема выборки, а также в ознакомительном порядке получают представление как о модельных примерах зависимостей с математическими функциями, так и о зависимостях между конкретными психологическими переменными, отражающими два основных типа ошибок при традиционной интерпретации коэффициента корреляции, для чего широко привлекается наглядный графический материал.

Учебное пособие предназначено для студентов старших курсов направления подготовки «Психология», разных психологических специальностей.

Книги ИД УМЦ в электронном виде распространяются через компании-партнеры, предоставляющие специализированные сервисы в этой сфере как в России, так и по всему миру.

С крупнейшим российским распространителем электронных изданий — компанией «ЛитРес» — действует удобная партнерская программа. С сайта ИД УМЦ открывается реферальная ссылка на книгу в каталоге компании (<https://www.litres.ru/nano-vo-imc/>), где сразу можно оплатить и скачать книгу. В каталоге «ЛитРес» присутствуют все книги ИД УМЦ, реализуемые в электронном виде.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Том 17 № 2 (51) 2026

Научный журнал

Научное редактирование — *Герасимов В.И.*

Корректura — *Шапошникова В.В.*

Компьютерная верстка, макет — *Надворский И.С.*

Подписано в печать 23.06.2026.

Формат 60×90/8. Бумага офсетная 80 г/м². Гарнитура SchoolBookC.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,0.

Тираж 500 экз.

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»

119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 1/2, корп. 1

Тел.: +7 (499) 261-11-26

www.imc-i.ru; www.imc-ph.ru

Отпечатано ООО «ТОМИК»

115477, г. Москва, ул. Кантемировская, д. 60, помещ. 2, этаж 3